

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

Историческій Журналъ

АВГУСТ
1883

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ VI.

АВГУСТЪ.

1883 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 26-го іюля 1883 года.

КУПЛЕТНЫЯ ФОРМЫ НАРОДНОЙ ЮЖНО-РУССКОЙ ПѢСНИ.

Есть предположеніе, что въ древнѣйшій періодъ возникновенія искусства поэзіи рѣчь, музыка и мимика были связаны между собою въ одно цѣлое такими тѣсными узами, какъ въ живописи контуры съ тѣнями и красками. Нѣчто подобное въ настоящее время мы видимъ въ современной оперѣ. Постепенно съ развитіемъ искусства начинается отдѣленіе самостоятельныхъ искусствъ: поэзіи, музыки и мимики, идетъ самобытное ихъ существованіе и развитіе.

Несомнѣнно, что народъ до сихъ поръ, за исключеніемъ немногихъ поговорокъ и загадокъ, не знаетъ стиховъ безъ музыки; эта послѣдняя если и существуетъ среди народа самостоятельно, то во всякомъ случаѣ каждая мелодія, сыгранная на бандурѣ, лирѣ, сопилкѣ, скрипкѣ, гармоніи и т. п., не составляетъ самостоятельной пьесы, а только мотивъ какой нибудь пѣсни.

Народная пѣсня не создается отдѣльно отъ своего мотива; мотивъ и пѣсня зарождается вмѣстѣ, одновременно; вмѣстѣ они живутъ въ устахъ и сердцѣ пѣвцовъ, вмѣстѣ и развиваются въ полной другъ отъ друга зависимости. Связь, слѣдовательно, народной пѣсни съ музыкой очень сильна и знаменательна, а посему и складъ стиха народнаго и форма мотива вліяютъ другъ на друга гораздо болѣе и сильнѣе, чѣмъ это бываетъ въ пѣснѣ культурной.

Такимъ образомъ полное и всестороннее изученіе склада народнаго стиха должно быть непремѣнно соединено съ изученіемъ народной музыки, что весьма затруднительно, а для меня, непосвященнаго въ тайны музыкальной теоріи и техники, и совсѣмъ почти невозможно. Поэтому въ моихъ замѣткахъ объ избранномъ пред-

метѣ я долженъ, къ великому моему сожалѣнію, оставить музыку въ сторонѣ, касаясь ея только въ случаяхъ самыхъ необходимыхъ.

При изученіи народной версификаціи я пользовался многими общеизвѣстными южно-русскими сборниками, сборникомъ великорусскихъ пѣсенъ Шейна и сборниками польскихъ пѣсенъ, изданными антропологической коммисіей краковской академіи [1]). Долженъ однако замѣтить, что всѣ эти сборники страдаютъ однимъ общимъ недугомъ: на версификацію и музыкальность пѣсенъ и думъ рѣдкій собиратель обращалъ вниманіе, или не придавая этой сторонѣ народнаго творчества ровно никакого значенія, или вовсе не понимая пѣсенныхъ формъ; отъ этого большинство пѣсенъ въ сборникахъ искажены въ формѣ, подчасъ до безобразія. Въ подтвержденіе сказаннаго, я приведу слѣдующіе примѣры изъ сборника Чубинскаго.

Ой підъ гаемъ зелененькимъ,	8	слоговъ
Тамъ орала дівчиноньки воликомъ чорненькимъ.	14	»
Орала, орала—не вміла гукати,—	12	»
Найняла козачевька на скрипочку грати.	13	»
Козаченько грає, бровами моргає...	12	»
Вража мати ёго знае, на що вінъ думае:	14	»
Чи на мої воли, чи на корови,	11	»
Чи на мое біле личко,	8	»
Чи на мої чорни брови?	8	»
Воли та корови всі поздихають,	11	»
Біле личко, чорни брови по вікъ не злиняють.	14	»

По видимому, пѣсня эта не имѣетъ никакой опредѣленной формы; состоитъ она изъ 11 неправильныхъ стиховъ самой разнообразной длины, съ рифмами, кромѣ стиха восьмого, но при этомъ чувствуется почти вездѣ хорейный ритмъ. Между тѣмъ общеизвѣстная эта пѣсенка, провѣренная мною въ пѣніи деревенской дѣвушки, является сложенной весьма правильно, и выдерживающей отъ начала до конца опредѣленные куплеты [(6+6)—(8+6)] [2]). Вотъ ея живая форма:

Ой підъ *гаемъ, гаемъ,* ‖ гаемъ зелененькимъ,
Тамъ орала дівчиноньки ‖ воликомъ чорненькимъ.

---

[1]) Zbiór wiadomości do Antropologii Krajowej. Kraków.

[2]) Въ формулахъ число означаетъ количество слоговъ части стиха, въ ( ) заключается одинъ стихъ, въ [ ] куплетъ.

Орала, орала, || не вміла гукати,
Та наняла козаченька || на скрипочку грати.
Козаченько грае, || бровами моргае...
Вража ёго мати знае, || на що вінъ гадае:
Чи на мои волы, || *а* чи на коровы,
Чи на мое біле личко, || чи на чорни брови?
Волы та коровы || *усі* поздихають,—
Біле личко, чорни брови || по вікъ не злиняють.

Это пять двустишныхъ, вполнѣ правильныхъ куплетовъ; оба стиха хорейные, правильно раздѣленные цезурою на двѣ части, при чемъ первая часть втораго стиха 8-сложная, а остальная 6-сложная. Подчеркнутыя мною слова у Чубинскаго выпущены, въ девятомъ стихѣ вставлено: „мои", въ десятомъ, вмѣсто двусложнаго „усі", явилось односложное „всі", и ко всему этому изъ втораго стиха предпослѣдняго куплета сдѣлано два самостоятельныхъ стиха. Въ такой изуродованной формѣ эту пѣсню не только что правильно, но даже совсѣмъ спѣть невозможно.

Другой примѣръ я возьму изъ щедривокъ. У Чубинскаго щедривка № 36, вар. 13, звучитъ такъ:

Наша Маланка || господиня,	5+4
Въ ополонці || ложки мила,	4+4
Ложку, тарілку || упустила	5+4
А тоненькій хвартухъ || замочила.	6+4
Повій вітре || черезъ ворота,	4+5
Высуши хвартухъ || краще злота.	5+4
Щобъ ненька || не пізнала,	3+4
Щобъ шельмою || не назвала.	4+4

Неправильность стиха явная, и положительно нѣтъ возможности опредѣлить по этому списку первоначальную формулу этой щедривки; она подходитъ болѣе всего къ двумъ типамъ: [(4+4)—(4+4)] или къ [(5+4)—(5+4)]. Принимая во вниманіе, что первая формула въ щедривкахъ господствуетъ, вторая-же встрѣчается только въ купальныхъ и немногихъ весняныхъ пѣсняхъ, я былъ убѣжденъ, что имѣю дѣло съ искаженіемъ первой формулы. Но затѣмъ мнѣ удалось записать ту-же щедривку съ музыкой отъ деревенской женщины и убѣдиться въ совершенно противоположномъ. Вотъ какъ она поется:

Наша Мезанка || не лінива,
На ополонці || ложки мыла (2)
 На ополонці || ложки мыла,
 Ложку, тарілку || упустила. (2)
Ложку, тарілку || вытягала,
Тоненькій хвартухъ || замочала. (2)
 Ой повій вітре || буйнесенькій, (2)
 Высуши хвартухъ || тонесенькій. (2)
Ой повій вітре || чрезъ ворота,
Высуши хвартухъ || краще злота. (2)
 А щобъ мачуха || не пізнала,
 А щобъ шельмою || не назвала. (2)
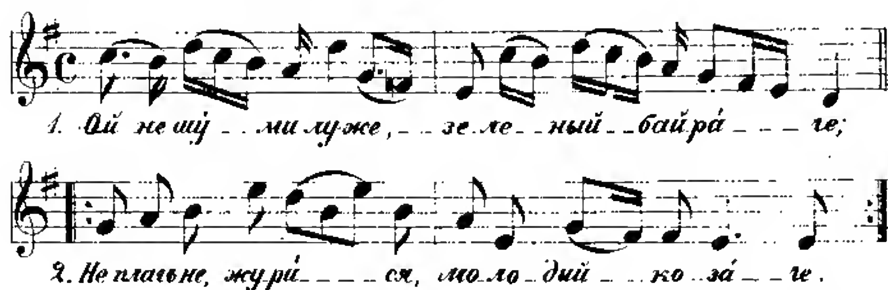
Всѣ шесть куплетовъ выдерживаютъ съ замѣчательной стойкостью формулу [(5-|-4)—(5-|-4)], при чемъ для достиженія правильности ритма вставляются разныя словца (ой, а), иныя сокращаются (чрезъ).

Изъ этихъ примѣровъ видно, какъ трудно довѣрять сборникамъ при изученіи склада стиха. Мнѣ на каждомъ шагу приходилось встрѣчаться съ подобными искаженіями, болѣе или менѣе крупными, при которыхъ подъ часъ совершенно невозможно опредѣлить типъ стиха. А между тѣмъ тѣже сборники доказываютъ, какъ украинскій народъ замѣчательно чувствителенъ къ формѣ, какъ онъ стремится къ достиженію благозвучія, вставляя для правильности ритма совсѣмъ ненужныя для содержанія словца, сокращая и распространяя слова, повторяя одно и тоже слово или даже цѣлыя фразы.

Наблюденія мои надъ стихомъ пѣсенъ въ сборникахъ приводятъ меня къ тому убѣжденію, что только та пѣсня можетъ считаться правильно занесенной въ сборникъ, которая была точно списана непремѣнно съ пѣнія, такъ какъ народъ только въ пѣніи произноситъ стихъ правильно и не понимаетъ стихотворной формы безъ мелодіи.

Тотъ или другой характеръ склада народной пѣсни зависитъ отъ гармоническаго согласованія мелодіи со словами. Каждая пѣсня дѣлится на отдѣльные повторяющіеся періоды, называемые куплетами. Куплетъ въ музыкальномъ отношеніи имѣетъ полную закон-

ченную мелодію, раздѣленную на 2, 4, 6 или болѣе музыкальныхъ фразъ, болѣе или менѣе разнообразныхъ по сочетанію тоновъ. Со стороны стихотворной такой куплетъ представляетъ болѣе или менѣе распространенное предложеніе съ нѣсколькими главными понятіями, около которыхъ группируются слова съ значеніемъ второстепеннымъ. Какъ въ каждой музыкальной фразѣ есть одна основная нота (тоника или доминанта), такъ соотвѣтственно въ стихахъ эти главныя понятія выдѣляются среди прочихъ своимъ логическимъ удареніемъ. Каждая музыкальная фраза объемлетъ непремѣнно одно логическое удареніе съ принадлежащими къ нему второстепенными словами, при чемъ логическое удареніе совпадаетъ съ основной нотой музыкальной фразы. Второй единицей въ составѣ куплета есть стихъ; онъ слагается изъ одного, двухъ или трехъ музыкальныхъ фразъ и логическихъ удареній, составляющихъ какъ по законченности мелодіи, такъ и по словесному содержанію опредѣленную цѣльную часть куплета, которой соотвѣтствуетъ такая-же часть или второй стихъ. Возьмемъ примѣръ:

Въ этомъ примѣрѣ, какъ видимъ, 4 музыкальныя фразы, которымъ соотвѣтствуетъ столько-же логическихъ удареній, совпадающихъ съ основными звуками мелодіи; куплетъ раздѣленъ на два стиха, соотвѣтствующіе одинъ другому какъ по мелодіи, такъ и по словесному смыслу.

Изъ сказаннаго мы видимъ, что народный куплетъ основанъ на логическихъ началахъ; онъ составляетъ рамки для цѣлой мысли, высказанной въ цѣльной законченной мелодіи. Въ стихотвореніяхъ литературныхъ мы зачастую встрѣчаемъ, что въ куплетѣ мысль не кончена и продолжается въ слѣдующемъ куплетѣ; еще чаще найдемъ стихи, въ которыхъ первая часть составляетъ конецъ какого-нибудь предложенія, а вторая начало слѣдующаго, составляю-

щаго мысль совершенно самостоятельную. Ничего подобнаго не можетъ быть въ пѣснѣ народной: дѣленіе куплета на стихи и части стиховъ всегда въ ней совпадаетъ съ дѣленіемъ на логическія и гармоническія фразы. Какъ создавались пѣвцами прототипы пѣсенныхъ куплетовъ, трудно сказать опредѣленно; по всему вѣроятію, извѣстная прочувствованная мысль выражалась сразу въ соотвѣтственномъ словесномъ предложеніи, пропѣтомъ въ соотвѣтствующей мысли и чувству мелодіи. Оттого такая сильная связь между содержаніемъ словеснымъ и комбинаціей тоновъ. Но прототипъ созданной пѣсни не остается неизмѣннымъ; онъ живетъ и развивается, перенося на себѣ отпечатокъ и времени и мѣстности. Создаваемые варіанты къ старой пѣснѣ носятъ уже нѣсколько другой характеръ; здѣсь пѣвецъ не создаетъ мотива вмѣстѣ съ пѣсней, а только подбираетъ слова для выраженія новой мысли соотвѣтственно шаблону, опредѣленному мотивомъ. При этомъ встрѣчаются непреодолимыя подъ часъ препятствія; трудно подобрать предложеніе такъ, чтобы логическія его ударенія вполнѣ совпадали съ основными нотами музыкальнаго куплета. Но вліяніе музыкальной мелодіи на удареніе въ словахъ на столько сильно, что въ неудачно подобранныхъ въ этомъ отношеніи стихахъ удареніе въ пѣніи переносится съ дѣйствительнаго своего мѣста на то, въ которомъ оно должно быть по формулѣ прототипа пѣсеннаго куплета. Зачастую мы слышимъ въ пѣніи, что вмѣсто „тебé, молодá, дíвчина, козакú, булá, ýлиця“ и т. п. поется: „тéбе, молóда, дівчúна, козáки, бýла, улúця“. Примѣровъ подобнаго перемѣщенія можно найти очень много; въ приведенной, напр., выше щедривкѣ „Меланки“, въ четвертомъ куплетѣ слова: „буйнéсенький“ и „тонéсенький“, а въ шестомъ слово „мáчуха“ поются: „буйнесéнький, тонесéнький, мачýха“, вслѣдствіе того, что мотивъ сложенъ для такого куплета, въ которомъ логическое удареніе стоитъ на предпослѣднемъ слогѣ каждой части стиха и имѣетъ соотвѣтственно акцентированный тонъ въ этомъ мѣстѣ мелодіи. Подобное перемѣщеніе ударенія есть безспорно диссонансъ, нарушающій благозвучіе пѣсни; изуродованныя слова сильно рѣжутъ ухо, хотя мы уже и свыклись съ многими нарушеніями и часто даже ихъ не замѣчаемъ, какъ напр. въ словахъ: „мéне, тéбе, дівчúна“. Постоянное употребленіе выраженія: „дівчúна-рибчúна“ въ пѣсняхъ амфибрахическаго ритма сдѣ-

лало то, что многіе полагаютъ, что въ данномъ случаѣ удареніе стоитъ правильно и оно должно произноситься также и въ прозѣ.

И такъ связь мелодіи пѣсни съ текстомъ видна не только въ построеніи куплета, въ соотвѣтствіи логическихъ частей стиха музыкальнымъ фразамъ, но и въ соотвѣтствіи тоническаго построенія мелодіи, акцентировкѣ словъ. Мелодія не только составляетъ гармоническую окраску пѣсеннаго стиха, но она съ нимъ настолько связана, что малѣйшее нарушеніе правильнаго сочетанія тоновъ гласныхъ звуковъ съ тонами мелодіи производитъ диссонансъ.

Сообразивъ все вышеизложенное, я съ увѣренностію скажу, что изучать архитектуру пѣсеннаго народнаго куплета можно только въ пѣніи; только въ пѣніи мы можемъ безошибочно опредѣлить формулу куплета, только пѣніе можетъ надлежащимъ образомъ освѣтить характеръ звуковаго тембра пѣсни; одинъ текстъ пѣсни безъ мелодіи—это не болѣе какъ скелетъ куплета, часто угловатый и неправильный. Но подобное изученіе безъ музыкальныхъ данныхъ, теоретическихъ и техническихъ, невозможно, по неимѣнію надлежащаго матеріала. Кромѣ сборника Н. В. Лисенка (120 пѣсенъ), я не знаю другаго серіознаго сборника мелодій; но и этотъ страдаетъ большимъ недостаткомъ, какъ матеріалъ для изученія стиха. Пѣсенъ купальныхъ, русальныхъ, зажнивныхъ, веснянокъ, колядокъ и щедривокъ въ сборникѣ этомъ совсѣмъ нѣтъ, а историческихъ эпическихъ очень мало.—Пробѣлъ этотъ можно восполнить до нѣкоторой степени немногими мотивами, занесенными въ III т. сборника Чубинскаго, но матеріалъ этотъ очень бѣденъ и, какъ замѣтилъ г. Лисенко, искаженъ въ корректурномъ отношеніи. Несмотря однако на все это, я нашелъ возможнымъ и изъ этого матеріала вывести заключеніе о существованіи въ южно-русскихъ пѣсняхъ двухъ типовъ склада куплетовъ, которые я назову *древнимъ* и *новымъ*; различіе между ними я нахожу въ характерѣ тоническаго согласованія мелодіи съ словеснымъ текстомъ.

Древній складъ основанъ только на логическомъ удареніи; вся ритмичность древняго куплета въ правильномъ чередованіи логическихъ подъемовъ, ясно акцентированныхъ въ основныхъ тонахъ музыкальныхъ фразъ. Куплетъ состоитъ изъ стиховъ, стихи дѣлятся на логическія части. Такая логическая часть съ соотвѣт-

ственною музыкальною фразою составляетъ меньшую единицу въ ритмѣ, который и зависитъ отъ правильнаго построенія стиховъ изъ логическихъ частей, подобранныхъ въ соотвѣтственномъ количествѣ и соотвѣтственной распространенности.

Складъ новый, кромѣ чередованія логическихъ удареній, имѣетъ еще правильный подборъ высокихъ и низкихъ тоновъ, группирующихся возлѣ основнаго. Часть стиха съ логическимъ удареніемъ дѣлится еще на меньшія единицы, каждая съ однимъ высокимъ и однимъ или двумя низкими слогами. Такія единицы въ стихахъ литературныхъ называютъ стопами. При пѣніи пѣсенъ новаго склада, вы слышите въ каждой части стиха, кромѣ главнаго логическаго ударенія, еще правильное чередованіе менѣе высокихъ удареній, подчиняющихся тѣмъ-же музыкальнымъ требованіямъ, что и логическое удареніе; т. е. въ случаѣ неудачнаго подбора слова, мелодія измѣняетъ его удареніе для соблюденія ритма. Мелодія этихъ пѣсенъ построена такимъ образомъ, что вы и безъ словъ слышите въ ней стройное чередованіе, и подъ такую мелодію народъ складываетъ пѣсни съ опредѣленными стопами, правильно чередующимися.

Есть убѣжденіе, что стопный складъ составляетъ исключительную принадлежность стиха литературнаго, что это форма искусственная, не присущая народному творчеству. Это не болѣе какъ предъубѣжденіе, ни на чемъ не основанное. Масса провѣреннаго мною пѣсеннаго матеріала южно-русскаго, польскаго и великорусскаго доказываетъ совершенно противоположное. Какъ увидимъ ниже, стопный складъ въ южно-русской пѣснѣ преобладаетъ, онъ вполнѣ выработанъ, имѣетъ свой опредѣленный характеръ и достигъ высшаго развитія въ самыхъ оригинальныхъ и изящныхъ куплетахъ.—Я не знаю, кто первый ввелъ въ литературу тоническій стопный складъ, но не думаю, чтобы стопа была выдумкой кабинетной, по образцу стиха метрическаго, и полагаю, что стопный складъ не привился-бы въ литературномъ стихѣ, если-бы не имѣлъ ничего общаго съ природными свойствами новыхъ языковъ. Я склоненъ думать, что стройный ладъ, возникшій на началахъ чисто народнаго языка, перешелъ вмѣстѣ съ народной пѣсней и въ литературу; это объясненіе, во всякомъ случаѣ, правдоподобнѣе; иначе пришлось-бы сказать, что народъ позаимствовалъ этотъ складъ

отъ поэтовъ. Разсмотримъ оба типа южно-русскаго пѣсеннаго склада по очереди.

Складъ древній безстопный. Я назвалъ его древнимъ по слѣдующему соображенію. У южно-руссовъ онъ употребляется на ряду съ стопнымъ во всѣхъ родахъ пѣсни, развѣ только въ плясовыхъ я его не встрѣчалъ; но за то всѣ пѣсни древняго происхожденія, какъ-то: колядки, щедривки, обрядовыя почти исключительно сложены по образцу безстопному. Колядки искусственныя, сложенныя духовенствомъ и семинаристами, имѣютъ всегда стихъ стопный, такъ что я считаю древній безстопный складъ характеристической отличительной чертой всѣхъ народныхъ колядокъ. Далеко рѣже встрѣчается этотъ складъ въ пѣсняхъ любовныхъ, бытовыхъ и даже историческихъ; тамъ стихъ стопный преобладаетъ. Сравнивая пѣсни южно-русскія съ польскими и великорусскими, я вынесъ впечатлѣніе, что по складу южно-русская пѣсня стоитъ по серединѣ между польской и великорусской; у поляковъ преобладаетъ уже складъ стопный, и только изрѣдка попадаются слѣды древняго стиха; зато у великороссовъ стихъ новый слышится очень рѣдко и то въ весьма неразвитыхъ примитивныхъ формахъ.

Опредѣлить точно типы древняго южно-русскаго стиха мнѣ не удалось, какъ по трудности задачи, такъ и по недостатку надлежащаго, не искаженнаго матеріала. Вотъ нѣсколько моихъ наблюденій.

Южно-русскій куплетъ древняго склада обыкновенно дѣлится на два стиха, составленные изъ двухъ или трехъ частей. Каждая часть стиха, вынося опредѣленное количество тоновъ, обыкновенно имѣетъ и однообразное соотвѣтственное количество слоговъ, хотя и часты бываютъ отступленія, нисколько не нарушающія ритма. Прибавленіе сверхъ нормы или убавленіе одного слога въ древнемъ складѣ совершенно не чувствуется, такъ какъ весь строй куплета, сохраняя однообразіе въ чередованіи логическихъ удареній, отъ этого не разрушается. При лишнемъ слогѣ соотвѣтственный тонъ мелодіи раздѣляется на два, даже короткіе, а при недостачѣ слога соотвѣтственный тонъ присоединяется къ сосѣднему и тогда одинъ слогъ стиха произносится въ два тона. Ничего подоб-

наго нѣтъ въ стихѣ стопномъ; тамъ всякое отступленіе влечетъ за собою неизбѣжное явное неблагозвучіе. Насколько мелодія древняго безстопнаго склада податлива и эластична, легко провѣрить, пропѣвъ нѣсколько куплетовъ любой пѣсни древняго склада изъ сборника Лысенка.

Изъ четырехъ-фразныхъ куплетовъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе куплетъ: (5-|-5)—5-|-5); форма эта считается древнѣйшей славянской формой. Она присуща большинству южно-русскихъ древнихъ колядокъ; попадаются этого склада и щедривки и веснянки.

Ишли мóлодці || рано съ цéрковці,
Ой ишли, ишли, || раду рáдили,
Раду рáдили || не еднáкую,
Не еднáкую, || а тройкую... (Антон. I. 1. Коляда).

По этой формѣ сложены, несомнѣнно записанныя довольно искаженно, *колядьі*: Т. III. №№ 1, 2, 3, 4, 5, 7, 9, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 25, 27, 29, 31, 32, 33, 37, 38, 41, 43, 45, 63, 74, 75, 76, 80, 85, 88, 124, 126, 128, 129, 151, 168, 171.— *Щедривки* ibidem №№ 1, 10, 11, 19, 29, 34, 48, 45, 61. *Веснянки* ibid. №№ 1, 4, 5, 6, 12, 19, 50. *Русальная* ibid. №№ 7, 9. *Купальная* ibid. № 82. *Любовныя* Т. V. № 36, 47, 91.

У поляковъ эта форма единственная, какую я встрѣтилъ въ болѣе чистомъ видѣ, хотя она нигдѣ въ колядкахъ не выдерживается отъ начала до конца. Рѣдкій примѣръ неискаженной формы представляетъ слѣдующая бытовая пѣсня:

Rozgniewáła się || zona na męża,
Wzieła kogútka, || poszła do księdza:
Panie probósczu! || doradź ze tému,
Co ja mam zróbić || męzowi mému?
Zapal ze swiéce, || wypal mu ócy,
Weź mu pieniόndzki, || przydź do mnie w nócy.
Ja ciebie wézme || za gospodýniom,
Bydzies safárką, || bydzies jedýnom.
Za jego dúsę || ja odprawić musę,—
Ciebie safárko || ja kochać músę. (Zbiór W. D. A. Pr. IV. 246).

Пѣсня эта замѣчательна тѣмъ, что содержаніе ея доказываетъ совсѣмъ не древнее происхожденіе; но народность ея и безъискусст-

венность не подлежитъ никакому сомнѣнію. Тоже явленіе, т. е. присутствіе древней формы при новомъ содержаніи, встрѣчаемъ и въ южно-русскихъ колядкахъ. Изъ указанныхъ мною выше колядокъ мы можемъ указать на 63 и 80, въ которыхъ содержаніе несомнѣнно новое—христіанское, ничего однако не имѣющее общаго съ колядками искусственными. По всему вѣроятію эти новыя пѣсни слагались подъ мотивъ какой нибудь древней колядки и получили вслѣдствіе этого и древнюю форму.

Другая, несомнѣнно тоже древняя форма куплета есть (4-¦-4)—(4-|-4), замѣчаемая преимущественно въ щедривкахъ, хотя попадаются и колядки этого склада, какъ напримѣръ слѣдующая:

Ой у пóлі || ширóкому,
Ой у мóрі || глибóкому,
Ой тамъ ши́ла || Пречи́стая,
Пречи́стая || Мати Бóжа и т. д. (Чуб. Коляда № 91).

Складъ этотъ несомнѣненъ въ *щедривкахъ* Т. Ш. №№ 6, 7, 8, 20, 21, 23, 24, 27, 28, 33, 35, 38, 40, 63; въ *колядахъ* ibid. №№ 11, 26, 28, 91, въ *веснянкахъ* ibid. № 8, 28, въ *купальной* ibid. № 4.

Менѣе употребителенъ, хотя типиченъ по мелодіи, куплетъ (5-¦4)—(5-¦-4); онъ господствуетъ въ пѣсняхъ купальныхъ.

Ой розвивайся, || сухій дýбе,
Бо вже на тéбе || морозъ бýде.
А я морóзу || не боюся,
И въ петрівку || розивъюся.
Не сподивáйся, || диброво́нько,
Зъ сухого дýба || зеленóго и т. д. (Чуб. III. № 17).

Несомнѣнное его присутствіе я нашелъ въ *купальныхъ* Т. Ш. №№ 2, 3, 5, 11, 14, 17, 36, въ *веснянкахъ* ibid №№ 33, 78 и въ одной *щедривкѣ* № 36, помѣщенной мною въ началѣ этой статьи. Собственно говоря, эта послѣдняя пѣсня не щедривка; она только поется въ богатый вечеръ при представленіи Меланки, которою одѣвается одинъ изъ парубковъ.—По своему бытовому сатирическому содержанію пѣсня о Меланкѣ существенно отличается отъ всѣхъ щедривокъ и примыкаетъ даже къ пѣснѣ обрядовой.

Еще съ большимъ сокращеніемъ второй части является форма: [(5-¦-3)—5-¦-3)], замѣченная мною въ *веснянкахъ* (Чуб. III, №№ 42, 56, 79, 80, 117. Любовная, Чуб. V № 52).

Ой тамъ на горі ‖ димъ та ди́мъ,
Тамъ соловейко ‖ гніздо звивъ.
    Да всю ніченьку ‖ не всипа́въ,
    Собі га́лочку ‖ приклика́въ.
«Ой чи будешъ ты, ‖ галочко,
Та моимъ діткамъ ‖ маткою?

Къ этимъ четыремъ куплетамъ подходитъ по размѣру куплетъ (4-¦-3)—4-¦-3); онъ царитъ въ пѣсняхъ обжиночныхъ. Почти всѣ обжиночныя пѣсни, занесенныя въ Ш. т. сборника Чубинскаго, сложены по этой формулѣ, при чемъ въ большинствѣ случаевъ имѣютъ припѣвъ (5-¦-5).

Уже со́нце ‖ ко́титься
Намъ до до́му ‖ хо́четься
    А мы не йдемо́, ‖ приказу ждемо́. (Припѣвъ).

или Нуте, ну́те, ‖ до межи́,
Варе́нички ‖ у діжі.
    Ай нуте́, робить, ‖ себе не барить. (Припѣвъ).

Во всѣхъ этихъ пѣсняхъ въ чтеніи слышны стопы; но слышны ли онѣ въ пѣніи, я, не зная ни одного ихъ мотива, опредѣлить не могу. Относительно припѣва надо замѣтить, что онъ составляетъ обычную принадлежность всѣхъ обрядовыхъ пѣсенъ. Характеръ его самый разнообразный; обыкновенно онъ меньше по размѣру основнаго куплета, но случаются, хотя рѣдко, припѣвы и равные и даже больше самого куплета. Вотъ нѣсколько примѣровъ припѣва:

Тамъ військо ишло́, ‖ ладу не найшло́
        Святый вечоръ!
    Иванко ишо́въ ‖ ладъ війську найшо́въ
        Святый вечоръ! (Коляда).

Стоитъ верба ‖ кінець села.
    Рости, вербо зелененька!
Підъ вербою ‖ три дівчины.
    Рости вербо зелененька! (Веснянка).

Поставлю сторо́жу, ‖ тай посію ро́жу.
    Стороною дощи йдуть, ‖ стороно́ю,
    Надъ моею рожо́ю ‖ повною.

Поставлю сторо́жу || рідного бате́нька.
Стороною дощи йдуть, || стороно́ю,
Надъ моею рожо́ю || повною (Купальная).

Чаще же всего, вмѣсто особаго припѣва, повторяется послѣдній стихъ куплета или послѣдняя его часть.

До сихъ поръ мы говорили о древнихъ куплетахъ, состоящихъ изъ стиховъ короткихъ, величина которыхъ отъ 7 до 10 слоговъ. Далеко менѣе типичны безстопные куплеты болѣе распространеннаго склада; ихъ очень много разбросано по всѣмъ родамъ пѣсенъ. Такъ въ веснянкахъ встрѣчаемъ куплетъ (6-¦-5)—(6-¦-5) (№ 22, 29).

Буду дивитися, || де мій ми́лий йде,
Мені молоде́нькій || гости́нця несе.
Не який гости́нець — || дротяная пліть:
Буду-жъ тебе, ми́ла, || що дня ею бить.

Въ семейной пѣснѣ, записанной въ сборникѣ Лисенка, въ III вып., подъ № 10, ясно опредѣляется куплетъ [(5-¦-7)—(5-¦-7)].

Ой, ты бога́чу, || я-жъ тебе да́вно знаю,—
Не сватай ме́не, || бо я корівъ не маю.

Еще болѣе растянутымъ является стихъ въ одной козацкой пѣснѣ (Лисенко. II, 9); тамъ стихъ 17-сложный [(8-¦-9)—(8-¦-9)].

Ой крикнула | лебе́донька, || изъ за хвили | вирива́ючи,
Заспівали | козаче́ньки, || зъ за лиману | выступа́ючи.

Тотъ же размѣръ встрѣчается и въ другихъ родахъ пѣсенъ, напр. въ семейныхъ (Чуб. V. № 148, 149). По своей распространенности каждая часть стиха какъ бы раздѣляется еще на двѣ части съ самостоятельнымъ удареніемъ: по слѣдующей формулѣ, (4-¦-4—4-¦-5)—(4-¦-4—4-¦-5), образуя стихъ въ 4 ударенія; но записанный у Лисенка мотивъ оттѣняетъ только четыре ударенія во всемъ куплетѣ и дѣлится только на четыре фразы.

Во всѣхъ приведенныхъ выше куплетахъ первый стихъ всегда бываетъ подобенъ второму. Встрѣчаются куплеты, въ которыхъ второй стихъ распространяется на два слога, разнообразя ритмъ; но такихъ куплетовъ очень немного и среди шести-фразныхъ я ихъ не встрѣчалъ. Вотъ три примѣра:

[(4 + 4) — (5 + 5)]

Якъ затрубить || въ роговую—
Пішли голоса || въ темнии ліса.
Якъ затрубить || въ мідяную—
Пошли голоса || въ чистии поля. (Колядка Чуб. № 132).

[(5 + 5) — (6 + 6)].

Охъ, я бачиться || лісокъ не высокъ,—
Яжъ тамъ походила, || заблудила була.
Охъ, и бачиться || лісокъ не высокъ,—
Не доходь до батька || жалібний голосокъ. (Любовная. Лысенко, III т., № 16).

[(4 + 5) — (6 + 5)].

Ой матусю, || ты не гай мене,
Въ далеку дорогу || вырнжай мене.
Теперъ нічка || та темненькая,
Козаку дорога || та далекая.
Іхавъ козакъ || та дорогою,
Пуставъ голосочокъ || та дібровою. (Антонов. I).

Шести-фразные древніе куплеты всегда дѣлятся на два подобные стиха, построенные однообразно. Они свойственны пѣснямъ серіознымъ съ широкимъ размашистымъ напѣвомъ; это куплетъ эпическій и бытовой. Въ противоположность напѣвамъ легкимъ и игривымъ, послѣдняя (3-я) часть стиха если не равна, то всегда длиннѣе предыдущихъ. Укороченія послѣдней части почти не бываетъ въ шести-фразныхъ куплетахъ. Я нашелъ очень немного примѣровъ такого укороченія въ куплетѣ (4+4+3)—(4+4+3).

Перелети || соколоньку, || пролети
Черезъ наше || Боришполе || да въ поле. (Весняпка Чуб. III, № 60). См. то-же Чуб. III. Дожиночныя № 45, 53.

Чѣмъ короче послѣдняя часть стиха, тѣмъ мотивъ и ритмъ рѣзвѣе, чѣмъ эта часть длиннѣе, тѣмъ мелодія протяжнѣе и ритмъ серіознѣе. По этой-то конечной части стиха я дѣлю шести-фразные куплеты на три разряда: съ пяти, шести и семисложною послѣднею частью стиха. Всѣ куплеты этихъ трехъ разрядовъ не имѣютъ опредѣленныхъ типовъ, пріуроченныхъ къ извѣстному роду

пѣсни; можно сказать только, что чѣмъ длиннѣе стихъ, тѣмъ серіознѣе содержаніе, тѣмъ размашистѣе мелодія. Я не встрѣчалъ исторической пѣсни съ 5 сложной третьей частью и нашелъ у Чубинскаго только одну веснянку съ 7 сложной послѣдней частью; хотя собственно говоря эта послѣдняя (№ 10), по своему содержанію, ничего съ веснянками общаго не имѣетъ; это грустная любовная пѣсня, и почему она попала въ разрядъ веснянокъ—не знаю.

Вотъ примѣры ясно опредѣленныхъ куплетовъ всѣхъ трехъ разрядовъ:

Съ пятисложной конечной частью: [(4-|-4-|-5)—(4-|-4-|-5)].

Колибъ мені || да Господи, || повечоріло,
На моєму-бъ || да серденьку || поздоровіло.

Чуб. III Веснянки № 99, 108.

[(4-|-5-|-5)—(4-|-5-|-5)].

Жила собі || да удівонька || да на край села,
Мала собі || да удівонька || сына сокола. (Лисенко II 20. Семейн.)

Съ шестисложной конечной частью: [(5-|-4-|-6)—(5-|-4-|-6)].

Да всі зірочки || до купочки, || місяць иде різно,
Да не лай мене, || моя мати, || що я хожу пізно. (Чуб. III Вес. № 104).

[(5-|-5-|-6)—(5-|-5-|-6)].

Ты на тімъ боці, || я на сімъ боці— || обое надъ водою;—
Не суди-жъ мене, || серденько мое, || стоячи зъ другою.

Чуб. III, Веснянки, № 36, 91, 113.

[(4-|-6-|-6)—(4-|-6-|-6)].

Розвивайся, || а ты сухий дубе, || завтра морозъ буде;
Убірайся, || молодый козаче, || завтра походъ буде. (Лысенко. I. № 11. Коз.)

Съ семисложной конечной частью: [(5-|-5-|-7)—(5-|-5-|-7)].

Ой зійшла зоря || вечірован, || надъ Почаівомъ стала;
Ой выступило || турецьке військо, || якъ та чорная хмара.

Лисенко I, 1. Историческая. II, любовная, № 33, 34. Чуб. III. Веснянка, № 10, V. Козацкая, № 28. Любовная у Чуб. V. № 55.

[(4-|-6-|-7)—(4-|-6-|-7)].

Ой, якъ візьме || Нечай молоденький || та одъ брамы до брамы,
Ой ставъ класти || та превражихъ ляхівъ || ажъ у чотырі лавы.

Лисенко, III, про Нечая, II, про Палія и бурлацкая № 13.

[(5-¦-6-¦-7)—(5-|-6-¦-7)].

Ой, занедужавъ || славный чумаченько, || та либонь хоче вмерти;
Ой, не дай Боже, || сёму чумакові || на чужиноньці смерти.

Чумацкія, Лисенко. I, 14, II, 10, III, 7. Чубин. V. № 172.

[(6-¦-6-¦-7)—(6-¦-6-¦-7)].

Ой, полети, галко, || ой, полети чорна, || дай на Січь рыбы істи;
Ой, принеси, галко, || ой, принеси чорна, || відъ Кошового вісти.

Лисенко, III, про Кальнишевского. I, чумацк., № 15.

Кромѣ приведенныхъ 21 куплета древняго склада, есть еще много самыхъ разнообразныхъ варіацій, болѣе или менѣе часто встрѣчающихся. Бываютъ, напримѣръ, куплеты трехъ-стишные и вмѣстѣ съ тѣмъ трехфразные, гдѣ одна музыкальная фраза отвѣчаетъ цѣльному стиху. Но такъ какъ трехъ-стишное построеніе не свойственно южно-русской пѣснѣ, то для выполненія музыкальнаго куплета повторяется одинъ стихъ два раза. Вотъ примѣръ одной чумацкой пѣсни (Лисенко. II. № 11).

[(7)—(7)—(8)].

Ой, чумаче, чумаче,
Ой, чумаче, чумаче!
Ой! въ тебе личко козаче,
Чомъ не сієшъ, не орешъ,
Чомъ не сієшъ, не орешъ,
Ой, я не рано зъ Крыму йдешъ?

Но подобное трехфразное построеніе мелодіи весьма рѣдко; надо при этомъ замѣтить, что въ приведенномъ примѣрѣ повтореніе перваго стиха не можетъ быть разсматриваемо, какъ refrain (припѣвъ), такъ какъ отвѣчающая этому повторенію вторая музыкальная фраза составляетъ интегральную часть мотива, совершенно несходную съ прибавочными припѣвами.

Всѣ представленные мною виды древнихъ куплетовъ относительно своего построенія не возбуждаютъ никакого сомнѣнія въ

своей древности; въ нихъ нѣтъ ничего случайнаго. Я заносилъ только тѣ формы, которыя мною были провѣрены или въ пѣніи, или въ разныхъ пѣсняхъ, или наконецъ тѣ, которыя выдерживались пѣсней отъ начала до конца и не возбуждали подозрѣнія въ искаженіяхъ, которыми полны сборники, даже сборникъ Лисенка.

Мѣсто логическаго ударенія, какъ мы выше видѣли, находится въ тѣсной связи съ мѣстомъ основнаго тона въ музыкальной фразѣ. Мы видѣли также, что если слова подобраны къ мотиву неудачно, то мелодія измѣняетъ въ пѣніи мѣсто дѣйствительнаго грамматическаго ударенія. Имѣя въ виду частыя искаженія словеснаго текста, при весьма маломъ матеріалѣ музыкальномъ, я не рѣшаюсь дѣлать какихъ либо выводовъ относительно разстановки логическихъ ударенiй, хотя вездѣ въ пѣсняхъ видно стремленіе къ правильному чередованію повышенія голоса. Можно только сказать, что удареніе стоитъ почти всегда на предпослѣднемъ или третьемъ съ конца слогѣ каждой части стиха, рѣдко на четвертомъ или послѣднемъ; при этомъ бываетъ, что части одного стиха подобны соотвѣтственнымъ частямъ другого. Такъ напр.:

Ой далеко *чу́ти* || такую по*ви́ну*,
Ще вбито Петру́*ня* || въ глибокий до*ли́ні*. (Лавренко).

Или:

Ишли *мо́лодци* || рано въ *це́рковци*,
Ой ишли, *и́шли*, || раду *ра́дили*. (Антоновичъ).

Въ обоихъ примѣрахъ всѣ части куплета подобны между собою, при чемъ въ первомъ удареніе всегда стоитъ на предпослѣднемъ слогѣ, а во второмъ на третьемъ съ конца каждой части. Въ слѣдующемъ примѣрѣ ритмъ построенъ не такъ однообразно; въ немъ всѣ первыя части стиховъ имѣютъ удареніе на предпослѣднемъ, а вторыя на третьемъ съ конца слогѣ:

Ой у п*о́лі* || шир*о́кому*,
Ой у *мо́рі* || глиб*о́кому* (коляда).

Благозвучіе стиховъ шестифразныхъ куплетовъ построено по большей части по первому образцу, хотя не безъ частыхъ исключеній, въ родѣ слѣдующаго:

Коли-бъ *мéни*, || да Г*о́споди*, || повечор*і́ло*,
На *моéму-бъ* || да *сéрденьку* поздоров*і́ло*.

Относительно *рифмы* слѣдуетъ замѣтить слѣдующее. Стихи древняго типа бываютъ или рифмованные или бѣлые. Эти послѣднiе, вообще говоря, встрѣчаются далеко рѣже рифмованныхъ и то только въ колядкахъ, щедривкахъ, купальныхъ и другихъ пѣсняхъ древняго происхожденiя; ихъ почти нѣтъ въ пѣсняхъ бытовыхъ и даже въ историческихъ попадаются они случайно. Чаще всего бываетъ, что среди рифмованныхъ стиховъ попадаются куплеты съ бѣлыми стихами, которые звучатъ среди ихъ явнымъ неблагозвучiемъ, свидѣтельствующимъ или объ искаженiи пѣсни, или о неудачномъ подборѣ куплета.

Рифмованные куплеты представляютъ два главные типа: или рифмы разставлены въ концѣ стиховъ куплета, или въ концѣ частей стиха. Въ первомъ случаѣ бываетъ, обыкновенно, что одной рифмой связаны только два стиха куплета, но часто случается, что новый куплетъ начинается повторенiемъ послѣдняго стиха предыдущаго куплета и однообразная рифма идетъ черезъ два куплета. Созвучiе въ частяхъ стиха бываетъ только въ четырехфразныхъ куплетахъ; въ шестифразныхъ я такихъ рифмъ не встрѣчалъ, напр.:

Ой въ полі, *полі*, || близько до*роги*,
Могила *сяе*, || війско гу*ляе*.
    Могила *сяе*, || війско гу*ляе*,
    Иванко прий*шовъ*, || ладъ війську най*шовъ*,
Ладъ війску най*шовъ*, || поперёдъ пій*шовъ*...
    А его *ненька* || барзо стар*енька*
    Выпрова*жала*, || тай нау*чала* (Коляда Чуб. № 00).

Подобныя рифмы въ чистомъ видѣ встрѣчаются довольно рѣдко; онѣ чаще бываютъ смѣшаны съ рифмами перваго типа, т. е. стоящими только въ концѣ стиховъ; напр.:

По полю, по полю, || по полю х*мара*,
Ой то не х*мара*, || то зъ коня *пара*.
Ой тамъ Иванко || коника гон*ивъ*,
Коника гон*ивъ*, || короля лов*ивъ*.
    Погнавъ коро*ля* || поперёдъ ко*ня*,
    По чаг*арочку*, || й по пож*арочку*.
А пожаръ ніжки || дай поджиг*ае*;
А кровъ слідочки || дай залив*ае*. (Коляда. Чуб. № 00).

Рифмы мужескія и женскія очень часто, какъ и въ предыдущемъ примѣрѣ, встрѣчаются въ перемѣшку въ одной и той-же пѣснѣ, хотя односложная рифма чаще слышится въ стопномъ, чѣмъ въ древнемъ куплетѣ.

Складъ новый. Мнѣ не приходилось читать ни одной серіозной работы по вопросу о складѣ южно-русскаго стиха, кромѣ коротенькой, поверхностной замѣтки А. Потебни въ рецензіи его на сборникъ Головацкаго, помѣщенной въ 37 томѣ Зап. Имп. Ак. Наукъ, за 1881 г. Я потому не знаю, выработаны-ли наукой какія нибудь положенія по настоящему вопросу, сдѣланы-ли какія нибудь выводы относительно характера построенія ритма и связи его съ музыкой. Извѣстно мнѣ однако, что господствуетъ предъубѣжденіе, якобы народному стиху не присущъ стопный складъ ритма. Я лично былъ того-же мнѣнія, принимаясь за мои наблюденія надъ построеніемъ нѣсколькихъ формъ у южно-руссовъ, но, къ великому моему удивленію, на каждомъ шагу бросалось мнѣ въ глаза однообразіе стопнаго построенія. Не довѣряя выводамъ, сдѣланнымъ при чтеніи пѣсенъ, я началъ провѣрять ихъ въ пѣніи, на сколько давалъ мнѣ матеріала сборникъ Лисенка, Едличка и Гулака-Артемовскаго. Масса провѣреннаго матеріала въ чтеніи и весь извѣстный мнѣ матеріалъ музыкальный убѣдили меня въ томъ, что ритмъ стопный безспорно присущъ южно-русскому куплету, имѣетъ свой народный типъ и характеръ. Но я долженъ оговориться. Стопная ритмичность народной пѣсни не вполнѣ сходна въ основаніи съ такою-жъ ритмичностью книжнаго стиха. Ритмъ этого послѣдняго основанъ на чередованіи грамматическихъ удареній, разставленныхъ въ извѣстномъ порядкѣ относительно слоговъ безъ удареній. Въ народной-же пѣснѣ центръ тяжести стопнаго построенія переносится изъ словъ на музыку, которая въ звуковой гармоніи безспорно господствуетъ надъ текстомъ словеснымъ, такъ что стопный ритмъ имѣетъ свое основаніе въ мелодіи, и удачно подобранные подъ извѣстную мелодію словесные куплеты носятъ на себѣ слѣдъ стопнаго построенія музыки. Какъ логическое, такъ и грамматическое удареніе имѣютъ въ чтеніи одно и тоже основаніе— повышеніе голоса или лучше акцентировку. Въ пѣніи высота тона

мало вліяетъ на удареніе, а больше протяжность звука и напряженность его. Это легко провѣрить, произнося въ какомъ нибудь одномъ музыкальномъ тонѣ цѣлое слово, причемъ для соблюденія и яснаго указанія мѣста ударенія достаточно будетъ произнести соотвѣтственный слогъ протяжнѣе или сильнѣе—громче. Если мы произнесемъ протяжнѣе въ томъ-же (одинаковой высоты) тонѣ слогъ не имѣющій грамматическаго ударенія, то почувствуемъ явное искаженіе ударенія въ словѣ. Изъ многочисленныхъ примѣровъ, которые мы можемъ наблюдать у Лисенка, я укажу на слѣдующій въ пѣснѣ: „Що за слава въ світі стала" (III. № 34). Пятый куплетъ этой пѣсни заканчивается словами: „й Ярина молода", составляющими вторую часть второго стиха куплета. Слово „молодá" имѣетъ грамматическое удареніе на послѣднемъ слогѣ, но въ пѣніи этой пѣсни вы явно слышите: „молóда", т. е. удареніе перенесено подъ вліяніемъ мелодіи на предпослѣдній слогъ, не смотря на то, что оба слога поются въ одномъ и томъ-же тонѣ fa, но предпослѣдній слогъ произносится въ мелодіи нѣсколько разъ протяжнѣе послѣдняго. Искаженіе въ данномъ случаѣ звучитъ очень рѣзко, избѣжать его безъ окончательнаго искаженія мелодіи невозможно. Далѣе мы видимъ, что во всѣхъ остальныхъ куплетахъ послѣднія слова имѣютъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ. Изъ сказаннаго, кажется, вполнѣ ясно, что удареніе словъ въ пѣніи вполнѣ зависитъ отъ построенія мелодіи. Однообразное построеніе мелодіи, повторяющейся черезъ всѣ куплеты, требуетъ однообразія въ чередованіи слоговъ съ удареніемъ.

Я мало свѣдущъ въ музыкѣ, но замѣтилъ слѣдующее явленіе въ мелодіяхъ: одни мелодіи оттѣняютъ всѣ ударенія правильно сложеннаго куплета, другія менѣе связаны въ звуковомъ отношеніи съ текстомъ и оттѣняютъ только ударенія логическія, причемъ всѣ остальныя ударенія какъ-бы безразличны въ пѣніи. Въ мелодіяхъ перваго рода замѣчается въ построеніи куплетовъ словесныхъ постоянство однообразнаго чередованія грамматическихъ удареній, между тѣмъ какъ въ мелодіяхъ втораго рода это постоянство примѣнено только относительно удареній логическихъ.

Возьмемъ примѣръ:

Якъ до тебе ходити,
Тебе вірно любити?—

Въ тебе мыши лихи, въ тебе мыши лихи,
Серце мое, серце мое!

Мелодія этой пѣсни построена такъ, что во всѣхъ словесныхъ куплетахъ требуетъ слѣдующаго расположенія слоговъ съ ударе-ніемъ:

— ⏑ | — ⏑ | ⏑ — ⏑
— ⏑ | — ⏑ | ⏑ — ⏑
⏑ ⏑ — | ⏑ ⏑ — || ⏑ ⏑ — | ⏑ ⏑ —
— ⏑ | ⏑ — || — ⏑ | ⏑ —

Малѣйшее отступленіе отъ этой схемы въ разстановкѣ ударе-ній влечетъ въ пѣніи искаженіе ударенія слова, что мы можемъ видѣть въ первомъ стихѣ приведеннаго куплета. Логическое ударе-ніе стоитъ на словѣ: „ходи́ти" но мелодія ясно оттѣняетъ и остальныя два грамматическія ударенія, при чемъ въ словѣ: „тебе" переноситъ это удареніе съ послѣдняго слога на первый, такъ что въ пѣніи слышится: „тéбе" вмѣсто „тебé". Переходъ ритма въ третьемъ стихѣ въ анапестный поразительно ясно чувствуется въ самой мелодіи. Совершенно другое явленіе мы видимъ въ пѣсняхъ древняго склада; тамъ музыка настойчиво требуетъ правильнаго чередованія только ударепій логическихъ, расположеніе-же прочихъ ударепій совершенно случайно и отъ мелодіи не зависитъ, что легко провѣрить въ пѣніи примѣровъ изъ сборника Лисенка. Констатируя два эти различныя свойства мелодій, я отказываюсь давать имъ какое-бы то ни было объясненіе. Есть-ли существенная разница въ основаніи построенія этихъ мотивовъ, или стопное построеніе мо-тивовъ составляетъ дальнѣйшее развитіе построенія логическаго— это для меня вопросъ открытый, хотя для послѣдняго предположенія у меня имѣются слѣдующія данныя. Есть много такихъ пѣсень, которыя я готовъ назвать пѣснями *смѣшаннаго* склада, составля-ющими переходъ отъ древняго склада къ новому. Въ пѣсняхъ этого рода опредѣленныя части куплета имѣютъ ритмъ только логическій, другія-же постоянно носятъ на себѣ слѣдъ извѣстнаго построенія стопнаго, правильно повторяющагося черезъ всѣ куплеты. Такъ напр.:

Що на тóй бочокъ, ¦ и на цéй бочокъ | рі̄чкӑ ро̆злі̄лӑся—
Та стоить дівка || та изъ пáрубкомъ, ¦ сто̆ить о̆бня̄лӑся.

Ой якъ же вінъ , та зведе́ зъ ума, не буде | любити—

Ой де більше .. та челядонька, || тамъ буде й , судити. (Лавренко).

Въ этой пѣснѣ послѣднія шестисложныя части всѣхъ стиховъ построены изъ двухъ амфибрахіехъ (⏑ — ⏑|⏑ — ⏑), не смотря на то, что остальныя части стиховъ не имѣютъ совершенно стопнаго ритма. Однообразіе стопнаго построенія этихъ послѣднихъ частей стиховъ во всей пѣснѣ указываетъ на неслучайное сочетаніе слоговъ съ удареніемъ и безъ ударенія, хотя, разумѣется, безъ провѣрки мелодіи нельзя сказать опредѣленно, чувствуется-ли это сочетаніе въ ритмѣ музыкальномъ. Константируя фактъ этого явленія, я не рѣшаюсь пока опредѣлять типа смѣшаннаго склада, оставляя этотъ вопросъ до того времени, когда мнѣ удастся подобрать достаточный соотвѣтственный музыкальный матеріалъ.

Что стопное построеніе куплетовъ есть дальнѣйшее развитіе логическаго лада, видно еще и изъ того, что во многихъ, безспорно древнихъ пѣсняхъ, какъ напр. колядкахъ, въ пѣніи случается слышать всегда въ опредѣленномъ мѣстѣ оттѣненіе, кромѣ удареній логическихъ, еще и нѣкоторыхъ, хотя не всѣхъ, грамматическихъ. За тѣмъ уже въ чистомъ стопномъ ладѣ, все таки при правильномъ чередованіи удареній грамматическихъ, отмѣчается всегда въ мотивѣ тотъ-же древній логическій подъемъ съ явнымъ преобладаніемъ надъ прочими стопными удареніями.

Опредѣляя типы куплетовъ новаго склада и стопное ихъ построеніе, мы, разумѣется, не въ состояніи ограничиться только музыкальнымъ матеріаломъ; его слишкомъ мало для этой цѣли. По неволѣ приходится имѣть дѣло съ глухимъ и искаженнымъ текстомъ. Изъ сборниковъ я выбиралъ пѣсни, въ которыхъ замѣчалъ правильное стопное построеніе, однообразно повторяющееся во всѣхъ куплетахъ, оставляя въ сторонѣ тѣ пѣсни, въ которыхъ грамматическія ударенія не укладывались въ опредѣленный порядокъ. Въ приводимыхъ мною ниже примѣрахъ изъ сборника Лисенка стопный ритмъ провѣренъ мною въ пѣніи, а въ остальныхъ примѣрахъ я убѣдился въ существованіи стопнаго не случайнаго построенія вслѣдствіе постоянства однообразнаго сочетанія слоговъ съ удареніемъ и безъ удареній во всей пѣснѣ.

Отъ гармонической различной комбинаціи разныхъ по высотѣ, напряженности и протяженію тоновъ зависитъ характеръ благозву-

чія мелодіи. Южно-русская пѣсня вообще отличается спокойствіемъ, мелодичностью и плавнымъ однообразнымъ теченіемъ мелодій; рѣзкихъ переходовъ отъ одного темпа къ другому встрѣтить трудно. Какъ-бы длиненъ куплетъ ни былъ, напр. 6-ти-фразный, въ немъ всѣ части мало другъ отъ друга отличаются по характеру мелодіи; только пѣсни шуточныя, нѣкоторыя плясовыя болѣе разнообразятся въ ритмѣ мелодіи. Этотъ характеръ южно-русской музыки, въ силу ея сильной связи съ словесными звуками, отразился на характерѣ стопнаго построенія словесныхъ куплетовъ. Различное сочетаніе слоговъ съ удареніемъ и безъ удареній имѣетъ свою характерную мелодію.

Спокойное теченіе мелодіи съ хорейнымъ или амфибрахическимъ ритмомъ рѣзко отличается отъ ритма ямбоваго или анапестнаго; такъ напр.:

Шовкомъ шила, шовкомъ шила, золотомъ рубила,
Все-жъ для того чумаченька, що я полюбила.

Или:

Ой ты-жъ казавъ, вражий сину, що гарбузъ не доріс, —
Якъ я-жъ тобі учепила, то ты ледво довісь.

Обѣ пѣсни сложены по одной формулѣ [(8+6)—(8+6)]; но какая разница въ ихъ тембрѣ, вслѣдствіе различнаго сочетанія слоговъ съ удареніемъ и безъ ударенія; первый куплетъ имѣетъ плавный хорейный ритмъ, а второй имѣетъ ритмъ смѣшанный съ преобладаніемъ ямба и анапеста:

(⌣ — | ⌣ — ¦ — ⌣ | — ⌣ ¦ ⌣ ⌣ — ¦ ⌣ ⌣ —).

Въ силу этого свойства стопнаго ритма, какъ увидимъ ниже, въ южно-русскихъ пѣсняхъ царитъ хорейный ладъ; онъ составляетъ главную основу ритма всѣхъ почти пѣсенъ, нерѣдка разнообразясь другими стопами, преимущественно амфибрахическаго склада; есть даже пѣсни съ чистымъ анапестомъ; но никогда не бываетъ чистаго ямба, онъ даже въ ритмѣ смѣшанномъ слышится рѣже другихъ стопъ.

Переходя къ разсмотрѣнію типовъ куплета новаго склада, я еще долженъ обратить вниманіе на то, что не всѣ формы древняго склада являются съ стопнымъ ритмомъ; такъ напр. форма [(5 + 5)—(5 + 5)], столь распространенная въ пѣсняхъ древняго лада, не

встрѣчается вовсе въ пѣсняхъ стопныхъ; и наоборотъ форма [(8+6)—(8+6)] всегда имѣетъ развитой стопный ритмъ.

Принимая во вниманіе, что стопный складъ куплета есть только высшая ступень развитія куплета логическаго, что въ новомъ куплетѣ остается тоже дѣленіе на музыкальныя фразы и соотвѣтственныя имъ логическія части стиха, я при классификаціи куплетовъ новаго склада принялъ тоже основаніе, что и относительно древняго типа, т. е. количество слоговъ, указывая при каждой формулѣ присущій ей стопный ритмъ.

Самую простую форму представляютъ четырехфразные куплеты, въ которыхъ всѣ части стиховъ подобны. При этомъ замѣчаются двѣ формы: въ первой музыкальная мелодія выполняется четырьмя одинаковыми короткими стихами съ однимъ логическимъ удареніемъ, а во второй—въ куплетѣ только два болѣе длинныхъ стиха, раздѣленныхъ цезурою на совершенно подобныя части. Изъ куплетовъ перваго рода обращаетъ на себя вниманіе куплетъ изъ четырехъ 8-ми сложныхъ стиховъ. Это весьма распространенный стихъ:

— ⌣ | — ⌣ | — ⌣ | — ⌣

Гомиіъ, гомиіъ по діброві,
Туманъ поле покрывае—
Туманъ поле покрывае,
Мати сына прогоняе.

Или:

Ой ты Гандзю милостива,
Чимъ ты брови намастила?
Кунервасу куповала,
Чорни брови малёвала...

См. Лысенко. Козацкая. II, 7. Любовныя. II, 36, 40, I, 20, 38; Чубинскій. V, Любовныя: 7, 16, 30, 33, 41, 50, 59, 73, 74, 80, 89, 8, 9, 90, 97. Козацкія: 19, 21, 22, 23, 26, 27, 37, 38, 43, Бурлацкія: 125, 126, Чумацкія: 146, 155, 156.

Есть пѣсни, въ которыхъ весь словесный куплетъ занимаетъ всего два восьмисложныхъ стиха и для выполненія четырехсложной мелодіи въ пѣніи каждый стихъ повторяется два раза; напр.

Що то въ лісі зашуміло?
Що то въ лісі зашуміло?

Сосна зъ вітромъ говорила,
Сосна зъ вітромъ говорила.

См. Лисенко, II. Семейная, 23. Любовная, 30.

У Лисенка есть пѣсня козацкая (II. 8) съ трехфразной мелодіей, выполняемой двустишнымъ хорейнымъ куплетомъ, причемъ первый стихъ повторяется два раза, напр.:

Ой не пýгай, пугаченьку,
Ой не пýгай, пугаченьку,
Въ зеленому байраченьку.

Рѣже слышится 7-сложный стихъ въ четырехсложныхъ куплетахъ; онъ представляется какъ-бы укороченіемъ стиха восьмисложнаго, оканчивается слогомъ съ удареніемъ и паузой вмѣсто недостающаго послѣдняго слога:

— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ’

Теренъ, теренъ, та не хміль,
Прийшовъ милый, та не мій:
Мою душу порыва,
Кого люблю, той нема. (Лавренко).

Есть семисложные стихи самостоятельные смѣшаннаго ритма съ амфибрахіемъ на концѣ:

— ⏑ | — ⏑ | ⏑ — ⏑

Но прислушавшись къ единственной мнѣ извѣстной мелодіи съ этимъ стихомъ (Лисенко. II, 18), скорѣе можно полагать, что подобные стихи укладываются въ куплетъ [(4+3) — (4+3)].

У Київі || на рынку
Пьють чумаки || горілку.
Ой пьють вони, || гуляють
На шинкарку || гукають.

См. у Чубинскаго. V, любовная 15; козацкая 24; чумацкая, 157.

Рѣдко можна найти шестисложные стихи; обыкновенно изъ нихъ составляются два 12-сложныхъ стиха съ подобными шестисложными частями. Зачастую такой куплетъ [(6+6)—(6+6)] бываетъ чистымъ хорейнымъ

— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑

Ой не шуми луже, ¦ зеленый байраче;
Не плачь, не журися, ¦ молодый козаче.
Якъ мені не шуміти, ¦ бувши зеленому;
Якъ мені не плакати, ¦ бувши молодому.
Сусідоньки близькі, ¦ вороженьки тяжкі,
Не велять ходити, ¦ дівчины любити.

См. Лисенко. I, 32 (любовная); II, 37 (любовная); III, 17 (семейная). Чубинскій. III, щедривки 2, 9; весняпки 7, 54, купальная 30. V, любовныя 5, 69, 94, 104.; козацкая 48; бурлацкія 132, 139; чумацкая 168.

Записанная у Чубинскаго съ музыкой щедривка № 9 представляетъ оригинальный примѣръ музыкальнаго двуфразнаго куплета, при чемъ фразѣ отвѣчаетъ шестисложный хорейный стихъ:

Василева мати
Пішла щедрувати.
Край стола стояла,
Чесный хрестъ держала.

Мотивъ очень монотонный и скучный.

Въ словесномъ текстѣ куплетовъ (6-¦-6)—(6-¦-6) мы часто встрѣчаемъ обыкновенно во второй части стиха вмѣсто трехъ хореевъ два амфибрахія.

— ⌣ — ⌣ — ⌣ ¦ ⌣ — ⌣ | ⌣ — ⌣

Ой не шуми луже, ¦ зеленый байраче.

Два эти амфибрахія никогда однако не выдерживаются въ пѣснѣ, насколько я могъ провѣрить въ музыкѣ, хотя въ вышеприведенномъ примѣрѣ такіе амфибрахіи поются ритмомъ хорейнымъ:

Зеле¦ный бай¦раче.

Тоже самое слѣдуетъ сказать и о амфибрахіяхъ и другихъ трехсложныхъ стопахъ въ первой части, напр:

Чумаче бурлаче ¦ чого зажурився;
Чи волы пристали, ¦ чи зъ дороги збився?

Въ пѣснѣ этотъ куплетъ поется въ чистомъ, явственномъ хорейномъ ритмѣ.

Пѣсень этой формулы не хорейнаго ритма весьма мало. По музыкѣ мнѣ извѣстна только одна анапестная пѣсенка:

◡ ◡ — | ◡ ◡ — ‖ ◡ ◡ — | ◡ ◡ —

Ой и жаль же мені ‖ що любивъ я ія,
Що любивъ та не взявъ, ‖ тільки світъ завязавъ.
Та узявъ напеня, ‖ та не рівня моя,
Та боиться вона ‖ йти по воду сама.
Якъ по воду йду, ‖ то за ручку веду.
Якъ зъ водою йду, ‖ тай відерця несу. (Мошинская, стр. 57).

Пѣсня эта, какъ въ мелодіи, такъ и въ словесномъ текстѣ выноситъ отъ начала до конца по два анапеста въ каждой части стиха. У Лавренка есть пѣсня, въ которой первая часть стиха анапестная, а вторая хорейная, и ритмъ этотъ выдержанъ правильно:

◡ ◡ — | ◡ ◡ — ‖ — ◡ — | ◡ — ◡

Таки дубъ, таки дубъ ‖ таки зелененькій
Таки бувъ, почувавъ ‖ хлопець молоденькій.

Чисто амфибрахическаго ритма я не могъ прослѣдить ни въ музыкѣ, ни въ текстѣ пѣсень. Есть у Лавренка одна любовная пѣсня, выдерживающая постоянно въ словесномъ текстѣ чистый амфибрахій:

Ой перепеличка,
Мала невеличка,
По полю літае,
Траву прогортае,
Гніздечка шукае.
Знайшла сокілочка:
»Сокілоньку ясный,
Мій милый, прекрасний,
Гордуешъ ты мною,
Якъ вітеръ горою.

Изъ послѣднихъ четырехъ стиховъ слѣдуетъ заключить, что пѣсенька эта въ пѣніи имѣетъ ту же формулу [(6 + 6)—(6 + 6)]; у Чубинскаго (V, № 9) она искажена совершенно. Не зная мелодіи, трудно положительно утверждать, что она выдерживаетъ въ пѣніи амфибрахическій ритмъ, не смотря даже на его постоянство въ тек-

стѣ,—въ виду того, что подобный примѣръ въ моихъ наблюденіяхъ единственный. Преобладаніе амфибрахическаго ритма представляетъ одна русальная пѣсня (Чуб. III, № 2).

Сидiла русалка || на бiлiй березi,
Просила русалка || въ жiночокъ намiтки.
Жiночки, сестрички, || дайте менi намiтки
Хочъ не тоненькоi, || абы бiленькоi.

Не смотря однако на эти примѣры, можно сказать, что чистый ритмъ амфибрахическій, если и случается, то, какъ и анапестный, составляетъ исключеніе среди массы пѣсень хорейнаго склада.

Четырехфразные куплеты, въ которыхъ части стиха разнообразны, а стихи подобны между собою, представляютъ значительно больше видовъ, хотя и не имѣющихъ широкаго опредѣленнаго примѣненія. Къ числу такихъ принадлежитъ:

[(4 + 6)—(4 + 6)]

Ритмъ пѣсень этой формулы тоже чисто хорейный, съ тѣмъ же присутствіемъ во второй шестисложной части амфибрахіевъ въ словесномъ текстѣ:

Щой у полi || край дороги рiвно,
Ходивъ козакъ || до дiвчины пiзно.
Ой не ходи, || козаче, до мене,
Буде слава || на тебе й на мене.

Лисенко. II, 17 рекрутская, III, 14 семейная, 26, 28 и 30 любовныя. I, 35 любовная. См. Чуб. III, веснянки 92, 101; купальная 8; V, чумацкая 145.

Тотъ-же размѣръ встрѣчается при куплетѣ четырех-стишномъ, который вслѣдствіе четырехъ-фразной мелодіи скорѣе можно опредѣлить такъ [(10)—(10)—(10)—10)]:

Ой пущу я кониченька въ саду,
А самъ пiду къ отцю на пораду,
Отець-же мiй по садочку ходить,
За повода кониченька водить (Лисенко. I. 6. историческ.).

Съ тѣмъ-же хорейнымъ ритмомъ, съ постояннымъ анапестомъ въ первой части стиха, представляется форма.

[(7 + 6)—(7 + 6)]

— ⌣ | — ⌣ | ⌣ ⌣ — || — ⌣ | — ⌣ | — ⌣

А вже тому третій день, || якъ конопли терла,
Побачила джигуна, || трохи я не вмерла. (Чуб. V. любовная 28).

Любовная пѣсня у Чубинскаго (V, 168), сложенная по тойже формулѣ, имѣетъ въ первой части стиха чистый хорей:

— ⌣ | — ⌣ | — ⌣ || ⌣ — ⌣ | — ⌣

Ой по тобі, луже, || не нахожуся,
Кого вірно люблю, || не надивлюся.

Постоянное присутствіе характернаго анапеста съ однимъ лишь хореемъ въ концѣ стиха представляетъ куплетъ: [(6 + 5)—(6 + 5)]

⌣ ⌣ — | ⌣ ⌣ — || ⌣ — ⌣ | — ⌣

Не ходи, не люби, || не носи грошей;
Не пійду за тебе || тыжъ не хороший.
Не ходи, не люби, || не залицайся
Не пійду за тебе, || не сподівайся. (Чуб. III. весн. 49).

Затѣмъ есть еще въ этой формулѣ два вида ритма съ амфибрахической первой частью:

⌣ — ⌣ | ⌣ — ⌣ || ⌣ — ⌣ | — ⌣

Дівчино кохана, || здорова була,
Чи-жъ ты вже за мене || тай позабула?
Пріїхавъ до тебе, || Богъ тебе знае,
Чи твое серденько || мене кохае. (Чуб. V. Любов.).

⌣ — ⌣ | ⌣ — ⌣ || — ⌣ | ⌣ — ⌣

Гусята, гусята || гречку поїли,
До ставу, до ставу || пить полетіли. (Лавренко).

Самую любимую однако и самую распространенную форму среди этого рода куплетовъ представляетъ:

[(8 + 6)—(8 + 6)]

Пусти мене, моя мати, || на той бочокъ прясти,
Чи не выйде козаченько || сірихъ воливъ пасти. (Лавренко).

См. *Лисенко*, историческія: I. 8, 9, 12; II. 3, 4, 6; III. 4, 5; рекрутская, II. 16; чумацкая, III. 9; любовныя, I. 30, 31; II. 38. III. 20. *Чубинскій*. III, веснянки 3, 16, 20, 27, 31, 32, 37, 38, 39, 40, 52, 53,

63, 77, 81, 87, 89, 90, 93, 95, 96, 97, 98, 100, 103, 106, 107, 110, 114, 115, 118, 119, 120, 127; V, любовныя: 3, 8, 13, 22, 27, 31, 34, 35, 37, 45, 54, 58, 65, 67, 68, 72, 84, 95; III, 174; козацкія: 4, 8, 17, 18, 20, 39, 40, 44, 47; гайдамацкія: 50, 51, 52, 53; бурлацкія: 123, 127, 131, 135; чумацкія: 147, 148, 149, 150, 158, 161, 164, 166.

Нѣкоторыя пѣсни этой формулы по логическому смыслу представляютъ по шести логическихъ удареній въ куплетѣ: [(4 + 4 + 6)—(4 + 4 + 6)], но въ 13 мелодіяхъ, провѣренныхъ мною по Лисенку, я не замѣтилъ ни одного шести-фразнаго куплета.

Ритмъ этой формулы довольно разнообразенъ, хотя хорейный чистый преобладаетъ.

Зібравъ війска сорокъ тысячъ ‖ въ місті Жаботині;
Обступили городъ Умань ‖ у едній годині.

Или:

Тамъ дівчина воду брала, ‖ ружу поливала,
Молодого козаченька ‖ въ гости зазывала. (Лавренко).

Изъ числа смѣшанныхъ видовъ болѣе типичны слѣдующіе:
а) съ амфибрахическою второй частью стиха:

— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ ‖ ⏑ — ⏑ | ⏑ — ⏑

Ой зъ за горы вітеръ віе, ‖ калина не спіе,
Козакъ дівку вірно любить, ‖ зайняти не сміе.
Тихъ еі не займаю, ‖ що сватати маю,
Тимъ до неі не горнуся, ‖ що славы боюся. (Чуб. V. люб. 174).

б) съ анапестомъ и амфибрахіемъ во второй части стиха:

— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ ‖ ⏑ ⏑ — | ⏑ — ⏑

Не світи имъ, місяченьку, ‖ ни теперъ, николи,
Тільки мому миленькому, ‖ якъ иде до дому. (Лисенко II, 38).

в) весьма оригинальный жанровый ритмъ съ двумя ямбами въ первой части стиха и съ анапестной второй частью:

⏑ — | ⏑ — | — ⏑ | — ⏑ ‖ ⏑ ⏑ — | ⏑ ⏑ —

Ой ты-жъ казавъ, вражий сыну, ‖ що гарбузъ не дорісъ!
Якъ яжъ тобі ученила, ‖ то ты ледво донісъ. (Мошинская, стр. 56).

Какъ-бы распространенной формой является куплетъ съ девяти-сложной второй частью стиха: [(8+9)—(8—9)]; хорейный его ритмъ на концѣ каждаго стиха заканчивается дактилемъ:

— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | ⏑ — ⁞ — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ ⏑

А чи мені брести, плисти, ⁞ а чи мені утопитися,—
Біднажъ моя головонько, ⁞ ни до кого прихилятися. (Лисенко II, 39).

Сокращенныя формы я замѣтилъ только двѣ: одна съ пятисложной второй частью стиха: [(8+5)—8+5)].

— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ ⁞ ⏑ — ⏑ | ⏑ —

Якъ поіхавъ мій миленький ⁞ далеко у степъ,
Ой, яжъ свою куделицю ⁞ підъ лавочку гепъ.
Лежить моя куделиця, ⁞ лежить, надулась,
А я молодая горілки ⁞ дуже напилась. (Лисенко III, 38).

Другая съ трехсложной второй частью: [(8 + 3)—(8 + 3)] или [(4 + 4 + 3)].

— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ ⁞ ⏑ ⏑ —

Якъ ходила дівчинонька ⁞ по межі,
Червонии черевички ⁞ на нозі.
Носи, носи, дівчинонько, ⁞ не лінуйсь,
Щобъ до тебе козаченько ⁞ пригорнувсь.

См. Лисенко. I, историческая 3; Чуб. III, веснянка 94.

Переходя къ указанію видовъ четырехъ-фразныхъ куплетныхъ формъ, въ которыхъ стихи не подобны, я долженъ замѣтить, что всѣ они, какъ и формы предъидущаго разряда, при всемъ своемъ разнообразіи, не имѣютъ широкаго примѣненія, за исключеніемъ куплета [(6+6(—(8+6)]; всѣ прочія формы, хотя и выдержаны совершенно опредѣленно, но встрѣчаются довольно рѣдко, часто въ единичныхъ случаяхъ, попавшихся въ моихъ наблюденіяхъ.

Общей характеристической чертой всѣхъ четырехъ-фразныхъ куплетовъ съ неравными стихами есть то, что второй стихъ всегда больше перваго и вторая часть втораго стиха бываетъ равной или больше соотвѣтственной части перваго стиха, но никогда не бываетъ меньше. Исключеніе въ обоихъ этихъ отношеніяхъ представляетъ единственный подмѣченный мною въ любовной пѣсенкѣ (Лысенко III, 29) куплетъ [(6+7)—(4+6)], въ которомъ второй стихъ на три слога меньше перваго и вторая часть втораго стиха на одинъ слогъ меньше второй части перваго стиха. Этотъ лишній седьмой слогъ во второй части перваго стиха явился вслѣдствіе

введенія въ пѣсню передъ второй частью перваго стиха каждаго куплета восклицанія „гей!“, составляющаго родъ оригинальнаго припѣва. Если отбросить это „гей“, которое и произносится совершенно независимо, то получимъ чистый хорейный складъ, отвѣчающій хорейному ритму мелодіи:

— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ ¦ — ¦ — ⏑ | — ⏑ | — ⏑
— ⏑ | — ⏑ ¦ — ⏑ | — ⏑ | — ⏑

Мати-жъ моя, мати, ¦ гей! || що-жъ маю діяти,
Що нікому || воливъ поганяти.
Ой вийшла дівчина, || гей! || зъ карыми очима,
Вона жъ ёму ¦ воливъ поганяла.

Совершенно съ другимъ характеромъ является подобное-же постоянное восклицаніе въ любовной пѣснѣ (у Лисенка въ томъ-же томѣ, № 32) формулы: [(4 + 4)—(6 + 5)]; здѣсь восклицаніе стоитъ передъ второй частью втораго стиха, не имѣетъ такого самостоятельнаго звуковаго значенія и введено въ общій ритмъ.

— ⏑ | — ⏑ ¦ — ⏑ | — ⏑
— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ || ⏑ — ⏑ | — ⏑

Чи ты жива, ¦ чи здорова,
Красавиця мила, || ой! чорнаброва?
Хочъ я жива, ¦ такъ не стану,
Вышлю меншу сестру || ой! на заставу.

Чистый хорейный ритмъ слышится въ куплетѣ [(4+4)—(6+4)] одной любовной пѣсни въ сборникѣ Лисенка (II, 32),

— ⏑ | — ⏑ || — ⏑ | — ⏑
— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ || — ⏑ | — ⏑

Ой я въ батька || единиця,
Полюбила Гриця | чорнобривця.
Я ничого ¦ не робила,
Тільки по садочку ¦ походила.

Куплетъ [(4 + 6) — (6 + 6)] имѣетъ тоже чистый хорейный ритмъ:

Ой и зрада ¦ карі очи, зрада:
Чому въ тебе, милый ¦ не вся щира правда. (Лисенко I, 19 Люб.).

Какъ я выше замѣтилъ, болѣе всего въ употребленіи куплетъ [(6 -|- 6)—(8 -|- 6)]; онъ по преимуществу имѣетъ чистый хорейный ритмъ.

— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ || — ⏑ | — ⏑ | — ⏑
— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ || — ⏑ | — ⏑ | — ⏑

Нова рада стала, || якъ на небі хвала,
Надъ вертепомъ звізда ясна || світу возсіяла.
Въ Давидовімъ дому || выгравають ёму;
На всі струны ударяють, || Бога выхваляють.
Пастушки зъ ягнятскомъ || передъ тимъ дитяткомъ
На колінка упадають, || Бога выхваляють. (Чуб. III, коляда 59).

См. Лисенко. I, гайдамацкая 10, семейная 18; II, любовная 29; III, историческая 6, семейныя 12, 21, любовная 18.

Изъ числа смѣшанныхъ ритмовъ я обращаю вниманіе на слѣдующій амфибрахическій ладъ съ хорейной первой частью втораго стиха:

⏑ — ⏑ | ⏑ — ⏑ || ⏑ — ⏑ | ⏑ — ⏑
— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | ⏑ — ⏑ | ⏑ — ⏑

Ой горе тій чайці, || горе тій небозі,
Що вывела чаенятокъ || при битій дорозі. (Лисенко. III, чумацкая 8).

Пѣсня эта не выдерживаетъ постоянно этого куплета, въ дальнѣйшемъ текстѣ она переходитъ въ куплетъ [(8 -|- 6)—(8 -|- 6)]; тоже самое явленіе мнѣ приходилось замѣчать и въ другихъ случаяхъ при опредѣленіи пѣсеннаго размѣра [(8 -|- 6)—(8 -|- 6)]; въ виду этого я полагаю, что куплетъ [(6 -|- 6)—(8 -|- 6)] есть сокращенная форма весьма сродственнаго ему предъидущаго куплета.

Есть четырехфразные куплеты еще болѣе распространенные, въ которыхъ части стиха доходятъ до девяти и даже десяти слоговъ; вотъ два примѣра: [(9 -|- 6)—(8 -|- 8)]:

⏑ ⏑ — | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ || — ⏑ | — ⏑ | — ⏑
— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ || — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑

Та бодай тая степовая || могила запала,
Де я вчора жито жала, || вчора й вечіръ утеряла.
Ой, утеряла вчора вечіръ, || втеряю й тепера:
Чогось моя женишина || та смутная й не весела. (Лисенко. I, люб. 28).

[(6 + 6)—(10 + 6)], въ немъ первый стихъ амфибрахическій, второй хорейный.

⏑ — ⏑ | ⏑ — ⏑ || ⏑ — ⏑ | ⏑ — ⏑

— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ || — ⏑ | — ⏑ | — ⏑

Ой сынку-жъ, мій сынку, || не гараздъ ты робишъ:
Жалкували чужи молодыци, || що ты шкоду робишъ. (Лисенко. III, Семейн. 13).

Шестифразные куплеты новаго склада поддаются далеко труднѣе паблюденію въ сборникахъ, чѣмъ четырехфразные, по слѣдующимъ обстоятельствамъ. Собиратели пѣсень ровно никакого не обращали вниманія на форму, поэтому не различали стиховъ отъ частей ихъ; чѣмъ живѣе мелодія, чѣмъ болѣе разнообразія въ музыкальныхъ фразахъ, тѣмъ болѣе выдѣляются соотвѣтственныя имъ части стиховъ, какъ нѣчто самостоятельное, и для неопытнаго уха и вниманія собирателей казались отдѣльными стихами и въ такомъ видѣ записывались. Въ южно-русскихъ пѣсняхъ замѣчается постоянно излюбленный пріемъ—повтореніе частей стиха и даже цѣлыхъ стиховъ; небрежность собирателей по отношенію къ формѣ выразилась въ игнорированіи этихъ повтореній; ихъ считали лишнимъ балластомъ въ изданіи и весьма часто отбрасывали. Затѣмъ очень и очень многія пѣсни, особенно обрядныя, имѣютъ припѣвъ, часто по содержанію весьма простой и не интересный; собиратели, не обращая вниманія на форму, зачастую совершенно его игнорировали. Занесенныя въ сборники въ подобномъ искаженномъ видѣ пѣсни представляютъ совершенно непригодный матеріалъ для наблюденій надъ формами куплетовъ. Такъ какъ шестифразные куплеты, по своей распространенности и разнообразію въ музыкальныхъ фразахъ, легче другихъ даютъ поле для подобнаго искаженія, то я нашелъ, по крайней мѣрѣ для себя, совершенно невозможнымъ опредѣлять куплетныя формулы по сборникамъ безъ музыки. Тѣ немногія формы шестисложнаго куплета, какія указаны мною ниже, взяты исключительно изъ сборника Лисенка.

Съ пяти-сложной конечной частью стиха у Лисенка есть только одна бурлацкая пѣсня (II, 15) съ куплетомъ [(6+6+5)—(6+6+5)]; ритмъ ея чистый хорейный разнообразится амфибрахіемъ въ третьей части.

— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ . — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ || ⏑ — ⏑ | — ⏑

Та щобъ мое тіло || бурлацькее біле || тай не чорніло,
Одъ ясного сонця, || одъ буйного вітру || тай не марніло.

Въ одной веснянкѣ, записанной у Чубинскаго (III, 43), замѣчается куплетъ [(6-|-6-|-6)—(6-|-6-|-6)] съ двумя амфибрахіями на концѣ стиха; безъ музыки, разумѣется, нельзя сказать опредѣленно, какой имѣетъ ритмъ послѣдняя часть стиха, тѣмъ болѣе, что въ послѣднемъ куплетѣ въ словесномъ текстѣ слышится не амфибрахій, но анапестъ.

— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ || — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ || ⏑ — ⏑ | ⏑ — ⏑

А по той калині || пташечки ходили, || ходили, ходили!
А тамъ(то) молодці || дівчину любили, || любили, любили!
Ой не жаль мені того || кубка золотого, || зъ тимъ виномъ, зъ тимъ виномъ!
А жаль мені того, || що я звінчалася || зъ тимъ жидомъ, зъ тимъ жидомъ!

Очень оригинально звучитъ куплетъ [(5 + 5 + 6)—(5 + 5 + 6)] при соединеніи въ ритмѣ ямба, анапеста и хорея:

⏑ — | ⏑ ⏑ — || ⏑ — | ⏑ ⏑ — || — ⏑ | — ⏑ | — ⏑

Милая моя || неправда-жъ твоя: || тільки-жъ бо ты одна,—
Ты въ мене сама, || якъ ясна зоря || вечірняя, світишъ. (Лисенко. II, 25).

Въ этой пѣснѣ очень часто послѣдняя шестисложная часть стиха удлиняется на одинъ хорей, не нарушая притомъ въ пѣніи благозвучія ритма, и куплетъ получаетъ форму [(5 + 5 + 8) —(5 + 5 + 6)] или [(5 + 5 + 6)—(5 + 5 + 8)], напр.:

Колибъ-же я взявъ, || кого я бажавъ, тобъ я не журився,
Звідкиль-бы прийшовъ, || звідкіль приіхавъ, || тобъ на неі подивився.

Въ прелестной исторической пѣснѣ: „Гей, не дивуйтесь" (Лисенко. I, 13) куплетъ [(5 + 5 + 8)—(5 + 5 + 8)] выдерживается постоянно и перехода восьми-сложной конечной части въ шестисложную не замѣчается; но тамъ музыка какъ-бы тѣснѣе связана съ текстомъ: на каждый слогъ имѣется отдѣльный звукъ мелодіи; нѣтъ того расчлененія и переливовъ, какими обладаетъ мелодія предъидущей пѣсни. Ритмъ серіозный этой пѣсни смѣшанный; въ немъ чередуются хорей съ амфибрахіемъ, при чемъ въ конечной части втораго стиха ритмъ начинается не съ хорея, а съ амфибрахія:

— ⌣ | ⌣ — ⌣ ⁞ — ⌣ | ⌣ — ⌣ || — ⌣ | ⌣ — ⌣ | ⌣ — ⌣
— ⌣ | ⌣ — ⌣ || — ⌣ | ⌣ — ⌣ || ⌣ — ⌣ | — ⌣ | ⌣ — ⌣

Гей, не дивуйте, ⁞ добрі люде, ⁞ що на Вкраині повстало:
Що за Дашевомъ, ⁞ підъ Сорокою || множество ляхівъ пропало.

Съ той-же восьми-сложной конечной частью есть еще одна чумацкая пѣсня (Лисенко, 16) чисто хорейнаго ритма съ куплетомъ [(8 + 8 + 8)—(4 + 6 + 8)], при чемъ въ словесномъ текстѣ конечная часть перваго стиха есть повтореніе предъидущей части:

Ой у полі криниченька, || зъ неі вода протікае, ⁞ зъ неі вода протікае
Ой тамъ чумакъ ⁞ сіри волы пасе, ⁞ щей зъ криниці напувае.

Кромѣ куплетовъ четырехъ и шестифразныхъ, новая пѣсня въ своемъ развитіи дала еще болѣе разнообразныя и распространенныя формы. Есть куплеты въ пять, семь, восемь и десять даже фразъ музыкальныхъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Куплетъ пятифразный въ два стиха [(6 + 6)—(4 + 5 + 5)].

— ⌣ | — ⌣ | ⌣ — || — ⌣ | — ⌣ | ⌣ —
— ⌣ | — ⌣ || — ⌣ | — ⌣ ⌣ || — ⌣ | ⌣ ⌣ —

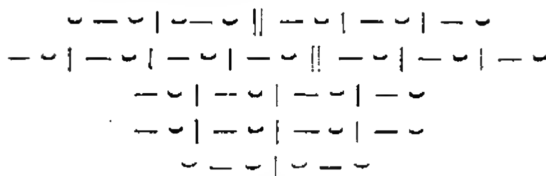
Ой учора оравъ, || и сёгодня оравъ;
Гей, хтожъ тобі, ⁞ мое серденько, || волы поганявъ. (Лисенко. I. 33).

Куплетъ семифразный въ пять стиховъ [(6 + 4)—(6 + 4)—(7)—(7)—(8)].

— ⌣ | — ⌣ | — ⌣ || — ⌣ | — ⌣
— ⌣ | — ⌣ | — ⌣ ⁞ — ⌣ | — ⌣
⌣ ⌣ — | — ⌣ | — ⌣
⌣ ⌣ — | — ⌣ | — ⌣
— ⌣ | — ⌣ | — ⌣ | — ⌣

Та не спавъ я нічку ⁞ темненькую,
Та не буду спати || ще й другую,
Та чогось мені нудно,
И на серденьку трудно,
Самъ я молодый не знаю. (Лисенко. II, 14 бурлацкая).

Куплетъ семифразный въ пяти стихахъ [(6 + 6)—(8 + 6)—(8)—(8)—(6)], ритмъ по всей вѣроятности такой:

Хрещатый барвінокъ || рано процвітае,
А запашный василёчокъ || три запахи мае,
А надъ тую повну рожу,
А надъ тую червоную.
И въ світі не мае. (Чубинск. 5 стр. 485).

Куплетъ восьми-фразный въ шести стихахъ [(6 + 6)—(6 + 6)—(8)—(8)—(6)—(6)]; ритмъ хорейный:

Безъ тебе, Олесю, || пшеницю возити,
Безъ тебе, Олесю, || тяжко въ світі жити.
Якъ день, такъ нічъ, то рве душу,
Я до тебе прийти мушу,
Хоча й не раненько,
Олесю серденько. (Лысенко. III. 35).

Куплетъ десятифразный въ пяти стихахъ [(4 + 6)—(4 + 6)—(4 + 4)—(4 + 4)—(4 + 4)]; ритмъ его чисто хорейный.

Ой на гору || козакъ воду носить,
Дівчинонька || козаченька просить:
Козаченьку, || мій соболю,
Возьми-жъ мене || изъ собою,
Помандрую || я зъ тобою. (Лысенко. I. 26).

Непремѣнная принадлежность стопнаго куплета есть *рифма*. Бѣлыхъ стопныхъ стиховъ въ южно-русской поэзіи нѣтъ; бываетъ рифма не развитая, съ весьма слабымъ созвучіемъ, бываютъ отдѣльные стихи не введенные въ систему рифмъ, но рифма въ каждой пѣснѣ слышится непремѣнно. Хотя обыкновенное мѣсто рифмы, какъ мы видѣли изъ приведенныхъ выше примѣровъ, на концѣ двухъ стиховъ, но иногда случается слышать созвучіе между частями стиха или между частями стиха и вмѣстѣ съ тѣмъ и между стихами; напр.:

Ой зъ-за гори вітеръ *віе*, || калина не *спіе*,
Козакъ дівку вірно любить, || зайняти не *сміе*
Тимъ я ei не займаю, || що сватати *маю*,
Тимъ до неі не гор*нуся*, || що славы бо*юся*.

Или:

Коваленко гр*ае*, || бровами морг*ае*...
Вража його мати зн*ае*, || на що вінъ гад*ае*.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что подобныя рифмы не выдерживаются въ пѣсняхъ отъ начала до конца и даже никогда не преобладаютъ надъ обыкновенной рифмой между двумя стихами. Вслѣдствіе того, что въ южно-русской пѣснѣ царитъ хорей, обыкновенно рифма бываетъ двусложная; односложная рифма, возможная при ямбѣ или анапестѣ въ концѣ стиха, весьма рѣдка, а трехсложная—дактильная еще рѣже; вотъ ея примѣръ:

Стояла я въ *затінку*,
Затирала *затірку*;
Гірка моя *затірка*,
Била мене *матінка*.

Изъ всего вышесказаннаго нельзя не вывести заключенія, что форма южно-русской поэзіи весьма богата, разнообразна и при всей своей безъискусственности чрезвычайно осмысленная и художественная.

Вездѣ замѣчается соотвѣтствіе формы содержанію. Умѣніе согласовать форму съ содержаніемъ, измѣняя постоянно ритмъ сообразно тому или другому настроенію чувства—это высшая ступень эстетическаго чутья, это сознаніе, что разнообразное содержаніе не можетъ быть оправлено въ шаблонную однообразную форму. Я полагалъ, что такая вольная форма съ измѣняющимся ритмомъ составляетъ исключительное достояніе поэзіи искусственной, и не мало поэтому былъ удивленъ, встрѣтивъ ясныя доказательства присутствія этого художественнаго чутья въ простонародныхъ безъискусственныхъ пѣсняхъ, сложившихся безспорно самостоятельно безъ всякаго искусственнаго вліянія писанной поэзіи. Приведенная мною ниже пѣсня состоитъ изъ трехъ частей: эпическаго вступленія, обращенія и энергической реплики; всѣ онѣ имѣютъ свой характе-

ристическій ритмъ, въ первой впрочемъ части не особенно чисто выдержанный, но совершенно опредѣленный:

Стояла я въ затінку,
Затирала затірку.
Гірка моя затірка,
Била мене матінка.
Стояла я на колодці,
Моргала на молодцівъ:
«Сюди, сюди, молодець,
Въ мене чорни брови есть!»
—Чортъ тебе бери зъ ними,
Давно-жъ ты дуришъ ними.
Якъ-бы ты не манила,
Тобѣ була моя мила. (Лавренко).

Въ первой части вы слышите хорей съ дактилемъ, во второй ямбъ съ анапестомъ, а въ третьей анапестъ съ хореемъ. Интересно было-бы провѣрить мотивъ этой пѣсеньки. Во всякомъ случаѣ въ словесномъ ея текстѣ ритмъ измѣняется не случайно, а сообразно съ измѣненіемъ содержанія и притомъ совершенно удачно.

Читатель могъ замѣтить, что я указывая подмѣченные мною пѣсенные куплеты, не указалъ ни одной свадебной пѣсни. Дѣло въ томъ, что я обошелъ этотъ отдѣлъ умышленно, по слѣдующимъ основаніямъ.

Весь обрядъ свадебный у южно-руссовъ, съ цѣлымъ цикломъ пѣсенъ и мотивовъ, удержалъ болѣе другихъ обрядовъ древніе элементы, какъ въ формѣ, такъ и въ содержаніи. Свадебная пѣсня настолько отличается отъ всѣхъ другихъ, что я счелъ болѣе удобнымъ не смѣшивать свадебныхъ формъ съ другими, а разсмотрѣть ихъ самостоятельно, тѣмъ болѣе, что я самъ не увѣренъ въ правильности моихъ выводовъ при опредѣленіи тѣхъ немногихъ типовъ, которые я нашелъ въ свадебныхъ пѣсняхъ.

Свадебная мелодія не пріурочена къ какой нибудь опредѣленной пѣснѣ, какъ это бываетъ съ другими мотивами. Всѣ напѣвы свадебные имѣютъ всѣ свойства обрядовой музыки, представляющей небольшія музыкальныя формулы, весьма податливыя, способныя

для сокращеній, модуляцій и варіацій сообразно съ словеснымъ содержаніемъ. Мотивъ, пріуроченный къ извѣстному обряду, можетъ быть только тогда пригоденъ, если онъ въ состояніи выносить какъ особенности разнообразнаго содержанія пѣсень даннаго обряда, такъ и разнообразныя импровизаціи, встрѣчающіяся при постоянно драматической формѣ всѣхъ обрядовыхъ пѣсень; словомъ обрядовый мотивъ всегда свободенъ и непостояненъ. Въ немъ всѣ тоны весьма легко расчленяются при многосложности стиха; въ немъ въ случаѣ надобности безъ всякаго нарушенія или искаженія мелодіи вставляются переходные тоны и въ слѣдующемъ-же стихѣ выбрасываются. Вслѣдствіе такой податливости мотива и вслѣдствіе свойствъ самыхъ свадебныхъ пѣсень, создаваемыхъ при каждомъ случаѣ и при разныхъ обстоятельствахъ, число слоговъ въ стихѣ весьма непостоянно и не имѣетъ на ритмъ равно никакого вліянія. Таже самая свобода въ большинствѣ свадебныхъ пѣсень замѣчается и относительно количества фразъ въ куплетѣ; одинъ и тотъ-же мотивъ превосходно укладывается въ три, четыре, пять, шесть и т. д. фразъ, сколько въ данномъ случаѣ необходимо пропѣть стиховъ. Въ одной и той-же пѣснѣ можете встрѣтить вполнѣ законченные куплеты и въ 4 и въ 6 фразъ. Въ пѣсняхъ любовныхъ, бытовыхъ, историческихъ и т. д., какъ мы видѣли, созданный разъ музыкальный куплетъ составляетъ постоянную форму, желѣзную тѣсную рамку, въ которую вставлялись вновь сочиняемые словесные куплеты и варіанты. Мы видѣли, какъ настойчиво было требованіе округленной законченной мелодіи, даже относительно чередованія грамматическихъ удареній. Ничего подобнаго нѣтъ въ пѣснѣ свадебной. Въ ней замѣчается нѣкоторое сходство съ напѣвомъ думъ. Какъ извѣстно, думная мелодія есть ничто иное, какъ постоянная варіація одного мотива черезъ всю думу, причемъ этотъ мотивъ то сжимается, то распространяется согласно волѣ и чувству пѣвца, а также сообразно количеству словъ логической словесной фразы. Но податливость свадебныхъ мотивовъ не такъ широка, какъ думныхъ, и имѣетъ свои границы, опредѣляемыя всегда опредѣленными музыкальными тактами, которыхъ нѣтъ въ думахъ.

Принимая во вниманіе вышеуказанную особенность свадебныхъ мелодій и пѣсень, мы не станемъ удивляться, что пѣсни въ сборникахъ представляются, сравнительно съ прочими, какими-то без-

форменными. Ни опредѣленнаго количества слоговъ въ стихахъ, ни куплетовъ опредѣлить невозможно, даже рифма—эта весьма удобная мѣрка для другихъ пѣсень, или совершенно отсутствуетъ, или неразвита и спутана. Изъ этого ясно, что опредѣлять формы свадебной пѣсни можно только при музыкѣ. Безъ напѣва свадебная пѣсня не имѣетъ никакой почти формы и совершенно не пригодна для заключеній о ея дѣйствительной живой куплетной формѣ. Весь слѣдовательно матеріалъ, которымъ я могъ воспользоваться, это 138 пѣсень, положенныхъ на ноты Н. В. Лисенкомъ, помѣщенныя въ приложеніи къ описанію свадьбы въ м. Борисполѣ (Чубинск. IV). Всѣ эти пѣсни однако представляютъ въ сущности только какихъ-нибудь пять мотивовъ и еще меньше куплетныхъ формъ. Насколько мнѣ извѣстно, свадебныхъ мотивовъ вообще очень не много, и они извѣстны повсюду, гдѣ только живутъ южно-руссы, но все таки я думаю, что въ сборникъ Лисенка занесены далеко не всѣ мотивы и не всѣ формы, такъ какъ ихъ слишкомъ мало, а изъ сборника Чубинскаго можно догадываться о существованіи и другихъ формъ.

Среди пѣсенныхъ формъ въ этомъ сборникѣ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе весьма часто употребляемый куплетъ, состоящій изъ двухъ главныхъ частей: вступленія и изложенія.

Вступленіе состоитъ изъ двухъ, рѣдко трехъ стиховъ, изъ которыхъ первый съ двумя логическими удареніями, а второй съ однимъ. Въ этомъ вступленіи мотивъ всегда опредѣленный, протяжный. Затѣмъ въ изложеніи, состоящемъ изъ ряда короткихъ стиховъ съ однимъ удареніемъ, часто съ рифмами, мотивъ перемѣняется и повторяется однообразно черезъ всѣ стихи, поднимаясь въ предпослѣднемъ стихѣ къ доминантѣ и падая на концѣ послѣдняго стиха въ тонику. Въ этой части куплета бываетъ обыкновенно четыре или шесть стиховъ, изъ которыхъ первый всегда бываетъ повтореніемъ послѣдняго стиха вступленія. Возьмемъ примѣръ:

Вступленіе: У садочку ¦ дві квіточки,
На сватанні були.

Изложеніе: На сватанні були,
Та горілочку пили;
За малую да часиночку
Найшли собі та родиночку.

Вступленіе: У садочку || дві квіточки:
Первая квітка, || тожъ Ивашко!
На сватанні були.

Изложеніе: На сватанні були,
Та горілочку пили;
За малую да часиночку
Найшли собі та родиночку.

Другая пѣсня:

Вступленіе: У садочку || дві квіточки:
Ніхто-жъ не вгадае.

Изложеніе: Ніхто-жъ не вгадае,
А хто у насъ коровай бгае,
А чи зъ міста да міщаночки
Чи зъ села да селяночки,
Чи зъ Києва да буймистрая.
Въ сему дому да пречистая.

Вступленіе: У садочку || дві квіточки:
Не вій вітре въ гору.

Изложеніе: Не вій вітре въ гору,
Та повій по роздолу,
Да на наши коровайничкн,
Розмий серпоночки.

Во многихъ случаяхъ вступленіе, которое всегда начинается со словъ: „У садочку дві квіточки", совершенно отбрасывается вмѣстѣ съ соотвѣтственной частью мотива. Построеніе по этому типу видно въ слѣдующихъ пѣсняхъ продолженія: №№ 1, 2, 3, 4, 7, 8, 9, 10, 14, 15, 18, 23, 25, 26, 28, 30, 31, 32, 33, 34, 37, 41, 42, 43, 44, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 55, 57, 61, 62, 63, 66, 67, 67, 69, 70, 71, 72, 74, 116, 117, 118, 119, 125, 127, 128, 129, 131 и 138, а всего пятьдесятъ пять пѣсень.

Другая типичная форма имѣетъ тоже вступленіе только одностишное въ два ударенія (4 + 4) или (5 + 4): „У садочку дві квіточки", или: „Другая квітка тожъ Марьечка". Въ изложеніи тоже идетъ рядъ стиховъ однообразнаго построенія; всѣ они съ двумя удареніями, но вторая часть каждаго стиха почти всегда трехсложная, первая-же часть значительно распространеннѣе и имѣетъ разное ко-

личество слоговъ отъ пяти до восьми въ одной и той-же пѣснѣ, но чаще всего шесть и семь слоговъ. Число стиховъ изложенія въ куплетѣ также не опредѣленно и зависитъ отъ требованія содержанія, какъ и въ первой формѣ. Въ музыкальномъ построеніи тоже стихи дѣлятся на соотвѣтственныя частямъ стиха музыкальныя фразы, изъ которыхъ вторая всегда короче первой и имѣетъ особый тактъ и другой музыкальный размѣръ.

Вступленіе: А въ садочку || дві квіточки. (4+4)

Изложеніе: 1. Татаринъ братікъ, || татаринъ, (5+3)
2. Продавъ сестрицю || задаромъ: (5+3)
3. Русую косоньку || за пятакъ, (6+3)
4. Білее личенько || оддавъ такъ. (6+3)

Другая пѣсня:

Вступленіе: Другая квітка— || тожъ Марьечка. (5+4)

Изложеніе: 1. Не сиди, Марьечко, || не сиди, (6+3)
2. Одчини кватирочку, || погляди, (7+3)
3. Чи высоко сонечко || на небі, (7+3)
4. Чи багато бояръ || на землі. (6+3)
5. Чи хороший Иванко || на коні? (7+3)
6. Хороший, матинко, || чорнобривъ, (6+3)
7. Десь мені, матинко, || Бугъ судивъ. (6+3)

Распространеніе трехъ-сложной второй части стиха бываетъ весьма рѣдко, такъ напр.:

А въ садочку || дві квіточки.

Дружбоньку, || коровай край, (3+4)
Да-й намъ, дружечкамъ, || зоставляй, (5+3)
Бо мы, дружечки, || молоденькиі, (5+5)
Треба намъ шишечки || золотенькиі. (6+5)

Слѣдующія пѣсни приложенія сложены по этому типу: №№ 6, 11, 12, 13, 17, 22, 24, 27, 35, 36, 38, 39, 40, 54, 58, 65, 68, 73, 75, 79, 80, 81, 86, 95, 96, 114, 115, 123, 126, 132, 134, 136, и 137, а всего тридцать три пѣсни.

Между ними есть много пѣсень того-же построенія, но только безъ вступительнаго стиха и съ другимъ напѣвомъ, но также съ трехъ-сложной второй частью и отвѣчающею ей короткой музыкальной фразой. Куплеты обыкновенно четырехъ-стишны:

Да ворохи свахи, || ворохи, (6+3)
Дайте намъ да ворохи || хочъ трохи; (7+3)

Мы у тебе да-й учора || не були, (8+3)
И твоеі да ворохи || не пили. (8+3)

Затѣмъ, кромѣ этихъ широкихъ свободныхъ формъ съ растяжимыми куплетами, есть и куплеты подходящіе къ знакомымъ намъ типамъ древняго склада, отличающіеся отъ этихъ послѣднихъ только большею эластичностью мелодіи, выносящей самое разнообразное количество слоговъ. Болѣе всего выдѣляются двѣ формулы шести-фразнаго куплета, изъ которыхъ первая довольно опредѣленна по размѣру и состоитъ изъ двухъ стиховъ съ тремя удареніями [(4+4+4)(4+4+4)]; при моихъ наблюденіяхъ я этой формулы въ другихъ родахъ пѣсни не встрѣтилъ ни разу.

Наша Марися || одъ батенька || одъїзжае,
Попереду || соколонька || посылае.
Лети, лети, || соколоньку, | до свекорка въ двіръ,
Нехай двори, || нехай двори || вымітають.
Нехай столы || тісовии || застилають,
Нехай хлібы || пшенишнии || накладають.

Какъ видимъ, въ словесномъ текстѣ отступленія отъ формулы весьма незначительны. Шести-фразная мелодія для всѣхъ пѣсень этого склада одна. Въ разсматриваемомъ мною сборникѣ по этому типу сложены пѣсни: №№ 77, 78, 83, 84, 85 и 88.

Очень подходитъ къ этой формулѣ и по мелодіи и по размѣру пѣсня № 29, отличаясь отъ предъидущей весьма немногими несущественными отступленіями. Она строго выдерживаетъ куплетъ [(5+4+4)—(4+4+4)]; но постоянное присутствіе пятисложной первой части перваго стиха можетъ быть и случайнымъ; можетъ быть другія пѣсни съ этой-же мелодіей имѣютъ прежнюю форму:

Да ой на що ты, || да Марусю, || уповала,
Що ты собі || да Иванка || вподобала?
Да чи на ёго || худібоньку, || чи на гроши?
Чи на ёго || урідоньку, || що хорошій?
Да не на ёго || худібоньку, || не на гроши,
А на ёго || урідоньку, || що хорошій.

Вторая формула очень распространенна. Музыкальный шести-фразный куплетъ грустнаго серіознаго напѣва дѣлится въ мелодіи какъ-бы на два стиха, словесный-же текстъ вслѣдствіе распространенности и рифмы скорѣе можно раздѣлить на шесть самостоятельныхъ стиховъ, хотя по логическому смыслу каждые три стиха

напоминаютъ одинъ распространенный стихъ, такъ что формулу этого куплета можно опредѣлить такъ: [(6 + 6 + 9)—(6 + 6 + 9)]

Ой летять галочки ||
Да у три рядочки ||
Зозуленька попереду;
Що усі галоньки ||
По вышенькахъ сіли, ||
Зозуленька закувала.

По этой формулѣ съ немногими отступленіями сложены: №№ 5, 64, 76 и 82. Но и эта формула способна по требованію содержанія распространяться; такъ пѣсня № 5 представляетъ куплетъ въ восемь фразъ:

Ивашкова мати,	6
По уловці ходить	6
И сусідочекъ просить:	7
Вы сусідочки мои,	7
Та ходимъ и къ мені	6
До мого дитяти	6
Короваю бгати,	6
Сыромъ-масломъ да посипати.	9

Какъ сравнительно ни немного разсмотрѣно мною пѣсень со стороны ихъ формы, но все таки я рѣшаюсь подвести моимъ наблюденіямъ числовые итоги. Я увѣренъ, что эти итоги будутъ весьма далеки отъ тѣхъ данныхъ, какія можно-бы было извлечь при болѣе обширномъ матеріалѣ, но все таки они могутъ дать нѣкоторое представленіе объ относительномъ распространеніи тѣхъ или другихъ куплетныхъ формъ въ пѣсенномъ творчествѣ южнорусскаго народа. При этомъ я долженъ замѣтить слѣдующее. Для опредѣленія формъ, я, кромѣ другихъ сборниковъ, главнымъ образомъ пользовался III и V т. Сб. Чуб., причемъ III томъ разсмотрѣнъ мною почти весь, а изъ V тома я разсмотрѣлъ всѣ только бытовыя пѣсни, любовныхъ-же и семейныхъ я разсмотрѣлъ сравнительно очень немного. Изъ всего матеріала я успѣлъ опредѣлить несомнѣнный складъ только 365 пѣсенъ. Если-бы я разсмотрѣлъ болѣе пѣсень семейныхъ, любовныхъ и шуточныхъ, отношеніе цыфръ безспорно-бы измѣнилось. За тѣмъ слѣдуетъ принять еще во вниманіе, что классификація пѣсень на роды у Чубинскаго, которой и я придерживался, полна погрѣшностей, такъ что въ числѣ весня-

нокъ и купальныхъ часто встрѣчаете пѣсни семейныя и любовныя, а въ числѣ семейныхъ и любовныхъ—чумацкія и т. п.—Далеко точнѣе классификація колядокъ и обжиночныхъ пѣсень. Изъ этого слѣдуетъ, что въ прилагаемыхъ мною таблицахъ, имѣющихъ итоги различныхъ пѣсень по каждой формулѣ и итоги пѣсень различныхъ формулъ по каждому роду пѣсни, первые итоги болѣе вѣрны, чѣмъ вторые.

Изъ этихъ таблицъ видно, что изъ 365 пѣсень чувствуется несомнѣнное присутствіе стопнаго лада въ 195 пѣсняхъ. Относительное значеніе этой цифры далеко ниже дѣйствительнаго, такъ какъ стопный ладъ преобладаетъ въ пѣсняхъ любовныхъ и семейныхъ, разсмотрѣнныхъ мною въ числѣ весьма незначительномъ. Въ этихъ 365 пѣсняхъ я нашелъ 51 самыхъ разнообразныхъ куплетовъ, причемъ полно-стопнаго лада 29, а древняго, въ которомъ стопы не слышатся, 22 куплета.

Мнѣ кажется, что и этихъ немногихъ данныхъ достаточно для того, чтобы убѣдиться въ неимовѣрномъ богатствѣ и художественности формъ южно-русской пѣсни. Но сколько труда надо потратить, и то весьма часто безъуспѣшно, чтобы возстановить тѣ формы въ сборникахъ, на половину искаженныя до невѣроятія. Собиратели, по моему, всегда дѣлаютъ одну капитальную ошибку при записываніи пѣсень; они за единицу пѣсенной формулы принимаютъ кажущійся для слуха словесный стихъ, отдѣленный рифмой или остановкой въ пѣніи (ферматой); между тѣмъ, если-бы они принимали за единицу полный логическій куплетъ, одѣтый въ такую-же полную законченную и вполнѣ осмысленную мелодію, то настолько-же могли-бы поразить всей свѣжестью и богатствомъ художественныхъ формъ народнаго творчества, на сколько теперь поражаютъ своимъ безобразіемъ и уродливостью.

Предлагая вниманію читателей мои поверхностныя наблюденія надъ складомъ южно-русской пѣсни, я далекъ отъ убѣжденія въ ихъ непреложности, но смѣю надѣяться, что богатство и разнообразіе представленныхъ мною формъ привлечетъ болѣе опытныхъ изслѣдователей, которые будутъ въ состояніи раскрыть и надлежащимъ образомъ освѣтить забытую и заброшенную сферу художественнаго народнаго творчества.

Ц. Г. Нейманъ.

I.

	Формы древняго склада.	Колядки.	Щедривки.	Веснянки.	Купальныя.	Русальныя.	Дожиночныя	Любовныя.	Семейныя.	Чумацкія.	Бурлацкія.	Историческія	Итогъ.
1	[(5+5)—(5+5)]	40	9	7	1	2	—	3	—	—	—	—	62
2	[(4+4)—(4+4)]	4	14	2	1	—	—	—	—	—	—	—	21
3	[(5+4)—(5+4)]	—	1	2	7	—	—	—	—	—	—	—	10
4	[(5+3)—(5+3)]	—	—	5	—	—	—	1	—	—	—	—	6
5	[(4+3)—(4+3)]	—	—	—	—	—	35	—	—	—	—	—	35
6	[(6+5)—(6+5)]	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	2
7	[(5+7)—(5+7)]	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
8	[(8+9)—(8+9)]	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	1	3
9	[(4+4)—(5+5)]	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
10	[(5+5)—6+6)])	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
11	[(4+5)—(6+5)]	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
12	[(4+4+3)—(4+4+3)]	—	—	1	—	—	2	—	—	—	—	—	3
13	[(4+4+5)—(4+4+5)]	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	2
14	[(4+5+5)—(4+5+5)]	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
15	[(5+4+6)—(5+4+6)]	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
16	[(5+5+6)—(5+5+6)]	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	3
17	[(4+6+6)—(4+6+6)]	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
18	[(5+5+7)—(5+5+7)]	—	—	1	—	—	—	3	—	—	—	2	6
19	[(4+6+7)—(4+6+7)]	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	2	3
20	[(5+6+7)—(5+6+7)]	—	—	—	—	—	—	—	—	4	—	—	4
21	[(6+6+7)—(6+6+7)]	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	2
22	[(7)—(7)—(8)]	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1
	Итого	45	24	26	9	2	37	8	4	6	1	8	170

II.

	Формы новаго склада.	Колядки.	Щедривки.	Веснянки.	Купальныя.	Русальныя.	Любовныя.	Семейныя.	Чумацкія.	Бурлацкія.	Историческія	Итогъ.
1	[(8)—(8)—(8)—(8)]	—	—	—	—	—	18	1	3	2	9	33
2	[(7)—(7)—(7)—(7)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
3	[(10)—(10)—(10)—10)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
4	[(4+3)—(4+3)]	—	—	—	—	—	1	—	1	—	1	3
5	[(6+6)—(6+6)]	—	2	2	1	1	9	1	1	2	1	20
6	[(4+6)—(4+6)]	—	—	2	1	—	4	1	1	1	—	10
7	[(7+6)—(7+6)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
11	[(8+3)—(8+3)]	[illegible]	[illegible]	1	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
12	[(8+5)—(8+5)]	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
13	[(6+7)—(4+6)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
14	[(4+4)—(6+5)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
15	[4+4)—(6+4)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
16	[(4+6)—(6+6)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
17	[(6+6)—(8+6)]	1	—	—	—	—	2	3	1	—	2	9
18	[(9+6)—(8+8)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
19	[(6+6)—(10+6)]	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
20	[(6+6+5)—(6+6+5)]	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1
21	[(6+6+6)—(6+6+6)]	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1
22	[(5+5+6)—(5+5+6)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
23	[(5+5+8)—(5+5+8)]	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
24	[(8+8+8)—(4+6+8)]	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1
25	[(6+6)—(4+5+5)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
26	[(6+4)—(6+4)—(7)—(7)—(8)]	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1
27	[(6+6)—(8+6)—(8)—(8)—(6)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
28	[(6+6)—(6+6)—(8)—(8)—(6)—(6)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
29	[(4+6)—(4+6)—(4+4)—(4+4)—(4+4)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
	Итого	1	2	41	2	1	74	8	17	12	37	195

Къ исторіи галицко-русской письменности.

(Нѣсколько замѣчаній на письмо И. Вагилевича къ М. П. Погодину).

Въ 1878 г. профессоръ Н. А. Поповъ, приступая къ изданію писемъ славянскихъ ученыхъ къ М. П. Погодину [1]), обратился ко мнѣ съ просьбою доставить ему нѣкоторыя замѣчанія и объясненія касательно литературной дѣятельности въ Галичинѣ 1835—1860 г., что я тогда-же охотно сдѣлалъ для него. Но многое изъ сообщеннаго мною тогда не вошло въ его интересную пояснительную къ сборнику статью, какъ выступающее за предѣлы его спеціальной задачи, иное воскресло въ моей памяти впослѣдствіи, иное подсказала мнѣ происходящая теперь въ Галиціи ожесточенная борьба русской и польской партіи. Всѣмъ этимъ пожелалъ я подѣлиться съ читателями „Кіевской Старины" и послѣ сообщенныхъ мною біографическихъ воспоминаній о Вагилевичѣ [2]) передаю теперь нѣсколько замѣчаній объ одномъ изъ писемъ его къ М. П. Погодину, въ надеждѣ, что въ виду возбужденнаго въ русскомъ обществѣ вниманія къ происходящимъ въ Галиціи событіямъ, и мои воспоминанія про былое въ ней прочтутся нѣкоторыми съ любопытствомъ.

Кромѣ упомянутыхъ въ изданіи Н. А. Попова писемъ Ивана Николаевича къ М. П. Погодину, еще одно письмо его было напечатано въ „Московскомъ Наблюдателѣ" за 1836 г. № VII, стр. 289. По моему мнѣнію, это было первое письмо Вагилевича изъ Львова, вызвавшее слѣдующую за тѣмъ переписку его съ Погоди-

---

[1]) См. Письма къ М. П. Погодину изъ Славянскихъ земель (1835—1861). Москва, 1879, стр. 533—666.

[2]) См. іюльскую книжку »Кіевской Старины« за 1883 г.

нымъ. Вагилевичъ обращается къ Погодину, какъ къ незнакомому лицу. Самъ-же Погодинъ ссылается на это письмо и на сообщеніе ему извѣстія о карпатскихъ руническихъ надписяхъ. Оно писано вслѣдъ за отъѣздомъ профессора Погодина и его спутниковъ изъ Львова въ Россію и въ немъ живо отражается то впечатлѣніе, какое произвело на русскій кружекъ посѣщеніе г. Львова русскими учеными. Я не могу припомнить, о какомъ ложномъ извѣстіи, напечатанномъ въ С.-Петербургскомъ журналѣ, говоритъ Вагилевичъ; вѣроятно, что-то было напечатано въ Tygodnik'ѣ Petersburg'скомъ, единственный экземляръ котораго получала библіотека института Оссолинскихъ, гдѣ Вагилевичъ и могъ читать извѣстіе (ложное) изъ польскаго источника. Нѣмецкая австрійская полиція и польское общество старательно заботились тогда, чтобы ни одинъ русскій журналъ, ни одна русская книга не попадали въ руки русскимъ галичанамъ. Въ библіотекѣ львовскаго университета, считавшей тогда до 50 т. книгъ, не было ни одной русской книги [2]) кромѣ стараго изданія грамматики Гейма. Такъ какъ во всей Галиціи и Буковинѣ ни въ одной публичной школѣ не учили ни русской, ни церковно-славянской грамотѣ, то мы, немногіе гимназисты и студенты, учились по этой грамматикѣ русской грамотѣ и русскому письму. Кто успѣлъ ее захватить раньше, пришедши въ библіотеку, тотъ и пользовался. Изъ гравированнаго при ней скорописнаго алфавита мы учились писать, копируя русскія буквы. Связанной русской скорописи не довелось и въ глаза увидать, и я долго не могъ отвыкнуть отъ привычки писать по буквамъ, ставя отдѣльно каждую букву, какъ въ печатномъ курсивѣ. Іосифъ Левицкій также заимствовалъ изъ грамматики Топпе скорописную таблицу для своихъ грамматикъ. Въ библіотекѣ Оссолинскихъ было нѣсколько русскихъ книгъ, но завѣдующіе неохотно давали ихъ читать ученикамъ и студентамъ, а навязывали польскія книги Мицкевича, Одинца, Нѣмцевича, Лелевеля. Даже исторіи Карамзина въ польскомъ переводѣ Бучинскаго не выдавали, а совали Нарушевича. Только Маркіанъ Шашкевичъ, по знакомству,

[2]) Только въ 1850-хъ годахъ бывши университетскимъ профессоромъ, я заявилъ о необходимости выписать для библіотеки важнѣйшія книги изъ русской литературы. Правительство согласилось дать 300 гульд. на выписку нѣкоторыхъ сочиненій, преимущественно малорусскихъ.—Я. Г.

совали Нарушевича. Только Маркіанъ Шашкевичъ, по знакомству, добился выдачи Калайдовича, Кирши Данилова и малороссійскихъ пѣсень Максимовича, которыя я переписывалъ тутъ-же, въ библіотекѣ, въ часы, опредѣленные для чтенія, и переписалъ всю книжку [1]).

Надо признаться, что Вагилевичъ сообщилъ въ своемъ письмѣ много замѣчательныхъ извѣстій, бросающихъ свѣтъ на тогдашнія отношенія и состояніе русскихъ галичанъ. Онъ правъ, что въ то время только что *начала пробуждаться любовь къ русской словесности*. Онъ весьма наглядно изобразилъ возникшіе споры о введеніи латинскаго алфавита въ галицко-русской письменности; всему этому далъ поводъ полякъ Вацлавъ Залескій своимъ изданіемъ народныхъ пѣсень, заявивъ откровенно въ предисловіи къ нему, что галицкіе русскіе (nasi Rusini) должны присоединиться къ польской литературѣ, такъ какъ полякамъ вовсе не желательно, чтобъ русскіе галичане развивали *особую* литературу. Залескій соблазнилъ было молодаго нашего священника Осипа Лозинскаго, который подъ дѣятельнымъ вліяніемъ своего коллятора Гвальберта Павликовскаго напечаталъ статью „О введеніи латинскаго алфавита въ галицко-русскую письменность". Постороннимъ можетъ показаться маловажнымъ этотъ фактъ, но въ сущности вопросъ о замѣнѣ русской азбуки на польское абецадло не маловаженъ; онъ глубоко врывается по своимъ послѣдствіямъ въ народную жизнь, это—вопросъ о существованіи... быть или не быть русскимъ въ Галичинѣ. Прійми галичане въ 1830-хъ годахъ польское абецадло,—пропала-бы русская индивидуальная народность, улетучился-бы русскій духъ и изъ галицкой Руси сдѣлалась-бы вторая Холмщина, какою она была въ 60-хъ годахъ. Всѣ передовые люди возстали противъ затѣи Залескаго и вознегодовали на Лозинскаго. Зубрицкій написалъ возраженіе, но оно осталось въ рукописи. Тогдашній капелланъ перемышльскаго епископа Снѣгурскаго Іосифъ Левицкій (авторъ галицко-русской грамматики) написалъ на польскомъ языкѣ рѣзкую

[1]) Игнатій Жегота—Пауля, мазуръ, слушавшій вмѣстѣ со мною лекціи на 1-мъ курсѣ университета, выманилъ у меня черновыя тетради этихъ и другихъ народныхъ пѣсень и издалъ въ Перемышлѣ 1839 г. въ II томахъ «Pieśni ruskie ludu w Galicyi». Самъ-то онъ плохо понималъ по русски и никогда не сообщался съ русскимъ народомъ.

статью противъ проэкта Лозинскаго въ защиту кириллицы. Епископъ Іоаннъ Снѣгурскій наградилъ автора и приказалъ напечатать ее въ епископской типографіи, а редакторъ оффиціальной львовской газеты и экстраординарный профессоръ польскаго языка и литературы Ник. Михалевичъ (русинъ), по благоволенію къ своимъ единовѣрцамъ, прибавилъ оттиски ко всѣмъ высылаемымъ №№ газеты. Въ то время такой поступокъ считался весьма рискованнымъ, и едва-ли не этотъ шагъ былъ главной причиной удаленія Михалевича отъ редакціи и назначенія на его мѣсто заядлаго поляка Яна Каминскаго. Лозинскій пытался провести свой проэктъ на дѣлѣ и сочинилъ грамматику съ польскимъ абецадломъ, но профессоръ и докторъ богословія Венедиктъ Левицкій, бывшій цензоръ русскихъ книгъ, три раза отвергъ грамматику Лозинскаго. Напрасны были жалобы Лозинскаго, поддерживаемыя поляками, напрасна апелляція въ Вѣну въ центральный цензурный комитетъ. Разъ написанный цензоромъ Левицкимъ приговоръ: *Non admittitur ad imprimendum* (не одобрено къ печати), остался въ полной силѣ, хотя придворный славянскій цензоръ Вареоломей Копитаръ и стоялъ за латинскій алфавитъ. Нѣсколько времени спустя, Лозинскій успѣлъ таки добиться разрѣшенія и напечаталъ сборникъ свадебныхъ пѣсень: Ruskoje wesile, opisannoje czerez I. Łozinskoho. Не менѣе негодованія на Лозинскаго выражалъ кружекъ молодыхъ русиновъ, которое отпечатлѣлось и въ письмѣ Вагилевича. Студентъ Маркіанъ Шашкевичъ написалъ статью: *Азбука и Abecadło*; цензура одобрила ее, студенты и семинаристы сдѣлали грошовую складчину, меня послали въ Перемышль, и черезъ 2 недѣли статья Шашкевича была напечатана и разослана во всѣ концы Галиціи въ 3-хъ тысячахъ экземпляровъ. Вагилевичъ въ упомянутомъ своемъ письмѣ торжественно заявляетъ, что теперь никто (значитъ, изъ русиновъ) не сомнѣвается въ настоятельной необходимости славянской азбуки для русскаго языка и каждый признаетъ превосходство ея предъ чужимъ алфавитомъ.

Но странно:—старшіе русскіе въ Галиціи, признавая превосходство славянской азбуки надъ латинскимъ алфавитомъ и защищая ее, всѣми мѣрами препятствовали введенію гражданскаго шрифта и отстаивали церковно славянскія буквы. Они видѣли въ гражданкѣ частичное введеніе латиники. Зубрицкій первый напеча-

талъ въ примѣчаніяхъ своего сочиненія: *Rys historyi narodu ruskiego w Galicyi i hierarchii cerkiewnej. Lwów 1837*, грамоты князя Льва гражданскимъ шрифтомъ,—и цензоръ Левицкій не посмѣлъ придраться. Вѣнскіе наши семинаристы печатали въ Вѣнѣ гражданкою свои вирши безнаказанно. М. Шашкевичъ, при моемъ посредничествѣ и при помощи моихъ сербскихъ друзей, напечаталъ въ Будинѣ „Днѣстровую Русалку" 1837 г.; но несмотря на разрѣшеніе будимскаго цензора и на позволеніе вѣнской цензуры, львовская цензура заарестовала 1000 экземпляровъ „Русалки" и запретила продажу. Такая-же участь постигла стихи Антонія Могильницкаго по случаю пріѣзда архикнязя (эрцгерцога) Карла Людовика во Львовѣ, напечатанные гражданскимъ шрифтомъ.

Это была первая борьба за русскую азбуку, которая возобновилась съ большей силой во время голуховщины въ 1859 г. и дала поводъ къ горячей полемикѣ и офиціальному столкновенію въ учрежденной по этому дѣлу графомъ А. Голуховскимъ коммиссіи[1]). Въ 1835 г. правительство стояло въ нейтральномъ отдаленіи, въ сторонѣ; въ 1859 г. затѣями противъ кириллицы руководили: министръ графъ Левъ Тунъ (Thun, чехъ) и намѣстникъ Галиціи графъ Агеноръ Голуховскій. Первый выслалъ своего секретаря Іосифа Иречка (чеха), второй лично участвовалъ въ засѣданіяхъ и призвалъ на помощь двухъ измѣнившихъ русскихъ (докторовъ философіи)—Евсевія Черкавскаго и Полянскаго, и двухъ президіальныхъ чиновниковъ; коалиція состояла изъ поляковъ, нѣмцевъ, чеховъ и русскихъ перекидчиковъ. Іосифъ Лозинскій, долголѣтнимъ опытомъ убѣдившись въ интригахъ польскихъ, въ ихъ лжи и обманѣ, стоялъ за насъ и ратоборствовалъ за кириллицу.

Въ томъ-же письмѣ Вагилевичъ сдѣлалъ перечень сочиненій, относящихся къ галицко-русскому языку и исторіи Галиціи, и написалъ краткія, но иногда довольно меткія замѣчанія о достоинствѣ ихъ: Вагилевичъ чувствовалъ, что грамматикъ Іосифъ Левицкій, рожденный и воспитанный въ странѣ болѣе ополяченной (при Нижнемъ Сянѣ), не могъ употреблять болѣе чистаго нарѣчія. Мнѣніе о грамматикѣ Іосифа Левицкаго, заявленное профессоромъ пра-

---

[1]) См. Die ruthenische Schrift und Sprachfrage. Lemberg. 1859.

воучительнаго богословія Венед. Левицкимъ, характеристично. О грамматикѣ Лучкая Вагилевичъ отозвался очень снисходительно, даже лестно. О сочиненіяхъ Зубрицкаго не далъ никакого сужденія.

Затѣмъ Вагилевичъ упоминаетъ о трудахъ своихъ друзей, въ то время еще ненапечатанныхъ, но извѣстныхъ ему, какъ принадлежащему къ тому-же молодому кружку. Онъ упоминаетъ о моемъ сборникѣ народныхъ пословицъ, которыя изданы послѣ въ 1841 г. въ Вѣнѣ, о переводѣ сербскихъ пѣсень, напечатанныхъ послѣ въ 1847 г. въ „Вѣнкѣ"; упоминаетъ и о „Русалкѣ", изд. Шашкевичемъ въ Буднѣ въ 1837 г. Наконецъ говоритъ и о своихъ собственныхъ трудахъ: о *Словѣ о Полку Игоря*, которое не было напечатано изъ опасенія передъ львовской цензурой, которая такъ безцеремонно поступила съ „Русалкой" и со II выпускомъ *Очерка исторіи* Зубрицкаго и пр.

Что-же касается до словаря народнаго галицко-русскаго языка, то онъ существовалъ такъ-сказать въ идеѣ и въ проектѣ. У Вагилевича было записано значительное количество словъ, которыя онъ или запомнилъ изъ родительскаго дома (гдѣ говорили всѣ большею частью на мѣстномъ нарѣчіи, по русски), или подслушанныхъ у крестьянъ, или-же заимствованныхъ изъ народныхъ пѣсень, пословицъ и поговорокъ. Но Вагилевичъ, полагаясь на свою счастливую память, обыкновенно ставилъ въ своихъ тетрадкахъ одно выраженіе, безъ всякихъ объясненій и толкованій. Образцомъ словаря онъ считалъ Вука Стефановича; онъ имѣлъ въ планѣ прибавлять соотвѣтствующія значенію слова латинскія и нѣмецкія, описанія, народныхъ обрядовъ и повѣрій, и даже съ филологическимъ разборомъ, а между тѣмъ мысль его никогда не пришла къ исполненію. Я имѣлъ случай разсматривать, по смерти Вагилевича въ 1866 г. (Naučny Slovn. X, стр. 10), его бумаги и нашелъ задуманный имъ словарь въ томъ-же неоконченномъ видѣ, хотя впродолженіе 30 лѣтъ у него накопилось много словарьнаго матеріалу. Что-же касается до задуманной имъ грамматики народнаго галицко-русскаго языка, то онъ издалъ въ 1845 г. на польскомъ языкѣ грамматику (Gram. Małoruskiego języka w Galicyi. Lwów. 1845), но вмѣсто грамматики простонароднаго языка, по образцу Вука Стефановича, при развивающейся между тѣмъ галицко-русской письменности, онъ

перемѣнилъ свой взглядъ на языкъ (русскій) и сдѣлалъ переводъ грамматики Н. Греча.

Далѣе Вагилевичъ бросаетъ въ своемъ письмѣ бѣглый взглядъ на преданія русскаго народа и его языкъ, защищая его чистоту и неиспорченность, изъ чего видна его горячая приверженность къ своему народу. Раздѣленіе галицко-русской рѣчи на два нарѣчія и два разнорѣчія не совсѣмъ вѣрно. Нѣкоторыя замѣчанія относительно употребленія буквъ хорошо подмѣчены. Угорско-русское нарѣчіе онъ осуждаетъ слишкомъ строго: оно не столько потерпѣло отъ мадьярскаго и румынскаго вліянія, какъ предполагалъ никогда не бывшій въ Венгріи Вагилевичъ. Приписываніе галицкорусскому языку свойства долготы и краткости гласныхъ—ошибочно и основано на воображеніи и стараніи превознести свое родное нарѣчіе и противупоставить чешскому языку, способному подражать ритму греческо-латинскихъ стиховъ [1]), которымъ величался жившій въ то время во Львовѣ чехъ, Иванъ Православъ Коубекъ (съ 1848 г. преподаватель чешской литературы въ пражскомъ университетѣ). Приведенныя Вагилевичемъ слова съ латинскимъ или нѣмецкимъ переводомъ показываютъ, что въ самомъ дѣлѣ въ Карпатскихъ горахъ сохранилось много старинныхъ славянскихъ выраженій, которыя на равнинахъ въ Галичинѣ давно замѣнены новыми польскими. Форма глагола frequentativum iterativum, *бѣговати*, *бѣговувати*, опять придумана Вагилевичемъ по образцу чешскаго языка. Вообще, это мѣсто письма знаменательно; оно показываетъ, какъ въ то время умы молодаго кружка заняты были приведеніемъ въ извѣстность характеристическихъ чертъ языка, обычаевъ, преданій и жизни своей родины. Въ это время Вагилевичъ владѣлъ лучше всѣхъ насъ народной рѣчью; свѣдѣнія его о народномъ бытѣ были полнѣе другихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ пристрастнымъ защитникомъ *индивидуализаціи* нарѣчій, увлекаясь соблазнительными словами Копитара, который, слѣдуя, вѣроятно девизу австрійской политики: *divide et impera*, утверждалъ въ своей грамматикѣ, что у славянъ не четыре нарѣ-

---

[1]) Въ то время и сербы подражали стопосложенію классическихъ поэтовъ и величались этимъ свойствомъ своего языка. Шафарикъ хвалилъ просодическое стихосложеніе. Gesch. der sl. Sprache, стр. 42.

чія должны быть письменными, какъ у грековъ, а всѣ нарѣчія, и съ большимъ правомъ, такъ какъ территорія славянъ значительно больше древней Греціи.

Что касается до находокъ у графа Тарновскаго въ Диковѣ, о которыхъ упоминаетъ Вагилевичъ въ объясняемомъ его письмѣ, то это произошло по слѣдующему поводу. Въ 1834 году графъ Адамъ Тарновскій, имѣвшій богатую рѣдкими книгами и рукописями библіотеку, просилъ своего знакомаго помѣщика Василевскаго прислать ему кого-нибудь изъ студентовъ, знающихъ церковно-славянскій и русскій языки, для разсмотрѣнія и описанія старославянскихъ рукописей и старинно-русскихъ памятниковъ письменности. Нашъ общій другъ Маркіанъ Шашкевичъ, о которомъ, какъ о сиротѣ священника, жившаго въ его имѣніи Княже, Василевскій имѣлъ попеченіе, рекомендовалъ для этой цѣли меня и Вагилевича. Василевскій снабдилъ насъ письмомъ къ графу. Мы сказались больными въ университетѣ и весной 1834 г. отправились въ путь. Вагилевичъ былъ знакомъ съ южной, подкарпатской страною родины, мнѣ-же знакома была сѣверная часть галичины; но ни я, ни мой другъ никогда не бывали въ западной половинѣ галичины, по этому въ экскурсіи нашей намъ все представлялось новымъ, интереснымъ. Мы находили различіе съ тѣмъ, что знали прежде, при видѣ мѣстности, распредѣленіи селъ и хозяйственной обстановкѣ, костюмѣ и всей наружности населенія, съ которымъ мы теперь встрѣтились. Вагилевичъ находилъ большую разницу между его горцами—Бойками и туземными крестьянами, я-же, на оборотъ, замѣчалъ только постепенные переходы или переливы галицко-русскаго народа, живущаго возлѣ Львова. Вагилевича возмущало чрезвычайно сильное ополяченье страны, когда мы слышали польскіе *южь*, вм. уже, вже; *дзись дзисяй*, вм. сегодня, нынѣ; *боты* (bóty), вм. чоботы, сапоги, или формы: я не *хцу* (chcę), ты не *хцешь*, вôнъ не *хце*, мы не *хцемы*, вы не *хцете*, воны не *хцутъ*, вм. я не хôчу и т. д., или-же: мы будемъ *робŷтй*, *ходŷтй*, вм. почти густаго выговора робыты, ходыты; винъ *ходи*, *носи*, вм. ходитъ, носитъ или я *быгъ*, *мы были*, вм. я бувъ, мы булы; все это онъ приписывалъ вліянію полонизма и готовъ былъ признать мѣстный говоръ просто польскимъ нарѣчіемъ. Я-же, напротивъ, признавалъ сильное вліяніе польщизны въ лексическомъ отношеніи, но въ формахъ: *хцу*,

хцешь, ходи, носи видѣлъ аналогію съ сербскими ћу, ћешь, оди, носи, а въ произношеніи ход*и*ти, роб*и*ти, бывъ, была, были я искалъ первоначальнаго древне-славянскаго произношенія, именно различіе гласныхъ *и* и *ы*, потерявшееся въ малорусскомъ и югославянскихъ нарѣчіяхъ. Въ такихъ этнографически-лингвистическихъ упражненіяхъ проѣхали мы черезъ мѣстечка Городокъ, Судовую Вишню, Мостиска (Gródek, Sądowa Wisznia, Mościska), пользуясь всякой остановкой въ корчмѣ или въ *остеріи* для расспросовъ и разговоровъ съ крестьянами. Въ Перемышлѣ мы осмотрѣли развалины замка и полюбовались прекраснымъ видомъ на равнины рр. Сяна и Вѣгоря (Вяра) и на амфитеатрально возносящіяся карпатскія горы. Вспомнивъ о бывшихъ временахъ, мы въ раздумьѣ оставили ополяченную столицу Володаря. За Перемышлемъ уже мало слышалась русская рѣчь,—жители впрочемъ говорили наравнѣ по польски и по малорусски. Тутъ мы нашли народъ тихій, смирный, во всемъ уступающій, запуганный преобладающимъ полонизмомъ. Вотъ въ одномъ изъ постоялыхъ дворовъ, или въ корчмѣ крестьянинъ въ черной свиткѣ и женщина въ холстяной кофточкѣ почти шопотомъ говорятъ по русски, попивая водку. Вдругъ съ шумомъ входятъ два человѣка, рослыхъ, крѣпкосложенныхъ, въ сапогахъ съ длинными голенищами, одѣтыхъ въ синіе суконные камзолы съ висячими до колѣнъ клапанами. У одного была на головѣ красная шапка съ высокимъ рогатымъ верхомъ и поярковой опушкой, у другаго-же черная шляпа съ широкими полями. Это были два извощика—мазура изъ Тарнова или изъ подъ Кракова. Они начали развязно похаживать по комнатѣ, ведя оживленный разговоръ на своемъ мазурскомъ нарѣчіи, обращаясь другъ къ другу не на *ты* или *вы*, какъ водится у крестьянъ, но говоря одинъ другому: *пòнъ, нѣхъ пòнъ бедзь ласкавъ, просенъ унизенье*; подтрунивая такъ обыкновенно надъ господами, рисовались смѣлой жестикуляціей,—наконецъ остановились возлѣ разговаривающихъ русиновъ и, подступая все ближе и ближе, почти толкали ихъ. Крестьянинъ взялъ фляжку съ водкой и отошелъ съ своей собесѣдницей къ другому концу стола. Но мазуры не отстали: они подступили къ другому концу, ведя громкій разговоръ,—русины посторонились къ другому столу, но нахалы—мазуры и туда поспѣли и прижали ихъ опять. Русскіе оставили и это мѣсто и стали въ уголокъ близъ двери, держа въ

рукѣ фляжку. Насъ поразило нахальство мазуровъ, но еще болѣе удивила уступчивость загнанныхъ русскихъ. Когда мазуры вышли къ своимъ лошадямъ въ конюшню, мы начали укорять русина, зачѣмъ онъ позволилъ такъ стѣснять пріѣзжимъ мазурамъ у себя дома; *вѣдь на своемъ смѣтью и когутъ смѣлый.* „Паничу, вы не знаете, якій то лукавый народъ, тыи мазуры; они наумысне шукали зачѣпки, а мы люди спокойны, всякому чорту уступаемъ,—на што намъ бѣды? вôдъ мазура и полу врѣжь, та втѣкай". Вотъ какія отношенія сложились въ этой несчастной странѣ; не только шляхта, но и мазурскій мужикъ дастъ чувствовать свое превосходство надъ бѣднымъ русиномъ.

Ярославль,—древній русскій городъ, мы проѣхали мелькомъ, не осмотрѣвъ его вовсе. Въ окрестностяхъ Ярославля народъ весьма красивый, говоритъ чистымъ польскимъ, почти книжнымъ нарѣчіемъ, *не мазуруетъ.* Мы убѣдились, что Снядецкій былъ правъ, говоря, что теперь самою чистою польскою рѣчью говоритъ народъ возлѣ Ярославля въ Галиціи. Кто хочетъ заслушаться мелодіей польскаго языка, пусть послушаетъ разговаривающихъ крестьянъ возлѣ Ярославля. Слѣдовательно не въ Гнезнѣ (этомъ гнѣздѣ Пястовъ), не въ Краковѣ или Варшавѣ—двухъ столицахъ Польши, а на русской землѣ, на рубежѣ Польши—самая чистая рѣчь, такъ-же какъ и чистѣйшій нѣмецкій языкъ не внутри древней Германіи, а на бывшей когда-то славянской землѣ—въ Саксоніи! Поэтому Вагилевичъ въ письмѣ своемъ къ М. П. Погодину порицаетъ Над-Сянское нарѣчіе за то, что оно ополячено и превозноситъ русскій языкъ, который, будто-бы, имѣлъ громадное вліяніе на письменный польскій языкъ.

Мы миновали границу русскаго и польскаго народонаселенія, и, проѣзжая песчаную низменность, лѣсную равнину между Сяномъ и Вислой, нашли народъ, говорящій на польскомъ нарѣчіи съ слабымъ оттѣнкомъ мазурскаго, хотя народъ тихій, добродушный, совсѣмъ похожій на русскихъ полѣсюковъ, живущихъ въ сосновыхъ борахъ жолковскаго и золочевскаго округовъ, отъ Бродовъ до р. Сяна. За Преворскомъ (Przeworsk) мы направились вдоль рѣки Сяна на сѣверъ, черезъ Соколовъ, Грибовъ, находя вездѣ тотъ-же народъ и мы были почти увѣрены, что это ополяченные русины. Цѣль нашей поѣздки—мѣстечко Диковъ расположено на равнинѣ надъ

Вислой, въ виду города Судоміря (Сандомѣржа), лежащаго на противуположномъ высокомъ берегу; видны его старинныя зданія, костелы и башни. Глядя на него, мы вспоминали историческія событія, происходившія на этой границѣ галицкой Руси и Польши, вспоминали, что въ 1205 году князь Романъ Мстиславовичъ, недалеко отсюда подъ Завихвостомъ, въ войнѣ съ ляхами, былъ нечаянно убитъ напавшимъ на него отрядомъ поляковъ. Длинныя и высокія, какъ валы, тянущіяся по берегамъ Вислы дамбы обратили на себя наше вниманіе. Не менѣе замѣчателенъ палацъ или замокъ гр. Тарновскаго, построенный на живописномъ мѣстѣ, съ карнизами, въ готическомъ вкусѣ, съ прилежащимъ паркомъ и видомъ на привислянскую окрестность. Гр. Тарновскій принялъ насъ весьма радушно, показалъ намъ свои картины, замѣчательныя искусствомъ, портреты своихъ предковъ Тарновскихъ и другихъ знаменитыхъ поляковъ, славянскія глиняныя урны и другія древнія вещи доисторическихъ временъ, вырытыя въ решовскомъ уѣздѣ, рѣдкія старопечатныя книги и рукописи, относящіяся къ исторіи Польши. Всѣ эти предметы хранились въ богатой замѣчательными изданіями библіотекѣ. Въ особенности-же графъ поручилъ намъ разсмотрѣть славянскія рукописи, писанныя кириллицей, русскія грамоты и другіе скорописные памятники. Съ жаромъ молодыхъ энтузіастовъ мы принялись за разборъ этихъ памятниковъ, видѣнныхъ нами первый разъ въ такомъ количествѣ и подборѣ. Мы работали, не уставая, съ утра до поздней ночи, описывали рукописи, излагали содержаніе, объясняли, переводили на польскій языкъ и ежедневно по утрамъ представляли графу результаты нашихъ разысканій, который на радости изъявлялъ свое удивленіе нашимъ неусыпнымъ трудамъ, похваляя нашу ревность и любовь къ разслѣдованіямъ старины и наши познанія. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этихъ событій Вагилевичъ писалъ М. П. Погодину объ открытіяхъ, сдѣланныхъ *имъ* (вмѣстѣ со мною) въ библіотекѣ ученаго гр. Тарновскаго въ Диковѣ. Вагилевичъ пишетъ о Кормчей книгѣ, которую онъ, смотря по почерку (по письму, какъ онъ выразилъ) и по языку, относилъ къ XII или началу XIII вѣка. Я спорилъ тогда съ нимъ, относя рукопись къ XIV столѣтію, тѣмъ болѣе, что она писана *на бумагѣ*. Вагилевичъ былъ до нѣкоторой степени фантазеромъ; онъ заупрямился и для поддержки своего мнѣнія утверждалъ,

ссылаясь на Мацѣевскаго, который будто-бы говорилъ, что еще въ XIII столѣтіи въ Галичѣ была изобрѣтена выдѣлка тряпичной бумаги и этимъ искусствомъ будто-бы занимались два брата изъ галицкихъ мѣщанъ. Конечно, мы, сверстники Далибора [1]) (Вагилевича), относились скептически къ этому заявленію. Но онъ все настаивалъ на своемъ и въ доказательство вѣрности, а по крайней мѣрѣ вѣроятности этого событія, указывалъ на то, что на его родинѣ народъ называетъ бумагу, цедулку, записку—*термѣткой* [2]) и что, будто-бы, это названіе народъ наслѣдовалъ отъ своихъ галицкихъ изобрѣтателей бумаги. Онъ гордился тѣмъ, что ни на одномъ изъ европейскихъ языковъ нѣтъ названія бумаги на своемъ говорѣ, а всѣ заимствовали названіе отъ греческаго или латинскаго языка. Въ своемъ письмѣ къ историку Погодину Вагилевичъ не упоминаетъ о мнимомъ изобрѣтеніи, а говоря о *термѣткѣ*, прибавляетъ, что „слово это можетъ быть взято съ греческаго языка, или происходитъ отъ *термѣтка*=бумага; *я полагаю, что тогда* (въ XII и XIII стол.) *на Руси были термѣтные* (писче-бумажные) *заводы*". Дальше Вагилевичъ упоминаетъ о другой рукописной книгѣ, содержащей *отрывки изъ Кормчей книги* XV вѣка; по языку она похожа, но замѣчательна тѣмъ, что въ ней находятся: *уставъ Владиміра* о церковныхъ судахъ и *уставъ Ярослава* и др.

Послѣ этого Вагилевичъ сообщаетъ о находящихся у гр. Тарновскаго грамотахъ, договорахъ и международной корреспонденціи польскихъ королей съ крымскимъ ханомъ, турецкимъ султаномъ и великими князьями московскими. Должно быть, Вагилевичъ неясно написалъ или переводчикъ невѣрно перевелъ, называя ихъ *переводными* или *переписными*. Это собственно четыре пергаменныхъ грамоты съ конца XIV и начала XV стол., а именно: 1) жалованная грамота великаго князя Витовта 1392 г., 2) грамота галицкаго старосты Бенка 1398 г., 3) передаточная грамота на имѣніе Тростянецъ 1409 г. и 4) мѣновная грамота Ивана Тучняка 1418 г. [3]).

---

[1]) Иванъ Вагилевичъ принялъ славянское имя Далиборъ, которымъ и подписывался на своихъ ученыхъ трудахъ.

[2]) Этого слова нѣтъ въ нѣмецко-русскомъ словарѣ Эм. Партицкаго. Львовъ 1870 г.

[3]) Всѣ эти грамоты я переписалъ съ графическою точностью, сообщилъ ихъ Д. Зубрицкому, откуда онѣ напечатаны въ Актахъ западной Россіи, а послѣ напе-

Кромѣ того мы нашли нѣсколько документовъ съ XVI в. на русскомъ языкѣ, договоры польскихъ королей съ великими князьями московскими и крымскимъ ханомъ. Въ особенности заинтересовала насъ переписка съ крымскимъ ханомъ Давлетъ Гиреемъ на русскомъ языкѣ, писанная современною русскою скорописью. У графа Тарновскаго одна статья была въ трехъ экземплярахъ, и я осмѣлился просить графа, чтобы онъ подарилъ мнѣ экземпляръ. Графъ похвалилъ мою любовь (zamiłowanie) къ памятникамъ старины и обѣщалъ объ этомъ подумать. Вѣроятно, онъ провѣрилъ съ кѣмъ-нибудь, вѣрно-ли было мое заявленіе о тождественности ихъ текста. На другой день онъ вырвалъ листки изъ тетради, составлявшей отрывки какого-то сборника, вѣроятно, тетради Метрики великаго князя литовскаго и передалъ мнѣ экземпляръ. Нашей радости не было границъ. Мы открыли памятники дипломатическаго и дѣловаго языка изъ столь отдаленныхъ временъ, и на основаніи этихъ открытій рѣшили, что эти документы ничто иное, какъ продолженіе той политически-бытовой жизни русскаго (галицкаго) народа, которая жила и процвѣтала во время самостоятельности галицкаго княжества со временъ Володаря, Василька, Ярослава, Романа, Даніила и Льва. Мы представляли себѣ въ своемъ воображеніи могущественное государство на всемъ погоріи Карпатовъ, простирающееся отъ источниковъ Нѣмана до устья Дуная и Чернаго моря. Въ письмѣ своемъ Вагилевичъ намекнулъ только о важности этихъ памятниковъ для исторіи языка, какъ „вѣрнаго изображенія языка самаго древняго времени". Мы нашли, что кромѣ памятниковъ (по мнѣнію нѣкоторыхъ) мертваго церковно-славянскаго языка, мы напали на памятники древняго живущаго, настоящаго народнаго русскаго языка; что этотъ „языкъ—простъ и красивъ и сходенъ съ древнимъ; языкъ-же XVI и XVII ст. передѣланъ по образцу латинскаго (?), потомъ онъ очень *ополонизировался* и испортился".

Сообразно съ мнѣніемъ ученыхъ того времени, сужденіе наше было правильно, хотя мы не были въ состояніи дать научнаго удовлетворительнаго отчета и не умѣли сдѣлать правильнаго лексико-грамматическаго разбора найденныхъ памятниковъ.

чатаны мною въ Науковомъ Сборникѣ 1865 и 1866 г. и особыми оттисками во Львовѣ.

Наконецъ Вагилевичъ нашелъ возможнымъ сообщить о своихъ находкахъ, которыя его въ то время (1835 г.) преимущественно занимали. Онъ назвалъ ихъ громкимъ именемъ *ваятельныхъ* памятниковъ, и писалъ, что *„хотя они и необъяснены* еще, но весьма важны *для всѣхъ славянъ"*; далѣе онъ увѣряетъ, что: „истинно они начертаны *перстомъ Божіимъ* (?!) въ горахъ карпатскихъ *для первыхъ славянъ"* (?!). Мнѣ помнится, что тогда шелъ въ славянствѣ живой споръ о подлинности пральвицкихъ надписей. Нѣмецкіе скептики отказали славянамъ (какъ низшей культурной націи) въ знаніи письменъ, приписывая сѣверныя руны только германскому племени. Находя у Ибнъ-Фоцлана, у мниха Храбра и въ Судѣ Любуши намеки на существованіе у древнихъ славянъ употребленія письма, разыгравшееся воображеніе молодаго 20-ти лѣтняго человѣка нашло возможность открыть настоящія славянскія руническія надписи. Открытіе славянскихъ руническихъ надписей было постояннымъ желаніемъ Вагилевича, которое всегда волновало его душу и наводило на фантастическія мечты. Онъ давно мечталъ объ открытіи памятниковъ древняго языческаго культа, т. е. языческихъ идоловъ, капищъ или жертвенниковъ и находящихся на нихъ надписяхъ. Чтеніе путешествій по востоку и Индіи, усидчивыя студіи и разсужденія о руническихъ и клинообразныхъ надписяхъ подстрекали его пылкое воображеніе. Но мы не довольствовались въ нашемъ студенческомъ кружкѣ теоретическими разсужденіями, а требовали, чтобы аргументація была подтверждена фактами, и Вагилевичъ, чтобы избавиться отъ насмѣшекъ друзей, въ одно прекрасное утро собрался въ путь для разслѣдованія своихъ излюбленныхъ *ваятельныхъ* памятниковъ.

Черезъ недѣлю или двѣ Вагилевичъ вернулся во Львовъ, полный радости отъ того, что открылъ доисторическіе памятники въ скалахъ вытесанныхъ храмовъ, а на ихъ стѣнахъ древнія руническія надписи. Онъ показывалъ всѣмъ копіи многихъ найденныхъ имъ надписей, къ прочтенію которыхъ онъ однакожъ не могъ найти ключа, такъ какъ его знаки не подходили ни къ какимъ до сихъ поръ извѣстнымъ письменамъ. Онъ съ восторгомъ разсказывалъ о своихъ открытіяхъ. Одни повѣрили; другіе не довѣряли. Эти разсказы заинтересовали всѣхъ литераторовъ во Львовѣ. Вагилевичъ писалъ о своихъ находкахъ къ Шафарику, который также много

ожидалъ отъ этихъ открытій. Подъ такими впечатлѣніями писалъ Вагилевичъ свое письмо къ М. П. Погодину, который принялъ извѣстія за чистую монету. Объ этихъ находкахъ съ его-же (Вагилевича) словъ писалъ изъ Львова Карлъ-Владиславъ Запъ къ Шафарику, а Иванъ Православъ Коубекъ къ Вяч. Ганкѣ, которые сообщили эти извѣстія Погодину. Михаилъ Петровичъ напечаталъ письмо (самого Вагилевича) изъ *Лемберга* въ „Моск. Наблюдателѣ" за 1836 г. (№ VII, стр. 289) въ переводѣ, сообщилъ копіи надписей, найденныхъ Вагилевичемъ въ Трухановѣ, Розгорчью и Верхнемъ Синеводскѣ, находя въ нихъ *„примѣчательное сходство съ письменами синайскими древнихъ руссовъ, сообщенными знаменитымъ оріенталистомъ Френомъ изъ арабскаго писателя X вѣка"*.

Въ древней русской исторіи до-монгольскаго ига (Моск. 1871 г. Т. III. Отдѣлъ I) Михаилъ Петровичъ отпечаталъ совсѣмъ вѣрное факсимиле *надписей, высѣченныхъ на скалахъ въ Карпатахъ* съ письма Вагилевича, съ краткимъ объясненіемъ (стр. 6), въ которомъ изъявилъ желаніе сравнить ихъ съ надписями, высѣченными на разныхъ горахъ въ Сибири, такъ называемыми чудскими. Стало быть, Михаилъ Петровичъ нашелъ ихъ неподлежащими сомнѣнію.

Толки, споры, передряги длились у насъ продолжительное время. Вагилевичъ съ жаромъ отстаивалъ существованіе надписей, мы, скептики, старались доказать основательность нашихъ сомнѣній. Всѣ споры и толки оказались голословными передрягами и не привели ни къ чему. Близкій кружекъ Вагилевича отнесся скептически къ его находкамъ, особенно Маркіанъ Шашкевичъ, прямо назвавъ все это Вагилевичевой фантасмагоріей.

Эти споры, кружась по Львову, сильно заинтересовали польскихъ литераторовъ, и Августъ Бѣлевскій рѣшилъ отправиться на мѣсто находокъ, чтобъ удостовѣриться въ подлинности существованія карпатскихъ надписей. Онъ нанялъ тройку лошадей у львовскаго мѣщанина русина Ясинскаго, имѣвшаго свой домъ возлѣ св. Іоанна на Сѣнявщинѣ [1]), и взялъ съ собою эмигранта Килѣсинскаго, рисовальщика, чтобы срисовать описанныя Вагилевичемъ

---

[1]) Въ то время было еще много мѣщанъ, владѣльцевъ недвижимостей, занимавшихся разными промыслами и причитавшихъ себя къ русской народности, которыхъ потомки теперь ополячились, а ихъ дома и земли перешли въ жидовскія руки.—Я. Г.

капища и скопировать славянскія руны. Встрѣтивъ меня, Бѣлевскій уговаривалъ присоединиться къ нимъ и вмѣстѣ поѣхать въ Карпаты, на что я охотно согласился, давно желая собственными глазами посмотрѣть на эту рѣдкость. Бѣлевскій, съ своей стороны, разсчитывалъ, что ему понадобится въ руководители русинъ. Несмотря на то, что Бѣлевскій переводилъ *Слово о полку Игоря* и народныя малорусскія пѣсни, онъ плохо зналъ по русски и, хотя былъ рожденъ въ восточной Галичинѣ, но, живя постоянно въ городѣ и вращаясь въ польскомъ обществѣ, съ трудомъ могъ изъясняться на русскомъ нарѣчіи. Спутникъ его, эмигрантъ изъ Царства Польскаго, Янъ Килѣсинскій, какъ мазуръ, вовсе не зналъ по русски. Такимъ образомъ я могъ быть имъ во многомъ переводчикомъ и толкователемъ, тѣмъ болѣе, что Бѣлевскій зналъ о моихъ экскурсіяхъ по Галичинѣ, изъ которыхъ я всегда приносилъ нѣсколько тетрадокъ народныхъ пѣсень, повѣрій и другихъ свѣдѣній о народномъ бытѣ. Бѣлевскій откровенно сказалъ, что я, русинъ, буду ему руководителемъ и посредникомъ въ распросахъ съ народомъ. При томъ-же, говорилъ онъ, если случится побывать у священника, то съ русскимъ какъ-то ловчѣе. Собрались и условились ѣхать въ назначенный день. Но такъ какъ у насъ ни у одного не было вида или паспорта, а на львовской заставѣ полицейскій фельдфебель (въ качествѣ пристава) могъ-бы придраться, то мы, по одиночкѣ гуляя, вышли за Стрыйскую заставу и возлѣ кладбища поджидали нашу бричку. Только тамъ усѣвшись вмѣстѣ, мы весело помчались по шоссе на югъ. Бѣлевскій принималъ всякія предосторожности, не останавливался ни въ мѣстечкахъ, ни въ селахъ, ни въ уѣздномъ городѣ Стрыѣ, а только на отдыхъ въ корчмахъ, стоявшихъ особнякомъ въ полѣ. На ночь мы тоже не заѣхали въ корчму, а свернули съ шоссе въ лѣвую сторону и заѣхали уже ночью къ молодому помѣщику въ Довге (Долгое). Этотъ послѣдній, знакомый Бѣлевскому еще съ возстанія 1831 года, принялъ насъ съ большимъ радушіемъ. Воспоминанія о войнѣ 1831 г. оживляли разговоры. До поздней ночи продолжались разсказы о 4-мъ полку улановъ, о 5-мъ пѣхотномъ полку легіи надвислянской, о разныхъ корпусныхъ начальникахъ, стычкахъ, сраженіяхъ съ москалями подъ Остроленкой, подъ Дембомъ, подъ Волей и пр. Всѣ три на перерывъ врали не хуже заказныхъ охотниковъ.

Помѣщикъ, обративъ вниманіе на то, что я молчу, намекнулъ, что я навѣрно также былъ за Вислой, а Килѣсинскій, не много думая, на угадъ сказалъ, что я служилъ въ корпусѣ Дверницкаго на Волыни, давая мнѣ этимъ столь-же обильную тему для вранья. Но я въ одинъ голосъ съ нимъ возразилъ рѣшительнымъ отказомъ, что я не участвовалъ въ революціи. „Панъ запевне русинъ", заикнулся ляхъ. „Да", сказалъ я. Но Бѣлевскій тутъ-же замѣтилъ: „але добры чловѣкъ. Не стѣсняйтесь, говорите смѣло". И пошла дальше болтовня, которая кончилась разсказомъ, какъ всѣ три богатыря съ 20-ти тысячнымъ корпусомъ Ромарино перешли черезъ Вислу и сложили оружіе передъ австрійцами.

На другой день нашъ путь продолжался. Мы проѣхали черезъ г. Болеховъ, не останавливаясь въ немъ. За городомъ мы повернули въ сторону и поѣхали вверхъ рѣки Сукаль каменистой проселочной дорогой въ с. Тисовъ, а оттуда дальше и остановились только въ горной корчмѣ. Не медля, взяли мы проводниковъ изъ крестьянъ и пошли горами, поросшими лѣсомъ, на Бубнище между Трухановомъ и Бубнищемъ, гдѣ находятся въ скалахъ вытесанныя пещеры въ родѣ комнатъ. Громадность раскинутыхъ скалъ—великановъ среди еловыхъ лѣсовъ произвела на насъ сильное впечатлѣніе. Очнувшись отъ изумленія, мы осмотрѣли всѣ комнаты, или собственно говоря пещеры, съ внѣшней и внутренней стороны и, держа въ рукахъ копіи мнимыхъ надписей, искали Вагилевичевыхъ рунъ, но не нашли ничего. На стѣнѣ одной изъ комнатъ были насѣчки, похожіе на одну изъ надписей, сообщенныхъ Вагилевичемъ, но послѣ тщательнаго осмотра мы положительно убѣдились, что это естественная насѣчка отъ неоконченной работы. Вверху мы нашли пробоины отъ дождей, которыя Вагилевичъ принялъ за надписи, изображенныя въ „Наблюдателѣ" съ замѣткой „*на верху*". Килѣсинскій срисовалъ видъ Бубнискихъ скалъ, а Бѣлевскій написалъ послѣ статейку, которая была напечатана въ „Зѣвоніи", альманахѣ, изд. въ 1835 г. въ Лейпцигѣ; тутъ-же представленъ рисунокъ этихъ скалъ. Но Львовская цензура, захвативъ на границѣ изданіе, объявила на него запрещеніе и весь заводъ альманаха былъ конфискованъ, изрубленъ и сожженъ, такъ какъ цензура нашла тамъ запрещенныя статьи другихъ авторовъ. Статья Бѣлевскаго не была нигдѣ вторично отпеча-

тана, но заявленіе Бѣлевскаго, который у Вагилевича пользовался большимъ авторитетомъ, сильно повліяло на этого послѣдняго и онъ наконецъ призналъ, что *въ Трухановѣ*, можетъ быть, и нѣтъ надписей, но тѣмъ сильнѣе отстаивалъ существованіе надписей на скалахъ въ Розгорчью, о которомъ онъ написалъ статью въ часописи Чешскаго Музея (написалъ онъ по польски, а К. В. Запъ перевелъ на чешскій языкъ). Нечего было дѣлать, надо было провѣрить, есть-ли надписи на стѣнахъ розгорецкихъ скалъ или нѣтъ, и если есть, то какія именно надписи? Въ 1836 году, въ одинъ прекрасный осенній день я собрался въ путь, взявъ съ собой моего брата Ивана. Мы отправились въ Стрый, а дальше пошли пѣшкомъ по шоссе въ с. Разгорчье, лежащее на р. Стрыю у самого предгорья карпатскихъ горъ. Мы перевезлись на лодкѣ черезъ Стрый и пошли селомъ, спрашивая, гдѣ розгорецкіе *ущовбы* (скалы). Намъ показали за помѣщичьимъ огородомъ большія скалы съ открытыми дверями или входами въ комнаты, высѣченныя въ скалахъ, и другія, которыя выступали изъ горъ. Крестьяне указывали на какія-то царапины, но мы не могли ихъ признать за надписи отдаленной древности, а скорѣе должны были признать въ нихъ размытыя дождемъ и сыростью слѣды именъ посѣтителей. Въ одной даже мы ясно замѣтили польскую фамилію *Krymowicz*.—Съ тѣхъ поръ никто не упоминалъ о надписяхъ и въ Галиціи всѣ были убѣждены, что ихъ нѣтъ.

Въ статьѣ моей объ изслѣдованіи памятниковъ русской старины, сохранившихся въ Галичинѣ и Буковинѣ, напечатанной въ Трудахъ перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ 1869 г., я положительно высказался на счетъ этихъ мнимыхъ древнихъ надписей [1]), но, не смотря на это, покойный М. П. Погодинъ въ своей древней русской исторіи до монгольскаго ига, изд. въ 1871 году, отпечаталъ карпатскія руническія надписи, сообщенныя ему Вагилевичемъ, находя ихъ похожими на какія-то сибирскія надписи.

Въ концѣ письма Вагилевичъ жалуется на трудности, которыя были нами встрѣчаемы при выпискѣ русскихъ книгъ. И нѣмцы

---

[1]) Желательно было бы со всею тщательностію осмотрѣть большую пещеру розгорецкихъ скалъ. Мнѣ помнится, что я на лѣвой стѣнѣ замѣтилъ что-то похожее на еврейскую надпись. Любопытно, что оно таково?...

и поляки не желали, чтобы галицкіе руссы знакомились съ русскою литературой, поэтому въ Галиціи русской книги нельзя было ни зазоромъ увидать. Я случайно нашелъ у еврея русскую грамматику Гейма, переведенную на польскій языкъ Гродзицкимъ, изд. въ Варшавѣ, и нѣсколько одъ Державина съ польскимъ переводомъ, изд. въ Вильнѣ. Стихи я заучивалъ наизустъ и хранилъ, какъ драгоцѣнный кладъ. Ни одинъ книгопродавецъ не хотѣлъ выписывать русскихъ книгъ, извиняясь тѣмъ, что у нихъ нѣтъ ни какихъ сношеній съ русскими книгопродавцами.

Съ трудомъ я уговорилъ Ивана Милликовскаго выписать исторію Малороссіи Бантышъ-Каменскаго и Энеиду Котляревскаго. Только черезъ 10 мѣсяцевъ были присланы книги. Я былъ въ восторгѣ. Но не долго продолжалась моя радость: Милликовскій потребовалъ за эти 4 книги 29 гульд. серебромъ! Деньги (сбереженныя денежки) были уплачены, но книги отданы въ цензурный комитетъ. Мы ходили, узнавали, просили, ходатайствовали, пока наконецъ чрезъ полтора года намъ не доставили книгъ въ руки. Другой разъ я хотѣлъ выписать русскую исторію Полеваго (о которой въ то время много говорили въ печати), пѣсни малороссійскія Максимовича, Запорожскую Старину и др. книги, но Милликовскій отказалъ на отрѣзъ (вѣроятно, по внушенію поляковъ). Нужно было отказаться отъ Полеваго, а Максимовича одинъ экземпляръ мы нашли, какъ я сказалъ въ началѣ, въ библіотекѣ Оссолинскихъ, и съ этого-то единственнаго экземпляра я списалъ всю его книгу.

Вотъ все, что я нашелъ нужнымъ объяснить по поводу письма Вагилевича, напечатаннаго въ „Моск. Наблюдателѣ“.

Я. Г.

Ириней Фальковскій *),

КОАДЪЮТОРЪ КІЕВСКІЙ.

(Окончаніе).

VI.

Мы подошли теперь къ тому періоду въ жизни Иринея Фальковскаго, когда онъ занялъ такой важный выдающійся постъ, на которомъ могъ проявить вполнѣ свою обширную эрудицію, свои блестящія дарованія вообще и въ частности свой многообъемлющій систематическій умъ. 20 марта 1803 г. Ириней вступилъ въ должность ректора кіевской академіи, этого древнѣйшаго училища въ въ Россіи, къ тому времени значительно обветшавшаго въ силу неотразимаго общаго хода событій въ странѣ.

Раньше мы видѣли, въ какомъ положеніи была академія кіевская въ ту пору, когда Фальковскій переходилъ со школьной скамьи въ кругъ ея преподавателей. Многое сдѣлали для ея обновленія и улучшенія умъ и опытность митрополита Самуила Миславскаго; но его реформаторская дѣятельность была направлена болѣе, такъ сказать, на обрусѣніе академіи, введеніе ея въ общую жизнь нововозникавшихъ учебныхъ заведеній. Поднять уровень академическаго образованія, привести все преподаваніе въ стройное цѣлое, усилить преподавательскій составъ, возвысить воспитательную сторону заведенія—все это составляло задачу другаго времени и другаго лица, и блестящаго выполненія этихъ задачъ можно было ждать отъ многосторонняго ума и неутомимой дѣятельности Иринея Фальковскаго. Къ сожалѣнію, время ректорства его было слишкомъ кратко, продолжалось менѣе года и въ добавокъ о дѣятельности его за это

*) См. майскую книжку «Кіевской Старины» на 1883 г.

время, въ званіи ректора, мы не имѣемъ никакихъ почти свѣдѣній. Самое то обстоятельство, что Ириней, прослуживши въ академіи 20 лѣтъ и достигши ректорскаго званія, появляется въ немъ на академическомъ горизонтѣ на мигъ, какъ блестящій метеоръ, составляетъ для насъ загадку. Біографы его, отмѣчая, какъ фактъ, эту и другія перемѣны въ его жизни, не касаются вызвавшихъ оныя причинъ; остается мѣсто догадкамъ и предположеніямъ. При отсутствіи положительныхъ данныхъ относительно столь крупнаго факта, какъ добровольное, по видимому, оставленіе Иринеемъ важнаго поста ректора академіи и удаленіе въ монастырь, разъясненія этого дѣла надо искать въ отличительныхъ чертахъ жизни его самаго и въ смѣнѣ начальствовавшихъ надъ нимъ лицъ. Что возвышеніемъ на степень ректора академіи Ириней обязанъ былъ своимъ талантамъ, знанію и неустанному труду, въ этомъ сдва-ли можетъ быть какое-либо сомнѣніе. Единственный покровитель его, митрополитъ Самуилъ Миславскій давно покоился въ землѣ; не было въ живыхъ и Іероѳея Малицкаго, такъ очернившаго его предъ св. синодомъ, а на митрополичьей каѳедрѣ въ Кіевѣ возсѣдалъ выдвинутый случаемъ трансильванецъ Гавріилъ Банулеско, человѣкъ безъ всякаго вліянія и значенія. Очевидно, что послѣ столкновенія съ митрополитомъ Іероѳеемъ, и свѣтлыя и темныя черты Иринея коротко извѣстны были синоду и судьба его зависѣла прямо отъ него. Извѣстный недугъ Фальковскаго дѣлалъ вообще положеніе его шаткимъ, особенно-же при перемѣнѣ начальствующихъ лицъ, и самъ онъ, конечно, долженъ былъ прислушиваться къ тому, какъ смотрятъ на него въ сферахъ правящихъ. Но не прошло и полгода со времени назначенія его ректоромъ, какъ ближайшій его начальникъ, митр. Гавріилъ также легко былъ смѣщенъ съ митрополичьяго стола, какъ и посаженъ на оный. Вопросъ о преемникѣ Гавріила и о томъ, какъ онъ отнесется къ Иринею, не могъ не занимать этого послѣдняго. Между тѣмъ къ концу ноября, въ ту именно пору, когда до Кіева могла дойти первая вѣсть о назначеніи на кіевскую митрополію казанскаго архіепископа Серапіона Александровскаго, указомъ на имя кіевскаго викарія Ѳеофана Шіянова, синодъ требовалъ свѣдѣнія о томъ, продолжаетъ-ли ректоръ академіи Ириней, согласно синодальному указу отъ 1798 г., писать толкованія на посланія апостольскія. Какъ смотрѣть на этотъ за-

просъ? Что хотѣли сказать этимъ напоминаніемъ? Намъ неизвѣстны мотивы этого запроса, какъ и мотивы порученія, даннаго Иринею въ видѣ особаго послушанія; но вопросы, которые ставимъ мы, не могли не родиться и въ головѣ Иринея и не заставить его призадуматься. А тутъ новый митрополитъ... Какъ взглянетъ онъ на недавно назначеннаго ректора, найдетъ ли совмѣстимымъ управленіе академіей и преподаваніе богословія съ составленіемъ толкованій на посланіе и что признаетъ болѣе важнымъ: процвѣтаніе ли академіи, или толкованія? Не иначе, какъ послѣ долгаго раздумья и разныхъ постороннихъ соображенійИриней могъ написать тотъ отвѣтъ, который такъ не согласуется съ запросомъ и такъ поражаетъ своею неожиданностію. Онъ писалъ, что кромѣ представленныхъ имъ въ московскую цензуру для апробаціи къ печати толкованій на два посланія къ солунянамъ и первое посланіе къ коринѳянамъ, у него готовы вчернѣ толкованія на посланія къ римлянамъ, галатамъ и второе къ коринѳянамъ, что затѣмъ онъ хотя и ведетъ толкованіе апостольскихъ посланій предъ братіею своею монастыря, но ведетъ, не придерживаясь системы, какъ-то дѣлалъ прежде, и что если св. синоду угодно, чтобы онъ продолжалъ это дѣло по прежнему, то онъ немедленно приступитъ къ нему, но, будучи обремененъ должностями, сознаетъ, что не успѣетъ окончить толкованій на остальныя восемь посланій ап. Павла раньше четырехъ лѣтъ, а потому проситъ уволить его отъ должности ректорской, особливо же отъ преподованія богословія, и тогда онъ беретъ на себя окончить этотъ трудъ чрезъ два года [1]. Что это? увлеченіе ли идеей дѣла, послушаніе ли до крайности, или своего рода политика? Болѣе вѣрнымъ кажется намъ послѣднее. Монашество, особливо такъ называемое ученое, ведетъ иногда игру не менѣе тонкую, какъ и наиболѣе искусные изъ міранъ. И новоназначенный въ это время митрополитъ кіевскій Серапіонъ не задолго предъ симъ, замѣтивъ охлажденіе къ себѣ въ сферѣ синодской, просилъ уволить его на покой, но, взявъ, по совѣту м. Платона, прошеніе обратно, вскорѣ получилъ кіевскую митрополію. АрхимандритъИриней не искусился, правда, плавать въ волнахъ

[1]) Акты кіевобр. уч. монаст. и акад., III. IV, № 12.

житейскихъ, да и не въ натурѣ его была тонкая политика; но на этотъ разъ онъ, видимо, хотѣлъ оградить себя, быть можетъ, просто по чувству самосохраненія. Имъ сдѣланъ былъ слишкомъ очевидный намекъ на несовмѣстимость сложныхъ и важныхъ служебныхъ обязанностей съ исполненіемъ навязаннаго ему порученія. Можно было затѣмъ ожидать, что или вовсе освободятъ отъ этого порученія, или не станутъ по крайней мѣрѣ торопить имъ и медленное исполненіе онаго не отнесутъ къ небрежности и лѣности. Вышло то, чего всего менѣе ожидать было можно и чего желать Иринею не было, кажется, никакой причины. Указомъ 25 февраля 1804 года онъ уволенъ былъ „отъ ректорскаго званія и преподаванія Богословіи“, *во уваженіе*, какъ говорилось въ указѣ, *двадцатилѣтняго прохожденія его въ академіи учительской должности и трудовъ его надъ разными сочиненіями* и дабы препорученіе ему толкованій на послѣднія восемь посланій, по примѣру прежде сочиненныхъ, не могло быть *отяготительно* для него. Сущность дѣла, какъ видитъ читатель, совсѣмъ закрыта здѣсь; а мотивы увольненія выставлены такіе, что ихъ скорѣе можно-бы признать за шутку или насмѣшку. Соображая, что новоназначенный митрополитъ Серапіонъ, къ всеобщему и митрополита Платона удивленію, былъ возведенъ на этотъ постъ стараніями и протекціею земляка его, петербургскаго митрополита Гавріила Подобѣдова, и что назначеніе Серапіона, равно и случайное заявленіе Иринея объ увольненіи его отъ службы при академіи, послѣдовали почти одновременно, нельзя не прійти къ заключенію, что неожиданное увольненіе Иринея отъ должности ректора и профессора богословія было дѣломъ услуги могущественнаго протектора его кліэнту—земляку. Гавріилу была извѣстна слабость Иринея; она могла ставить его кліента въ затрудненіе, а тутъ самъИриней вызывался на увольненіе... Такимъ образомъ ничего необыкновеннаго на этотъ разъ не произошло, а случилось лишь то, что обыкновенно въ подобныхъ обстоятельствахъ бываетъ, именно: лица, почему-либо неудобныя, или неугодныя для новаго начальника, такъ или иначе смѣщаются и устраняются,—по желанію-ли его, или протежирующихъ ему, все равно. Была-ли у Иринея, какъ у Ломоносова, увѣренность, что скорѣе академію отставятъ отъ него, нежели его отъ академіи,—трудно допустить;

скорѣе онъ сталъ жертвою посторонней политики, отчасти-же, можетъ быть, и собственной трусости, столь присущей людямъ, чувствующимъ за собою какую-либо слабость. Какъ-бы ни было, Ириней потерпѣлъ, потерпѣла вмѣстѣ съ нимъ и академія. 5 февраля новый митрополитъ подъѣзжалъ къ Кіеву. Ему на встрѣчу выѣхало кіевское духовенство, черное и бѣлое, и во главѣ его Ириней. Встрѣча происходила въ м. Броварахъ, въ 24 верстахъ отъ Кіева. Не предчувствовавшій, быть можетъ, своего увольненія знаменитый ректоръ академіи сказалъ встрѣчную рѣчь, которую новый владыка въ своемъ „Дневникѣ“ назвалъ *хорошею*, а спустя три недѣли состоялся указъ объ увольненіи Иринея.

Иринею оставленъ въ управленіе кіевскій пустынно-николаевскій монастырь, а широкая церковно-общественная и училищная дѣятельность его заключена въ стѣны кабинета и ограничена составленіемъ толкованій на 8-мь посланій ап. Павла, академія-же оставлена доживать послѣдніе годы своего двухъ вѣковаго существованія, въ качествѣ всенароднаго училища, подъ руководствомъ малосвѣдущаго, не блиставшаго ни умомъ, ни даромъ слова митрополита.

Въ лицѣ Иринея акедемія кіевская понесла огромную, невознаградимую потерю, которая, полагать можно, привела ее къ необходимости новаго преобразованія, помимо условленнаго общимъ государственнымъ строемъ превращенія ея въ заведеніе сословное, духовное. Ириней оставилъ намъ самыя обстоятельныя свѣдѣнія о томъ, въ какомъ состояніи академія перешла подъ его управленіе, равно и о томъ, какъ устроена была имъ, въ самомъ началѣ его ректорства, инспекторская часть, или надзоръ за обученіемъ и поведеніемъ воспитанниковъ академіи. Перваго рода свѣдѣнія заключаются въ обширномъ, самимъ Иринеемъ составленномъ „*Описаніи* кіевской академіи противу вопросовъ, данныхъ отъ министра народнаго просвѣщенія, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и кавалера графа Петра Васильевича Завадовскаго 1802 г.“, вторая — въ „*Инструкціи суперъ-интендантской* для благонамѣреннаго смотрѣнія и наблюденія по предметамъ въ ученіи и благонравіи“ воспитанниковъ. Извлеченіемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній изъ этихъ двухъ произведеній пера Иринея мы и закончимъ нашу рѣчь о немъ, какъ о ректорѣ академіи.

„Описаніе академіи“, какъ видно изъ его заглавія, вызвано запросомъ перваго министра народнаго просвѣщенія. То было начало царствованія Александра I-го, пора горячихъ начинаній, широкихъ проектовъ и реформъ. Кіевская академія ничего отъ нихъ не выиграла, но отъ даннаго по этому случаю запроса остался этотъ единственный, весьма важный документъ, свидѣтельствующій о внѣшней и внутренней жизни академіи въ ея прежнемъ историческомъ существованіи, въ качествѣ училища, открытаго для всѣхъ и совмѣщавшаго въ себѣ курсы низшаго, средняго и высшаго образованія, не раздѣленнаго, какъ въ послѣдствіи на духовное и свѣтское. Академія вмѣщала въ себѣ въ это время 1146 учащихся, съ значительнымъ контингентомъ въ этомъ числѣ дѣтей священно и церковно-служительскихъ. Послѣдніе принимались въ возрастѣ 7—14 лѣтъ, такъ какъ большинству ихъ приходилось выслушивать трехлѣтній богословскій курсъ, дѣти-же другихъ сословій принимались въ какомъ угодно возрастѣ и выходили изъ какого угодно класса,—„сообразно ихъ намѣреніямъ“, прибавляетъ „Описаніе“. Всѣхъ классовъ было 32 и кромѣ того классъ такъ называемой *русской* школы, для неспособныхъ и не желавшихъ учиться въ академіи. Классы подраздѣлялись по главнымъ отдѣламъ изучаемыхъ предметовъ: были, напр., нижній, средній и высшій грамматическій и ариѳметическій классы, существовали подобныя подраздѣленія и другихъ предметовъ, упоминаются четыре историко-географическихъ класса, безъ названій: низшій, средній и высшій. Судя однако по числу классныхъ комнатъ, какъ оно значится въ „Описаніи“, по отношенію количества учащихъ къ числу учащихся (19 на 1146) и наконецъ по громадному числу учениковъ въ классѣ одного наименованія (въ низшемъ напр. грамматическомъ классѣ 489 уч.), надо заключать, что обученіе такъ сказать начаткамъ шло не только въ аудиторіяхъ академіи и въ такъ называемомъ сиротскомъ домѣ, *старой бурсѣ*, но и по приходскимъ школьнымъ домамъ, съ помощію такъ называемыхъ *директоровъ*, проще репетиторовъ или старшихъ учениковъ. Эти-же директоры служили главными органами инспекціи, облегчая трудъ не только учителей по приготовленію учениками уроковъ, но и инспекторовъ и суперъ-интендента по наблюденію за поведеніемъ учащихся.

На такое большое число классовъ и огромную массу учащихся было всего 19 учителей,—*восемь* духовнаго сана и *одинадцать* бѣльцевъ или свѣтскихъ. Въ числѣ первыхъ былъ 1 архимандритъ, 3 соборныхъ іеромонаха кіево-печерской лавры и 1 іеродіаконъ, 2 священника и 1 протоіерей, а въ числѣ свѣтскихъ 1 докторъ медицины, 1 отставной капитанъ для практики въ французскомъ языкѣ и обученія рисованью, 1 братъ—славянинъ, австрійскій подданный, воспитанникъ пресбургскаго университета, остальные—воспитанники кіевской академіи, изъ которыхъ 3, по окончаніи здѣсь полнаго курса, посылаемы были для усовершенствованія въ московскій университетъ.

Высшіе оклады жалованья получали учители богословія и философіи—первый 350, второй 300 р., жалованье остальныхъ понижалось отъ 200 до 40 и даже 30 р. въ годъ. Въ числѣ учителей послѣдняго оклада были 2 учителя исторіи и географіи; но въ подмогу этому, крайне скудному и для тогдашняго времени содержанію, учитель богословія имѣлъ второклассный монастырь и пользовался отъ него доходами, квартирою и столомъ, соборные іеромонахи получали жалованье по монастырскому своему званію, священники имѣли приходы въ Кіевѣ, а свѣтскіе жили съ монашествующими въ избахъ, при академіи для учителей построенныхъ, пользуясь дровами и свѣчми, на академическую сумму доставленными.

Кругъ предметовъ, въ академіи преподававшихся, былъ слѣдующій: языки русскій, латинскій, еврейскій, греческій, французскій и польскій, и науки: богословіе, философія, риторика, исторія, географія, ариѳметика, чистая и смѣшенная математика, врачебная наука, сельская и домашняя экономія, рисовальное искусство и нотное ирмолойное пѣніе. Вообще число учителей совпадало съ числомъ предметовъ, но подраздѣленіе этихъ послѣднихъ было иногда такъ велико, что преподаваніе одного предмета требовало нѣсколькихъ учителей и весьма значительнаго числа уроковъ. Такъ въ кругъ философіи входили: исторія философіи, логика, метафизика, физика, нравственная философія, естественная исторія и опытная физика, а *въ классѣ смѣшенной математики* читались: гражданская и военная архитектура, механика, гидростатика, аерометрія, гидрав-

лика, оптика, катоптрика, діоптрика и перспектива, тригонометрія сферическая, астрономія, географія, гидрографія, гномоника и математическая хронологія.

Курсы богословскій, а равно русскаго, латинскаго и греческаго языковъ представляли также большія подраздѣленія. Преподаватели соединяли иногда самые разнородные предметы, но не въ цѣломъ ихъ видѣ, а въ отдѣльныхъ ихъ курсахъ, или частяхъ. Ученики различныхъ возрастовъ соединялись для слушанія одного курса того или другаго предмета. Курсы считались вмѣстѣ и классами, а эти въ свою очередь подраздѣлялись. Отъ того такое огромное число классовъ. Но не смотря на это, не смотря на разбросанность курсовъ, въ общемъ ходѣ ученія примѣчается самая строгая постепенность и весьма стройная система. Академія видимо подвинулась впередъ, заимствовалась многимъ отъ заведеній новыхъ, расширяла кругъ изучаемыхъ предметовъ, давала имъ новую, лучшую постановку, обзаводилась новыми руководствами и учебными пособіями. Русскій языкъ завоевалъ себѣ право гражданства въ преподаваніи многихъ предметовъ и исключеніе составляли, кромѣ языковъ, только богословіе, философія и риторика, читавшіяся на латинскомъ языкѣ. Предметы изученія дѣлились па главные и второстепенные, обязательные и необязательные; къ послѣднимъ принадлежали языки новые со включеніемъ польскаго, но для изученія всѣхъ языковъ, кромѣ еврейскаго, существовали особые практическіе классы, для упражненія въ разговорахъ. Изученіе главныхъ предметовъ и языковъ, особливо древнихъ, вызывало поражающую массу письменныхъ работъ: оккупацій, экзерцицій, переводовъ, извлеченій, имитацій и самостоятельныхъ сочиненій, но кромѣ ихъ существовалъ цѣлый рядъ словесныхъ, изустныхъ упражненій, начиная отъ вокабулъ и фразъ и кончая классными публичными декляманіями подражаній, рѣчей, стиховъ, разсужденій и проповѣдей и славными въ то время диспутами. На этихъ занятіяхъ сосредоточивалась вся умственная работа школы, дрессировавшая мысль, и даръ слова, и дикцію.

Мы не коснемся „образа ученія", частнѣйшаго содержанія наукъ, обзора руководствъ и учебныхъ пособій, о которыхъ съ такою подробностію трактуетъ Иринеево „Описаніе академіи", дѣлающее честь его ясному систематическому уму; но не можемъ

не упомянуть о той массѣ труда, какая требовалась отъ учащихся, а слѣд. и учащихъ въ то время. Уроки начинались тогда съ 6-ти часовъ утра и кончались въ 6-ть часовъ вечера, съ промежуткомъ отъ 11-ти и до 2-хъ часовъ по полудни, который давался на обѣдъ и приготовленіе послѣ обѣденныхъ уроковъ. Уроки были часовые, но ихъ было 9-ть, не считая домашнихъ работъ. Одно существованіе необязательныхъ предметовъ, впрочемъ весьма не многихъ, могло облегчать эту непомѣрно продолжительную и тягостную работу. Только въ „русской школѣ" ежедневныя занятія продолжались всего 6-ть часовъ. Тамъ учили чтенію и письму, катихизису, свящ. исторіи и церковному уставу,—учили тѣхъ, которые не посягали на высшую премудрость и почему-либо признавались неспособными къ изученію другихъ предметовъ и языковъ. Пѣнію обучались ученики русской школы въ классѣ ирмолойнаго пѣнія вмѣстѣ съ тѣми учениками, которые не изучили этого предмета до поступленія учениковъ въ латинскій классъ. Особаго курса для этой школы не полагалось, а учились, пока не выучатся. Послѣдняго принципа держались и въ другихъ классахъ, хотя тамъ полагались опредѣленные уже курсы. Такъ въ латинскихъ, грамматическихъ. поэтическихъ, ариѳметическихъ, историческихъ и географическихъ классахъ и въ нижнемъ математическомъ ученикъ долженъ былъ пробыть одинъ годъ; въ риторическомъ, въ высшемъ чистомъ математическомъ два года и въ смѣшенномъ математическомъ классахъ три года; въ классѣ высшаго краснорѣчія пять лѣтъ, въ философіи два года, въ богословіи три года. Говоря яснѣе, каждый учащійся столько времени долженъ былъ слушать курсъ извѣстнаго предмета, но многіе курсы шли параллельно. Въ нижнихъ классахъ нѣмецкаго, французскаго и греческаго языковъ слушали по одному году; а въ высшемъ классѣ этихъ-же языковъ, равно въ классахъ еврейскаго и польскаго языка, опредѣленнаго срока не полагалось, а учились, „пока кто достигнетъ надлежащаго изученія онымъ". Ученіе обыкновенно всегда начиналось 1-го сентября и продолжалось по 15-е іюля. Экзамены были ежемѣсячные и кромѣ того экзаменъ главный по окончаніи года. Мудрая старина ухитрялась производить первые экзамены въ теченіи одного дня, употребляя на то шесть часовъ, а экзаменъ годичный въ теченіи двухъ недѣль. Своего рода экзаменами были ежесубботныя

чтенія лучшими учениками богословія и философіи собственныхъ ихъ рѣчей и диссертацій, а также диспуты, бывавшіе въ неопредѣленные сроки. Всѣ вообще испытанія производились въ общемъ собраніи всѣхъ начальствующихъ, учащихъ и учащихся. Испытывали каждаго ученика, хотя вѣроятно не по каждому предмету; испытывали учителя другихъ классовъ, а не тѣ, что преподавали. На экзаменѣ годичномъ письменныя упражненія предшествовали устнымъ отвѣтамъ. Наградъ, по недостатку денежныхъ средствъ, не полагалось никакихъ, а только „успѣвающіе въ публикѣ бывали похваляемы, а лѣнивцы терпѣли выговоръ“.

На содержаніе заведенія, такъ обширнаго по числу изучаемыхъ предметовъ и количеству учащихся, отпускалось изъ государственнаго казначейства всего 12,000 р., изъ которыхъ одна треть расходовалась на содержаніе всего наличнаго состава служащихъ, другая на больницу и лекарства, на содержаніе и ремонтъ зданій и библіотеку, а третья на содержаніе академическихъ питомцевъ, помѣщавшихся въ сиротскомъ домѣ, или бурсѣ, и присылаемыхъ по синодальнымъ указамъ для образованія воспитанниковъ другихъ семинарій.

Помѣщеніе академіи было до крайности бѣдно, тѣсно и въ добавокъ разбросано: на дворѣ братскаго монастыря нынѣшній такъ называемый старый академическій корпусъ, имѣвшій 8 аудиторій, залу и церковь; особый домикъ изъ 3-хъ комнатъ, гдѣ теперь больница, для правленія; другой въ 2 этажа, гдѣ нынѣ теплая церковь, для библіотеки и трапезы, и нѣсколько деревянныхъ построекъ, въ которыхъ помѣщались префектъ академіи и свѣтскіе учителя; чрезъ дорогу отсюда конюшенный дворъ и въ сосѣдствѣ съ нимъ больница, а на берегу Днѣпра одноэтажный каменный, такъ называемый сиротскій домъ; въ немъ тѣснилась наибольшая часть бѣдныхъ учениковъ, содержавшихся на казенный счетъ, остальные помѣщались въ приходскихъ домахъ при церквахъ притиско-никольской, васильевской (на житнемъ базарѣ, теперь не существующей) и воздвиженской, а также въ частныхъ домахъ. Ректоръ академіи помѣщался въ своемъ никольскомъ монастырѣ, нѣсколько учителей и монаховъ въ лаврѣ. Надзоръ за ученіемъ и поведеніемъ, а также и содержаніемъ учениковъ, былъ до крайности затрудненъ. Этимъ и объясняется та крайняя заботливость объ нихъ

и скрупулезная регламентація, которая проходитъ по всей, оставленной намъ Иринеемъ, суперъ-интендентской инструкціи, а также особой инспекторской инструкціи. Надзоръ раздробленъ между инспекторами, директорами и сеніорами, сосредоточиваясь въ лицѣ суперъ-интендента и правленія академіи, но онъ доходитъ до заботы о бумагѣ и книгахъ, пищѣ и одеждѣ и условливается массою вѣдомостей, списковъ, репортовъ, письменныхъ и словесныхъ докладовъ. Инструкція направлена главнымъ образомъ не къ улавливанію и выслѣживанію небрежныхъ и шаловливыхъ учениковъ, а къ тому, чтобы помочь имъ, поддержать и оградить отъ обидъ и злоупотребленій. Достойна особаго вниманія забота инструкціи о поддержаніи хоровъ и академическаго оркестра, а также тѣхъ учениковъ, которые, не пользуясь казеннымъ содержаніемъ, не имѣютъ пищи, одежды или обуви. При скудости казенныхъ средствъ, при всеобщей почти бѣдности учащихся, въ огромной массѣ ихъ шла усиленная, но мирная, регулируемая заведеніемъ борьба за существованіе, выражавшаяся въ подачѣ *упражненій* не только *de loco*, но *de calceis* и *de pane*. И рядомъ съ этимъ изо дня въ день, съ утра до ночи шла неустанная, горячая работа надъ изученіемъ науки, работа, о которой мы, привыкшіе къ удобствамъ, потомки и понятія составить себѣ не можемъ. И надъ всею этою копошней, надъ этой муравьиной работой тысячной массы царитъ всѣхъ одушевляющая и увлекающая мысль Иринея, отдавшаго наукѣ жизнь свою отъ дней юности. Его любятъ, имъ восхищаются и увлекаются, ему подражаютъ во всемъ: въ неустанномъ трудѣ, бойкой и одушевленной дикціи, даже почеркѣ письма, поразительно правильномъ и изящномъ,—подражаютъ въ этомъ послѣднемъ такъ успѣшно, что иногда невозможно отличить письма Иринея отъ почерка иныхъ изъ его учениковъ [1]).

Понятно, какимъ ударомъ для академіи было неожиданное увольненіе Иринея отъ должности ректора и профессора богословія.

---

[1]) Въ «Актахъ кіево-братскаго училищнаго монастыря и академіи» сохранилось не мало документовъ и подписей съ видимой поддѣлкой подъ почеркъ Иринея, и эти-то поддѣлки нерѣдко вводятъ изслѣдователей въ ошибки, заставляя считать ту или другую рукопись за автографъ Иринея, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она писана вовсе не имъ. Укажемъ изъ многихъ другихъ хоть на В. Аскоченскаго («Кіевъ», II. 423), по недоразумѣнію считающаго автографомъ Иринея упомянутое нами «Описаніе кіевской академіи».

Время его пребыванія въ академіи и кратковременнаго управленія ею было послѣднею свѣтлою страницею въ ея прежней исторической жизни, послѣдней яркой вспышкой свѣточа науки. Академія перешла теперь на руки малоспособныхъ и просто бездарныхъ Іоакинфовъ, Мелетіевъ и Авксентіевъ, и глубоко пала прежде, чѣмъ наступило превращеніе ея въ высшее сословное заведеніе. Памятный академіи Ириней, повидимому, добровольно удалился въ пустынно-никольскую обитель... Послѣдуемъ и мы за нимъ въ его скромную иноческую келію.

VII.

Пусть смертные къ земнымъ владыкамъ прибѣгаютъ,
Пусть счастія отъ нихъ и защищенья чаютъ;
Я, въ удаленіи всегда живя отъ нихъ,
Пріемлю все отъ рукъ, о Боже мой, Твоихъ! [1]).

Если-бы кто могъ проникнуть въ душу Иринея въ то время, когда онъ оставлялъ свою любимую и горячо его любившую академію, онъ прочелъ-бы въ его сердцѣ не иныя, какъ только эти, раньше этого времени написанныя имъ строки. Удаленіе его было во всякомъ случаѣ недобровольное. Оно отразилось на ближайшей его дѣятельности. Если-бы вѣрить искренности тѣхъ мотивовъ, которыми Ириней обставилъ свое увольненіе отъ ректорской и преподавательской должностей, можно было-бы думать, что съ оставленіемъ академіи онъ исключительно займется выполненіемъ возложеннаго на него св. синодомъ порученія. Но наши рукописи ничего не говорятъ въ пользу этого, вполнѣ законнаго и вѣроятнаго предположенія. Въ одной только изъ нихъ сохранилось начало толкованія на книгу Іова [2]) такого-же характера, какъ и толкованія на извѣстныя уже посланія св. ап. Павла. Другихъ трудовъ его въ области экзегетики, если только они были, время не сохранило. На основаніи имѣющихся у насъ подъ руками *первоисточниковъ*,

---

[1]) См. рукоп. кіево-соф. соб. № 489, іеромонаха Иринея Фальковскаго «Стихи россійскіе» изъ предложенія: *отъ лица Твоего судьба моя изыдетъ.*
[2]) См. № 68 (приложеніе къ рукописи XIX. V).

мы даже имѣемъ полное право сказать, что насколько прежде Ириней былъ исключительно труженикомъ науки и только отчасти аскетомъ, настолько, по оставленіи академіи, онъ сдѣлался исключительно аскетомъ и только отчасти труженикомъ науки. Почему такъ? Съ нимъ случилось нѣчто подобное тому, что бываетъ съ людьми, испытавшими неудачу въ любви. Любовь загнала было Основьяненка въ монастырь, какъ откровенно сознался онъ въ томъ въ одномъ изъ писемъ къ М. А. Максимовичу [1]). И мало-ли такихъ примѣровъ. Большинство такихъ неудачниковъ навсегда остаются въ монастырѣ и становятся дѣйствительными аскетами, хотя первоначальный толчекъ къ такой жизни вовсе не аскетическаго свойства. Ириней въ свою очередь былъ влюбленъ... въ науку, въ академію, и эта любовь доходила въ немъ до страсти, составляла стихію его жизни. Теперь онъ потерпѣлъ ударъ, и одна сторона его организма была парализована на долго, если не навсегда, продолжалъ-же онъ жить другой стороной,—тѣми стремленіями, которыя вызваны въ немъ домашнимъ воспитаніемъ, средой и преобладающимъ въ ней духомъ времени. Вообще-же жизнь его была надломлена; онъ выбитъ былъ изъ колеи и не могъ идти прежней ровной дорогой. Все, что ни начиналъ теперь Ириней, валилось у него такъ сказать изъ рукъ. Многое затѣвалъ онъ въ монастырскомъ уединеніи для дѣла науки, на пользу юношеству и обществу, и рѣдко что оканчивалъ: иное задумывалось въ широкихъ размѣрахъ, а кончалось почти ничѣмъ. Порученныхъ ему отъ синода толкованій на посланія ап. Павла, какъ выше замѣчено, онъ не продолжалъ, хотя брался за это, какъ мы видѣли, съ увѣренностію кончить въ два года и этимъ именно мотивировалъ свое будто-бы добровольное увольненіе отъ академической службы. Предложеннаго ему отъ синода, вскорѣ по увольненіи, критическаго разбора на переведенную съ нѣмецкаго языка и только что изданную въ Петербургѣ книгу: *Пастырское богословіе*—не докончилъ и только уже въ 1811 г., предъ вторымъ изданіемъ этой книги, по новому требованію, послалъ свой о ней отзывъ, принятый синодомъ [2]). Отъ задуманнаго имъ обширнаго историческаго труда, подъ заглавіемъ: *Полнѣйшее историческое*

---

[1]) См. іюн. кн. «Кіев. Старины» на 1883 г., стр. 347.

[2]) Рукоп. кіево-соф. соб. № 265.

извѣстіе о древней и новой кіевской іерархіи, осталось одно только введеніе (1—90 стр.): „О состояніи Кіева прежде воспріятія вѣры христіанской“ и планъ, показывающій, что это изслѣдованіе онъ хотѣлъ закончить XIX вѣкомъ [1]). Отъ другаго, еще болѣе обширнаго сочиненія: „*Лѣтопись о іерархіи россійской*“ [2]) (1810 г.), сохранились одни только приготовленія къ лѣтописи, если не считать позже составленнаго имъ „*Описанія златоверхаго кіево-михайловскаго монастыря*“, въ дополненіе къ IV части „Исторіи россійской іерархіи“, арх. Амвросія. Начатый, по всему вѣроятію, въ это-же время и также компилятивнаго характера „*Мартирологъ или Мученикословіе*“ [3]) также не оконченъ, по крайней мѣрѣ въ нашихъ рукописяхъ сохранилась только первая часть его, содержащая въ себѣ первые три мѣсяца. Оконченъ, хотя и неизвѣстно, когда именно, другой такого-же объема и характера трудъ, именно: „*Сокращенный прологъ*“ или „*Краткій церковный прологъ*“ въ 4 томахъ—по три мѣсяца въ каждомъ [4]), напечатанный только въ 1876 г. въ типографіи кіево-печерской лавры, равно „*Сокращеніе и толкованіе находящихся во 2 части Кормчей книги церковныхъ правилъ о степеняхъ родства*“, напечатанное въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“ за 1876 г., а затѣмъ и отдѣльною брошюрою. Не въ силахъ будучи справиться съ большими трудами, для которыхъ требовалось болѣе спокойное состояніе духа, Ириней, по многолѣтней привычкѣ къ научнымъ занятіямъ, принимался, и кажется съ бо́льшимъ успѣхомъ, за малыя работы: писалъ критическія замѣчанія на нѣкоторыя мѣста книги Эккартсгаузена: „*Наставленіе мудраго къ испытанному другу*“ [5]), а также на нѣкоторыя мѣста статей „*Сіонскаго Вѣстника*“ за 1806 г. [6]), перевелъ съ латинскаго „*Слово увѣщательное къ Ѳеодору падшему второе*, св. Іоанна Златоуста [7]), и съ славяно-польскаго „*Духовныя бесѣды (50) пр.*

---

[1]) Рукоп. кіево-соф. соб. № 163.

[2]) Рукоп. кіево-соф. соб. XVI (она-же и № 358).

[3]) Рукоп. кіево-соф. соб. № 136.

[4]) Рукоп. кіево-соф. соб. № 135.

[5]) См. рукоп. кіево-соф. соб. № 275.

[6]) См. рукоп. кіево-соф. № 754.

[7]) Рукоп. кіево-михайл. мон. № 79 (при первомъ печатномъ словѣ Іоанна Златоуста къ Ѳеодору падшему).

Макарія египетскаго о совершенствѣ христіанъ православныхъ" [1]), написалъ „*Новое краткое руководство къ ариѳметикѣ* и нѣсколько разъ исправлялъ и дополнялъ свое любимое „Compendium" богословія.

Какъ видно по всему, ученые труды не составляли, какъ прежде, жизненной стихіи Иринея; онъ отдавался имъ по временамъ, урывками, въ силу привычки или воспоминаній, а быть можетъ и изъ желанія напомнить о себѣ. Крупная катастрофа въ жизни давила его, какъ и всякаго въ его положеніи, и понятно, что въ такомъ состояніи онъ съ большею, чѣмъ прежде силою отдавался не непривычной затворнической жизни. Ни на минуту почти не оставлялъ своей келіи, все время проводилъ въ строгомъ уединеніи, выполняя монашеское *правило* и добровольно возложеныя на себя благочестивыя упражненія. Какъ въ давніе годы, и теперь Ириней начиналъ молитвою съ „доземными" поклонами свой день и оканчивалъ тѣмъ-же; проводилъ большую часть времени въ чтеніи священнаго писанія Ветхаго и Новаго Завѣтовъ, сочиненій св. отцевъ и прочихъ „душеспасительныхъ" книгъ, дѣлая собственноручныя помѣтки на нихъ, сколько разъ какая книга прочитана имъ и въ теченіе какого времени [2]) а прочитыванія эти, такъ характеризующія Иринея, считались рѣдко десятками, но большею частію нѣсколькими сотнями разъ. Остающіеся краткіе досуги онъ посвящалъ на текущія монастырскія дѣла, занимаясь въ тоже время списываніемъ и переписываніемъ не только своихъ собственныхъ сочиненій (нерѣдко по нѣсколько разъ), но и книгъ печатныхъ и рукописей чужихъ [3]).

Среди подобныхъ занятій засталъ Иринея высочайшій указъ отъ 31 янв. 1807 г. о посвященіи и нареченіи его во епископа чигиринскаго, викарія кіевской митрополіи, на мѣсто выбывшаго на полтавскую каѳедру викар. епископа Ѳеофана. 24 февр. 1807 г. въ софійскомъ соборѣ произведено и самое нареченіе [4]).

---

[1]) Рукоп. кіево-соф. соб. № 16.

[2]) Тамъ-же, № 620 въ концѣ.

[3]) Рукоп. кіево-соф. соб. №№ 11, 1. 142, 354, 255, 545, 555 и кіево-мих. мон. № 738 и 1750. Иныя рукописи до 300 и 400 листовъ.

[4]) Архивъ кіево-мих. мон. оп. № 1, § 1, дѣло № 2.

Кому обязанъ былъ Ириней перемѣною своего положенія, на это мы не имѣемъ никакихъ указаній въ безчисленной грудѣ оставшихся отъ него рукописей; въ нихъ есть все, кромѣ писемъ, а они одни могли быть дать намъ понятіе о его отношеніяхъ и открыть обыкновенныя человѣческія стороны его жизни. Мы видимъ его или ученымъ, или аскетомъ, и рѣдко гдѣ можно подмѣтить въ немъ черты обыкновеннаго человѣка. Извѣстный уже намъ образъ жизни и занятій Иринея дастъ основаніе заключать, что у него не было времени для обыкновенныхъ отношеній, что онъ чуждался ихъ, былъ нелюдимъ, жилъ просто невидимкой и ничего, кромѣ книги и молитвы, не зналъ. Объ немъ, значитъ, вспомнили другіе, всего вѣроятнѣе тотъ-же митр. Серапіонъ, съ назначеніемъ котораго связано было увольненіе Иринея,—вспомнили, конечно, потому, что опросталось подъ бокомъ подходящее мѣсто и нуженъ былъ подходящій, свой человѣкъ. Но Ириней самъ зналъ себѣ цѣну, и ново-созданное, во всемъ зависимое и, по видимому, безцѣльное положеніе викарія не могло ни удовлетворить, ни тѣмъ болѣе плѣнить его. Онъ любилъ трудъ, но трудъ свободный, любилъ дѣятельность—широкую, кипучую, но самостоятельную и независимую. Ничего подобнаго не представляло ему новое его званіе. Неразлучныя съ нимъ чествованія могли даже претить его трезвому взгляду, а удобно обставленная и обезпеченная жизнь не прельщала его, который отъ дѣтства не зналъ ничего, кромѣ нужды и лишенія, питался и теперь кашицею, а булку считалъ лакомствомъ. Не удивительно поэтому, что, ставъ епископомъ, Ириней нисколько не измѣнилъ своего прежняго образа жизни и что отъ пятилѣтняго его пребыванія въ должности викарія не осталось никакихъ памятниковъ его дѣятельности, кромѣ проповѣдей и нѣкоторыхъ научныхъ трудовъ, то вновь начатыхъ, то продолженныхъ. Неопредѣленность его служебнаго положенія не могла не тяготить его, а однообразная жизнь между книгой и молитвой и разными аскетическими упражненіями держала его въ той сферѣ представленій, которая мало граничитъ съ жизнію и способна напоминать человѣку лишь *о часѣ смертномъ*. Это высшее состояніе христіанина—аскета имѣетъ свои тревоги. Послѣ минутъ самозабвенія, духовнаго упоенія наступаютъ часы утомленія и ослабленія, духовной тоски, недовольства всѣмъ окружающимъ, желанія уйти отъ міра,

закрыться въ самомъ себѣ. Одностороннее направленіе развивается само изъ себя, силою собственнаго теченія; въ Иринеѣ оно поддерживалось недугами физическими,—послѣдствіями всей его прежней и нынѣшней замкнутой жизни. Отъ сидячей жизни, упорной мозговой работы и скуднаго питанія онъ чувствовалъ упадокъ силъ, испытывалъ сильныя головныя боли, простуживался легко. Осень и зиму 1810 г. пришлось пролежать въ постели; „продолжительная болѣзнь привела ему на память близкость кончины"... Ириней возобновилъ бывшій прежде въ его мысляхъ обѣтъ предъ Богомъ— „для вящшаго споспѣшествованія своему душевному спасенію принять образъ большаго иноческаго житія", и 26 апрѣля 1811 г. отправилъ прошеніе въ синодъ, которымъ просилъ уволить его отъ должности викарія и дозволить постричься въ схиму въ принадлежащей кіево-печерской лаврѣ китаевской пустыни [1]).

Люди живые иначе судили объ этомъ заживо погребшемъ себя даровитомъ человѣкѣ, но съ испорченною карьерою, и какъ-бы въ отвѣтъ на его просьбу, спустя три дня послѣ отправки оной, вручили ему высочайше пожалованный для него 16 апрѣля орденъ св. Анны 1-й ст. [2]). Горькая иронія жизни надъ мыслію о смерти! Случившаяся неожиданность взволновала эксцентричнаго Иринея и онъ не принялъ пожалованнаго ему ордена, не открылъ футляра, въ которомъ онъ ему доставленъ и не смотря на убѣжденія и настоянія митрополита, никогда не возлагалъ его на себя даже въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ [3]). Объ обѣтѣ Ириней забылъ и просьбы о схимѣ до конца жизни не возобновлялъ, а въ Кіевѣ въ званіи викарія пробылъ еще около году.

19 февраля 1812 г. пр. Ириней былъ назначенъ самостоятельнымъ епископомъ въ Смоленскъ, и 14 апрѣля того-же года привѣтствовалъ новую паству свою словами Апостола: „радуйтеся всегда о Господѣ: и паки реку, радуйтеся" [4])...

---

[1]) Приложеніе къ рукописи кіево-соф. соб. XIX. 1.

[2]) Приложеніе къ рукописи кіево-соф. соб. XIX. 1. «Желая удостовѣрить васъ, сказано въ рескриптѣ, сколько я уважаю служеніе ваше по званію архипастыря и труды по ученой части, всемилостивѣйше» и проч.

[3]) Дневн. митр. Серапіона подъ 29 апр. и 10 мая 1811 г.

[4]) Архивъ кіево-мих. мон. Оп. № 1, дѣло № 2; рукоп. проф. П. И. Щеголева «Слово привѣтственное къ богоспасаемойсмоленскія епархіи паствѣ».

Спустя два мѣсяца открылась великая отечественная война: 600-тысячная армія Наполеона вступила въ предѣлы Россіи; новая паства Иринея стала вскорѣ театромъ войны, а его резиденція приняла на себя первый натискъ вражескихъ силъ и пала жертвой за спасеніе Россіи. 9 іюля былъ въ Смоленскѣ императоръ Александръ, 21-го того-же мѣсяца соединились подъ Смоленскомъ обѣ наши арміи, а 4-го августа 200-тысячный отрядъ арміи Наполеона и самъ онъ сдѣлали первый приступъ на Смоленскъ. Положеніе владыки Иринея въ эту трудную для всѣхъ пору видно отчасти изъ того рескрипта, который имп. Александръ выдалъ на его имя, оставляя Смоленскъ. „Узнавъ", говорилось въ этомъ рескриптѣ, „что нѣкоторые поселяне и жители, оставляя поля и работы свои, скрываются и бѣгутъ отъ малочисленныхъ непріятельскихъ разъѣздовъ, появляющихся въ далекомъ еще разстояніи отъ Смоленска, возлагаемъ мы на васъ пастырскій долгъ: внушеніями и увѣщаніями своими ободрять ихъ, и не токмо отвращать отъ страха и побѣга, но напротивъ убѣждать, какъ того требуетъ долгъ и вѣра христіанская, чтобы они, совокупляясь вмѣстѣ, старались вооружаться, чѣмъ только могутъ, дабы, не давая никакого пристанища врагамъ, вездѣ и повсюду истребляли ихъ, и вмѣсто робости наносили имъ самимъ великій вредъ и ужасъ" [1]. Слова рескрипта служили частнѣйшимъ примѣненіемъ высказанныхъ въ манифестѣ 6-го іюля началъ о всеобщемъ вооруженіи страны. Сколько по собственному побужденію, столько-же и во исполненіе высочайшаго порученія, Ириней съ 10-го іюля открылъ цѣлый рядъ „увѣщательныхъ рѣчей къ смоленской паствѣ", имѣвшихъ цѣлію возбудить и поднять въ слабыхъ духъ патріотизма. Онъ проповѣдывалъ *непремѣнно во время каждаго богослуженія*, увѣщевалъ всѣхъ и каждаго „потщиться на брань, всякими удобовозможными средствами весь градъ и всю принадлежащую ему область мужественно вооружать..., ободрять себя, и укрѣплять, и наставлять на предлежащіе нынѣ великіе и достославные подвиги, каковыхъ защита отечества нашего, а съ нимъ купно и защищеніе самихъ домовъ, и женъ, и дѣтей нашихъ, да и всего вообще, каждому изъ насъ собственно принадлежащаго, необходимо отъ насъ требуетъ...,

[1]) Рукоп. кіево-соф. соб. № 582.

дабы противные наши изъ самой неустрашимости и готовности нашей могли уразумѣть, что самъ Господь нашъ крѣпость людемъ своимъ дастъ, и благословитъ люди своя миромъ“ [1]). Какъ показываютъ сдѣланныя изъ проповѣдей Иринея выдержки, онъ необладалъ ни силою одушевленія, ни особымъ даромъ пламенной рѣчи, чтобы поднять высоко духъ паствы; его логически-построенные доводы едва-ли производили на кого особенно сильное дѣйствіе; но сама жизнь сильнѣе всякаго слова говорила теперь, что надо дѣлать и какъ поступать.

ПокаИриней одушевлялъ и ободрялъ смольянъ, непріятель все ближе придвигался къ городу. 4-го августа отбитъ былъ первый приступъ къ Смоленску отрядомъ Раевскаго. Архипастырь Ириней не оставлялъ ввѣреннаго ему *словеснаго стада*; но въ тотъже день получивъ приказаніе высшаго начальства, удалился отъ Смоленска за 30 верстъ и здѣсь ожидалъ чудотворную икону Смоленской Божіей Матери Одигитріи [2]). 5-го августа было роковымъ днемъ для Смоленска. Церкви, дома, башни—все, что могло горѣть, запылало отъ кучи ядеръ и гранатъ, полетѣвшихъ въ городъ изъ 150 непріятельскихъ орудій. Три дня длилась ожесточенная битва, три дня не затворялись церкви, служители алтарей Божіихъ совершали непрестанныя моленія среди дыма, пламени, при неумолкаемомъ громѣ пушекъ, метавшихъ гибель и смерть. Пылали колокольни и церкви; но всенощное бдѣніе на канунѣ праздника Преображенія Господня не прерывалось. Въ сумерки изъ благовѣщенской церкви, а потомъ и изъ самаго города вынесли чудотворный образъ Смоленской Божіей Матери. Встрѣченная Иринеемъ святая икона отнесена имъ, при громадномъ стеченіи народа, въ Москву, и поставлена здѣсь въ церкви св. Василія Неокесарійскаго, что на Тверской ямской улицѣ [3]), самъ-же Ириней отправился въ Ярославль, гдѣ ему назначено было пребываніе до окончанія военныхъ дѣйствій въ районѣ смоленской губерніи. Тѣмъ и ограничилась его второстепенная, болѣе страдательная роль въ эту тяжкую для Россіи годину.

---

[1]) Рукоп. проф. Щеголева: «Краткія слова 1812 г.»

[2]) «Чтенія моск. общ. ист. и древн.», 1869 г., кн. III, стр. 375.

[3]) «Русскій Архивъ», 1875 г., кн. III, стр. 171.

Не радостнымъ оказалось начало самостоятельной службы его въ санѣ епископа. Не успѣлъ онъ ознакомиться съ новою паствою, не успѣлъ что-либо сдѣлать для нея, какъ долженъ былъ оставить ее на довольно продолжительное время. Съ сентября и до конца почти ноября онъ пробылъ въ Ярославлѣ, сказалъ здѣсь шесть „краткихъ словъ", а 20 декабря прибылъ въ совершенно разоренный и опустошенный Смоленскъ [1]). Здѣсь онъ засталъ синодальнаго члена, рязанскаго архіепископа Ѳеофилакта Русанова, которому поручено было св. синодомъ приведеніе въ надлежащее устройство тѣхъ епархій (кромѣ московской), которыя были заняты непріятелемъ... съ полномочіемъ „дѣйствовать по своему благоразсужденію, дабы отвратить медленность переписокъ епархіальныхъ архіереевъ съ высшимъ начальствомъ" [2]). Опустошительная война вызвала громадную массу дѣлъ по возстановленію разоренныхъ церквей, замѣщенію приходовъ, воспособленію пострадавшему духовенству и т. под. Въ добавокъ пр. Иринею поручено было временное управленіе могилевскою епархіею, которой епископъ Варлаамъ Шишацкій былъ удаленъ за принесеніе присяги на вѣрность Наполеону. Громадное производство было утомительно даже для безпримѣрнаго трудолюбія Иринея и не подъ силу его плохому здоровью, ослабленному тревогами войны и продолжительнымъ скитальчествомъ. Десятки годовъ провелъ онъ въ тиши кабинета, не зная никого и ничего, кромѣ книги, а тутъ жизнь приводила его въ непрерывныя столкновенія, требовала совсѣмъ иныхъ знаній и крайняго напряженія. Присутствіе синодальнаго члена, въ качествѣ наблюдателя и руководителя, не могло не стѣснять Иринея, тѣмъ болѣе, что Ѳеофилактъ Русановъ извѣстенъ былъ своимъ высокомѣріемъ и широко пользовался предоставленнымъ ему правомъ поступать по своему благоразсужденію. Почувствовавъ себя въ роли ревизора и контролера, Ѳеофилактъ внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что происходило въ епархіи и забрасывалъ Иринея своими предложеніями. По поводу ихъ Ириней своеручно писалъ отвѣты и распоряженія. „Читая ихъ, говоритъ архіеп. Антоній Амфитеатровъ, нельзя не-

---

[1]) Ркп. кіев.-соф. соб., № 620; см. также № 582.

[2]) Ркп. кіев.-соф. соб., № 620.

удивляться ясности ума, занію нуждъ епархіи и благонамѣренности архипастыря [1]).

Въ ясности ума Иринея, конечно, не можетъ быть сомнѣнія, какъ и въ его благонамѣренности, но знаніе нуждъ епархій, послѣ 4-хъ мѣсячнаго въ ней пребыванія, приписано ему совершенно излишне. Въ распоряженіяхъ Иринея скорѣе могъ сказаться человѣкъ не только новый, но и не видящій ничего изъ-за груды своихъ книгъ. Нельзя также согласиться съ мнѣніемъ покойнаго архіепископа Антонія и о томъ, что всѣ предложенія синодальнаго члена Ириней принималъ „съ неограниченною кротостію". Раньше мы видѣли (припомните, читатель, письмо Иринея къ митрополиту Іероѳею) и послѣ увидимъ, что подъ формою смиренія, покорности и долга Ириней высказывалъ иногда весьма непріятныя и слишкомъ смѣлыя сужденія, показывающія не только его прямоту, стойкость, но и то, что онъ по своему умѣлъ выдерживать свое достоинство. Такъ случилось и въ отношеніяхъ его съ Ѳеофилактомъ Русановымъ, которыя окончились полнымъ разрывомъ между этими двумя іерархами. Въ предложеніяхъ синодальнаго члена, въ видѣ братскихъ совѣтовъ и вѣжливыхъ указаній, обнаружено не мало правды относительно недостатковъ Иринея въ управленіи смоленскою епархіею; но иное въ нихъ было не точно, иное преувеличено и это давало Иринею поводъ не только оправдывать себя въ глазахъ своего приставника, но и язвить обидой за обиду. Въ одной изъ рукописей кіево-софійскаго собора сохранились два интересные документа, прекрасно рисующіе натянутыя отношенія обоихъ іерарховъ, ихъ характеры и отчасти управленіе Иринея смоленскою епархіею. Это копія съ послѣдняго письма Ѳеофилакта Русанова къ преосв. Иринею и копія-же съ отвѣта на него послѣдняго [2]), послѣ чего преосв. Ириней съ горькимъ чувствомъ оставилъ Смоленскъ и попросился снова въ Кіевъ. Приводимъ и письмо и отвѣтъ.

Преосвященнѣйшій владыко!

Любезный братъ о Христѣ!

„На основаніи даннаго мнѣ высочайшаго рескрипта въ 27 день ноября минувшаго (1812) года о приведеніи смоленской епар-

[1]) «Историко-статист. опис. смол. епархіи», стр. 142.

[2]) Рукоп кіев.-соф. соб , № 620, стр. 95—97.

хіи въ надлежащее устройство по всѣмъ ея частямъ, я забиралъ справки изъ смоленской консисторіи по нѣкоторымъ статьямъ и по разсмотреніи оныхъ долгомъ поставляю передать вашему преосвященству на усмотрѣніе слѣдующіе недостатки вашего правленія епархіею.

„1) Здѣшняго дѣвичьяго монастыря игуменья еще въ декабрѣ мѣсяцѣ прошлаго года лежала на одрѣ недвижима; а о болѣзни ея поступилъ къ вашему преосвященству рапортъ отъ благочиннаго 21 сего апрѣля, то есть, послѣ уже того, какъ я потребовалъ отъ консисторіи вышеозначенной справки. При нынѣшнихъ разстроенныхъ обстоятельствахъ сего монастыря и здоровой настоятельницѣ не легко править онымъ, а недужной и неключимой и вовся не возможно. Сіе могли ваше преосвященство знать и безъ рапорта благочиннаго, потому что оный монастырь находится почти передъ глазами.

„2) Поступившіе въ надворотную церковь доходы съ 1 генваря 1812 года по 24 апрѣля сего года простираются до 17,282 рублей 8 коп., а на лице нынѣ имѣется оной только 325 рублей 98¾ коп. А между тѣмъ крыша на сей церкви течетъ по всѣмъ почти швамъ желѣзныхъ листовъ; отведенныя для служащихъ при оной кельи остаются безъ печей, безъ рамъ и безъ дверей. При предмѣстникѣ вашемъ, преосвященнѣйшемъ архіепископѣ Серафимѣ, поступали въ сію церковь такіе-же доходы; но всей смоленской епархіи извѣстно, что его преосвященство на содержаніе и украшеніе оной едва-ли не вдвое больше употребилъ противъ того, что собиралось отъ богомольцевъ и христолюбивыхъ подаяній въ кружки. Я опасаюсь, чтобъ прекрасная церковь сія не пришла въ запустѣніе, а народъ не охладѣлъ и не сталъ-бы блазниться, зная, что доходы собираются не малые, а по церкви не видя никакихъ приращеній. Ваше преосвященство властны располагать доходами домовой церкви по своему усмотрѣнію; но братски совѣтую вамъ хоть третью часть оныхъ удѣлять на приличное содержаніе надворотной церкви и служащихъ при ней.

„3) Предмѣстникъ вашъ, преосвященнѣйшій архіепископъ Серафимъ, старался при многихъ церквахъ причты уменьшить; уменьшалъ также и число протопоповъ остановкою производства къ такимъ церквамъ, гдѣ по штату не слѣдуетъ быть протопопу. Ваше

преосвященство, въ отмѣну его резолюцій, при многихъ церквахъ снова размножили причты, а при нѣкоторыхъ рукоположили и въ протопопы; напримѣръ: каѳедральнаго собора ключаря Василія Соколова, котораго опредѣлили и благочиннымъ, не смотря на то, что благочинный обязанъ часто обозрѣвать ввѣренныя ему церкви, а ключарю, яко блюстителю соборной и архіерейской ризницы и казенныхъ суммъ, надобно безотлучно находиться при соборѣ. Сверхъ того, званіе благочиннаго ослабляетъ зависимость ключаря отъ каѳедральнаго протоіерея.

„4) Я рекомендовалъ вашему преосвященству никого изъ не разоренныхъ отъ непріятеля не производить и не опредѣлять на мѣсто, доколѣ не размѣстятся разоренные; однако-жъ нѣкоторыхъ вы произвели и опредѣлили.

„5) Можетъ быть до вашего еще вступленія на смоленскую каѳедру находились при одной и той-же церкви многіе благочинные, въ одномъ и томъ-же правленіи присутствовали одни только родственники. Напримѣръ: города Сычевокъ при соборной церкви находилось одинъ протопопъ и два священника въ проѣздъ мой чрезъ оный городъ, и всѣ трое они благочинными; въ Бѣльскомъ духовномъ правленіи два только присутствующихъ: по одинъ изъ нихъ дядя, другой племянникъ. Таковое распредѣленіе смотрителей за духовенствомъ и производящихъ судъ надъ онымъ можетъ произвести нареканіе на мѣстное епархское начальство; ибо о родствѣ въ духовномъ регламентѣ сказано, что и при церквахъ священникъ можетъ имѣть у себя не болѣе одного родственника, а ежели при какой церкви всѣ священники будутъ благочинными; то не можетъ быть тамъ настоящей подчиненности.—Изъ сего замѣчанія изъемлется одинъ протоіерей Васильевъ, потому что онъ причисленъ къ каѳедральному собору только до возобновленія Нижне-Николаевской церкви.

„6) Ставленническія дѣла и просьбы о позволеніи вступать въ браки, указами 1771 года ноября 14 дня и 1810 года февраля 17 дня, предоставлены непосредственному и личному разбирательству епархіальныхъ преосвященныхъ. Но всей смоленской епархіи извѣстно, что большая часть ставленниковъ имѣетъ счастіе видѣть ваше преосвященство только въ служеніяхъ, или когда произво-

дятся вами; а просьбы о позволеніи вступать въ браки разсматриваются консисторіею.

„7) Утверждаются вашимъ преосвященствомъ консисторскія опредѣленія, не всѣми еще присутствующими подписанныя. Это можетъ быть только въ случаѣ тяжкой болѣзни кого-нибудь изъ нихъ, или за отлучкою на долгое время. И тогда долженъ секретарь внизу опредѣленія означить, по какой именно причинѣ не подписался кто подъ онымъ.

„8) Не слѣдовало вашему преосвященству священника Солнцева производить въ протоіерея въ городъ Дорогобужъ, потому 1) что онъ при преосвященнѣйшемъ архіепископѣ Серафимѣ неоднократно былъ судимъ и штрафованъ; 2) имѣется за нимъ еще не рѣшенное дѣло; 3) неспособность свою быть присутствующимъ въ духовномъ правленіи доказалъ уже онъ и на самомъ дѣлѣ, что не безъизвѣстно смоленской консисторіи и самъ я замѣтилъ изъ непростительной Дорогобужскаго духовнаго правленія медленности въ исполненіи чинимыхъ оному предписаній.

„Ласкаю себя надеждою, что сіе отношеніе будетъ принято съ таковымъ-же расположеніемъ къ общему добру, съ каковымъ оно писано, и что ваше преосвященство не оставите меня безъ надлежащаго отзыва.

„Одолжаюсь быть навсегда“ и т. д.

(Слѣдуетъ подпись).

1813 года, 28 апрѣля.

На основаніи не многихъ архивныхъ бумагъ смоленской епархіи, вѣроятно случайно вывезенныхъ преосв. Иринеемъ изъ Смоленска и хранящихся въ архивѣ кіево-михайловскаго монастыря, мы можемъ сказать нѣсколько словъ въ оправданіе Иринея по *шестому* пункту письму Ѳеофилакта. Такъ, въ „докладномъ реестрѣ“ на 1813 годъ находится цѣлый рядъ резолюцій преосв. Иринея на прошенія ставленниковъ о дозволеніи вступленія въ законный бракъ и нѣсколько резолюцій, направленныхъ противъ страннаго обычая, по которому не женихъ подавалъ это прошеніе, а сама невѣста и при томъ отъ своего-же имени. Равнымъ образомъ, и что касается собственно *ставленническихъ дѣлъ*, то они не только *лично и непосредственно разсматривались самимъ*

преосв. Иринеемъ, но и разсматривались съ замѣчательною тщательностію и осторожностію. Объ остальномъ скажетъ слѣдующій отвѣтъ Иринея на приведенное выше письмо.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко!

милостивый о господѣ отецъ и сослужитель!

„Пріемля все, прописанное въ отношеніи вашего высокопреосвященства ко мнѣ отъ 28 апрѣля за № 282 о недостаткахъ моего правленія смоленскою епархіею съ должнымъ благоговѣніемъ и полагая основаніемъ къ моему на оное отзыву главнѣйшія мои должности къ Богу и къ ближнему, а равно и къ проповѣдуемому мною, по непремѣнному моему обѣщанію, слову Божіему, долгомъ поставляю донесть вашему высокопреосвященству слѣдующее:

„1) Касательно недостатковъ моего правленія вообще, я самъ уже оные, въ отвращеніе излишнихъ вашихъ безпокойствъ и неблагопріятствующихъ общему сей епархіи добру народныхъ мнѣній, по особенному вашему милостивому на то дозволенію и словесному обѣщанію по моей просьбѣ употребить свое ходатайство, представлялъ въ собственноручномъ моемъ къ вашему высокопреосвященству отношеніи отъ 8 марта, при чемъ просилъ и о переведеніи меня изъ сей епархіи въ Полтавскую, по изъясненнымъ въ ономъ отношеніи причинамъ. Но отвѣта на оное даже до сего времени ни какого не удостоился получить.

„2) Какимъ образомъ тогда сознавалъ я вообще недостатки своего правленія и самихъ своихъ силъ: такъ и нынѣ сознаю все то добровольно, но не столько по вычисленію вашимъ высокопреосвященствомъ въ помянутомъ вашемъ отношеніи 8 особенныхъ недостатковъ моего правленія, сколько по слѣдующему не ложному слова Божія свидѣтельству: *Господь съ небесе приниче на сыны человѣческія, видѣти, аще есть разумѣваяй, или взыскаяй Бога. Вси уклонишася, вкупѣ неключими быша: нѣсть творяй благостыню, нѣсть до единаго.* (Псал. XIII, 2—3). И понеже сіе писанія свидѣтельство не одни моего правленія или житія недостатки, но и превеликіе недостатки всѣхъ вообще земныхъ правленій явно обличаетъ: то и явствуетъ, что если я за недостатки своего правленія обличаемъ быть долженъ, то и всѣ прочія земныя

правленія, а слѣдовательно и собственное ваше правленіе, за недостатки свои, съ таковымъ-же подробнымъ оныхъ вычисленіемъ, какъ то̀ и съ недостатками моего правленія учинено, обличаемо быть долженствовало-бъ, по симъ онаго слова Божія изрѣченіямъ: *имъ-же судомъ судите, судятъ вамъ, и въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ* (Матѳ. VII, 2).

„3) Понеже къ найлучшему успѣху въ исправленіи недостатковъ какого-нибудь правленія предлагается въ Законѣ Божіемъ слѣдующее единое только средство: *да не отступитъ книга закона сего отъ устъ твоихъ, и да поучаешися въ ней день и нощь, да уразумѣеши творити вся писанная; тогда благоуспѣеши и исправиши пути твоя, и тогда уразумѣеши* (Іис. Нав. 1, 8); то отсюда можете ваше высокопреосвященство ясно увидѣть, что я о исправленіи всякихъ важныхъ недостатковъ какъ собственнаго моего епархіею правленія, такъ и всѣхъ подчиненныхъ мнѣ духовныхъ правленій никакъ не оказываюся нерадящимъ: поелику изъ представленныхъ вашему высокопреосвященству чрезъ секретаря консисторіи декабря 1812 года говоренныхъ мною здѣсь въ томъ году 30 поучительныхъ словъ (которыя нынѣ прошу для собственнаго моего и другихъ пользованія обратно представить, ибо и я ваше поучительное печатное слово, говоренное 26 ноября 1812 года, врученное мнѣ тогда онымъ-же секретаремъ, нынѣ при семъ обратно въ цѣлости препровождаю), и вашему высокопреосвященству не безъ извѣстно сдѣлалось, сколько ревностно и неослабно я по сей самой главнѣйшей пастырскаго своего званія должности трудился да и доселѣ тружуся, хотя братолюбнаго таковыхъ трудовъ моихъ вашего высокопреосвященства слышать и не удостоился, а напротивъ слышалъ одни неблаговолительные объ оныхъ отзывы, что все предаю нелицепріятному суду Божію и всей святой Христовой церкви.

„4) Какъ вычисленные вашимъ высокопреосвященствомъ недостатки моего правленія происходятъ самою большею частію отъ недостатковъ подчиненныхъ мнѣ разныхъ по духовной части правленій: то касательно оныхъ долгомъ поставляю донесть вашему высокопреосвященству, что мнѣ не токмо всѣ оные по надлежащему исправить, но даже и увѣдать нѣкоторые изъ нихъ прежде свѣдѣнія объ нихъ вашего высокопреосвященства никакой не было воз-

можности. Причина сему для всякаго очевидна. Коль скоро увидѣла епархія, что ваше высокопреосвященство намѣрены *не только устроять епархію, но и судить и пересуживать всѣ епаршескія дѣла по собственному своему благоразсужденію и при томъ безъ всякой формы законовъ* (о немъ ни въ имянномъ высочайшемъ, ни въ синодальномъ указахъ ни мало не значится), то и обратились всѣ неблагопріятствующіе епаршескому правленію со всякаго рода донесеніями о мнимыхъ онаго правленія недостаткахъ къ вашему высокопреосвященству, и никто уже не сталъ почитать за должность доносить объ оныхъ по порядку первѣе самому мнѣ: что̀ и было причиною даже и незнанія моего о таковыхъ недостаткахъ въ то время, когда уже и вашему высокопреосвященству объ оныхъ извѣстно учинилося".

VIII.

Еще 13 марта 1813 г. Ириней, донимаемый синодальнымъ членомъ, просился у синода на полтавскую каѳедру. Теперь послѣ такого обмѣна язвительныхъ вѣжливостей, не ожидая для себя добра, онъ поспѣшилъ съ новою просьбою объ увольненіи его отъ смоленской каѳедры и переводѣ на прежнее мѣсто викарія кіевской митрополіи и вѣроятно принялъ особыя мѣры для успѣха своей просьбы, такъ какъ при возвращеніи его на прежнюю должность указомъ 28 іюля того-же года ему не только приданъ особый титулъ *коадъютора* кіевской митрополіи, но выдано 5,000 р. изъ остатковъ свѣчнаго дохода смоленской епархіи [1]). Въ августѣ Ириней былъ уже въ Кіевѣ и снова занялъ то мѣсто, которое такъ тяготило его прежде и довело его даже до *схимы*. Мы не нашли нигдѣ указа, или инструкціи, которая опредѣляла теперешнія отношенія Иринея къ митрополиту, но множество просмотрѣнныхъ нами бумагъ съ его резолюціями удостовѣряетъ насъ въ томъ, что положеніе его теперь было гораздо лучше. Пользуясь почетнымъ титуломъ *коадъютора*, для него одного придуманнымъ, онъ самостоятельно управлялъ своею чигиринскою паствою, заключавшеюся въ предѣлахъ чигиринскаго уѣзда, и лишь въ общецерковныхъ дѣ-

---

[1]) Архивъ кіево-мих. мон. Оп. № 1, § 1, дѣло № 2, см. рукоп. кіево-соф. соб., № 582.

лахъ сносился съ митрополитомъ за посредствомъ консисторіи. Какъ онъ смотрѣлъ на свое положеніе въ епархіи кіевскаго митрополита, видно изъ того, что когда однажды кіевская консисторія затребовала отъ него свѣдѣній объ имуществѣ михайловскаго монастыря, онъ поручилъ монастырскому управленію отвѣтить ей, что монастырь этотъ никогда не былъ въ непосредственномъ управленіи кіевскихъ митрополитовъ, что имяннымъ Высочайшимъ указомъ учреждена въ немъ особая архіерейская каѳедра, отъ которой онъ всегда былъ и будетъ управляемъ, и что безъ особаго имяннаго Высочайшаго указа требованіе консисторіи исполнено быть не можетъ. Бывали случаи, что онъ перерѣшалъ дѣла, касавшіяся его района въ отмѣну резолюцій митрополита [1]). Положеніе исключительное, не бывалое въ исторіи нашей іерархіи. Даже положеніе б. епископа люблинскаго Маркелла Попеля, по возсоединеніи уніатовъ царства польскаго въ 1875 г. и образованіи холмско-варшавской епархіи, было менѣе самостоятельно. Объясняется оно тѣмъ, что Ириней перешелъ въ Кіевъ съ самостоятельной каѳедры и кромѣ предоставлённой ему *de jure* нѣкоторой независимости, силою своего характера расширилъ ее на счетъ добродушнаго и необладавшаго особыми талантами митрополита Серапіона. Какъ-бы ни было, Ириней умѣлъ пользоваться предоставленною ему властію съ честію для себя и съ пользою для ввѣренной ему маленькой паствы. Много видимъ въ его дѣйствіяхъ эксцентричности, много идеальнаго, теоретическаго и книжнаго, но всюду руководятъ имъ прямота, честность, рѣдкое безкорыстіе, самая высокая гуманность, а главное—забота о другихъ, стараніе изучить и исчерпать всякое дѣло, и—опять все тоже поражающее трудолюбіе.

Началъ Ириней свою дѣятельность съ михайловскаго монастыря, братія коего вела самую безпорядочную жизнь. Пересуды, *лихоимство,* воровство, святотатство, буйство въ монастырѣ и за стѣнами его съ кровавою развязкою, заночевыванія въ городѣ и его мрачныхъ притонахъ, пьянство запоемъ и другія весьма не благочестивыя упражненія были обычнымъ времяпровожденіемъ братіи. Возвратившемуся настоятелю михайловской обители пред-

---

[1]) Арх. кіев.-мих. мон. «Докладный реестръ» монастырскихъ дѣлъ, 1823, № 13 и 1815 г., № 267.

стояло умѣрить пылъ расходившихся „черицовъ", надо было направить ихъ на добровольно избранный путь спасенія, надо было наполнить досужее время такими занятіями, которыя, отвлекая монашествующихъ отъ неблаговиднаго поведенія, въ тоже время вели-бы ихъ къ одной опредѣленной цѣли—къ посильному достиженію идеала монастырской жизни.

Первою мѣрою преосв. Иринея въ этомъ направленіи было болѣе точное распредѣленіе обязанностей между монашествующими. „Никто изъ штатныхъ монаховъ, писалъ онъ въ изданныхъ въ 1815 году „*Правилахъ*" не долженъ быть „безъ особаго *послушанія и званія;* ибо общаго для всѣхъ дѣла, состоящаго въ церковномъ служеніи и слушаніи церковныхъ пѣній, къ благоустройству братіи не довольно". Для того Ириней, сверхъ бывшихъ уже въ обители должностей, учредилъ новыя: одному указалъ быть смотрителемъ клирошанъ, другому проповѣдникомъ монастыря, тому смотрителемъ архіерейскаго дома, тому смотрителемъ келейной церкви, а одного назначилъ смотрителемъ колокольни. Уравнявъ такимъ образомъ всѣхъ іеромонаховъ и іеродіаконовъ въ отправленіи монастырской службы, Ириней уравнялъ ихъ, конечно также приблизительно, и въ полученіи подѣловъ изъ кружки, при чемъ заботою его было, какъ значится въ правилахъ, чтобы никто изъ высшей (болѣе заслуженной) братіи не получалъ меньше кого нибудь изъ низшихъ, Онъ нарушилъ, правда, въ этомъ случаѣ древнее право братіи—самой, съ общаго согласія, распредѣлять кружечный доходъ, но сдѣлалъ это, вѣроятно, не только въ виду бывшихъ злоупотребленій, но и для того, чтобы путемъ слишкомъ неравнаго раздѣла не скоплялись деньги въ рукахъ немногихъ, притомъ молодыхъ и не служили поводомъ къ роскошной или безпутной жизни. Ириней даже воспретилъ братіи составлять и представлять росписанія кружечныхъ подѣловъ, составлялъ ихъ самъ вчернѣ и потомъ уже передавалъ на обсужденіе братіи, что невольно уже ограничивало произволъ и своего рода стачки [1]).

Сдѣлавъ главное, Ириней старался, по возможности, совершенно изолировать монашествующихъ отъ „мірскихъ соблазновъ", для этого предписалъ всей братіи своего монастыря отлучаться въ

[1]) Арх. кіево-мих. мон. «Докл. р. еп. дѣлъ», № 385.

городъ не иначе, какъ въ случаѣ крайнихъ нуждъ и то предварительно взявши отпускной билетъ [1]), равнымъ образомъ и въ свои келіи никого изъ постороннихъ не принимать безъ вѣдома и особаго на то разрѣшенія начальства [2]). „Для лучшаго-же сбереженія... чести всей братіи и послушниковъ“, погрѣшавшей нерѣдко противъ седмой заповѣди, „къ продажѣ молока и прочихъ съѣстныхъ или питейныхъ припасовъ никого изъ женска пола впредь не допускать [3])“. Честь монастыря и доброе имя его вообще стояли на первомъ планѣ у пресв. Иринея. Онъ скорѣе готовъ былъ пожертвовать матеріальными выгодами его, чѣмъ дать хотя малѣйшій поводъ къ заподозрѣнію монастыря въ чемъ-либо недостойномъ его высокаго назначенія. Въ 1817 году помѣщица псковской губерніи, новоторжскаго уѣзда, Надежда Чихачева дарила кіево-михайловскому монастырю домъ въ вѣчное владѣніе. Ириней приказалъ возвратить ей купчую и планъ и отъ принятія дома на отрѣзъ отказался, „потому, во 1-хъ, что владѣніе мірскими, или посредѣ мірскихъ жилищъ состоящими домами нынѣшнимъ благоустроеннымъ и найпаче штатнымъ и достаточнымъ монастырямъ ни по какимъ правамъ присвоено быть не можетъ; потому, во 2-хъ, что таковый домъ для монастыря сего вовсе не нуженъ: обратить его въ гостинницу монастырскую значило-бы сдѣлать изъ него богомерзкое и препагубное блудилище; а отдавать его въ наемъ—значило-бы подвергать себя и весь монастырь всякимъ мірскимъ заботамъ, ссорамъ, тяжбамъ и самой всеконечной потери принадлежащаго благоустроеннымъ монастырямъ спокойствія и добраго имени“ [4]).

Примѣтавъ въ братіи кіево-михайловскаго монастыря страсть къ сутяжничеству и *лихоимству*, преосв. Ириней предписалъ всей братіи и послушникамъ, дабы они... никому впредь ничего въ долгъ не давали, но только или въ подарокъ, или въ милостыню; а впослѣдствіи и подписками къ тому обязалъ, „понеже, заключалъ онъ, давать въ долгъ дѣло есть мірянъ, а не истинныхъ монаховъ [5])“. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не дозволялъ братіи одолжать у кого-либо, а тѣмъ

---

[1]) Арх. кіево-мих. мон. «Оп. дѣлъ» за 1816 г., № 21.
[2]) Ibid. «Оп. дѣлъ» за 1822 г., № 81.
[3]) Ibid. «Докл. р. мон. дѣлъ» 1818 г., № 145.
[4]) Ibid. 1813 г., № 136.
[5]) Ibid. 1822 г., № 5.

болѣе у *мірскихъ людей*: „поелику монахамъ занимать деньги“ вообще, и „у міряпъ“ въ особенности, *есть не малое преступленіе* [1])“. И самъ подавалъ братіи примѣръ исполненія всѣхъ этихъ своихъ требованій: раздавая нищимъ ежемѣсячно около 75 рублей и болѣе чрезъ послушника, онъ въ тоже время дарилъ еще деньгами заслуживающихъ изъ братіи, а иногда уплачивалъ за нихъ ихъ кредиторамъ [2]), что-бы только пресѣчь сутяжничество. Чѣмъ-то необычайнымъ покажется въ настоящее время слѣд. случай. Златопольская экономія помѣщика генерала Высоцкаго оспаривала какія-то земли у Лебединскаго георгіевскаго монастыря, какъ незаконно будто бы пріобрѣтенныя. Когда доложили объ этомъ преосв. Иринею, онъ приказалъ возвратить спорныя земли, такъ какъ, писалъ онъ, „евангельская заповѣдь или совѣтъ, относящійся наипаче къ монастырямъ, повелѣваетъ хотящему судитися съ ними и ризу ихъ взяти—отдать ему и рубашку, только-бы не имѣть нужды судиться съ нимъ [3])“. Той-же однако экономіи Ириней далъ сильный отпоръ, когда она коснулась чести монаховъ того-же монастыря, обвиняя ихъ во всегдашнемъ якобы обращеніи съ женскимъ поломъ и пр. [4]).

Становясь самъ въ роль судьи, преосв. Ириней отправлялъ эту священную и трудную обязанность съ величайшею осторожностію. Онъ никогда не дозволялъ себѣ осудить не только безвиннаго, но даже такого подсудимаго, противъ котораго не было особенно вѣскихъ уликъ. Обыкновенными рѣшеніями его въ послѣднихъ случаяхъ были: „сіе дѣло предать суду Божію, пока впредь само обнаружится, потому что оно нынѣ есть сумнительное“ [5]) и т. п. Рѣшенія и приговоры его отличаются чисто отеческою снисходительностію. Въ каждомъ провинившемся онъ видѣлъ прежде всего *человѣка* и его задачею было поднять падшаго, поддержать изнемогающаго, ободрить ослабѣвающаго. „...Монашествующіе, писалъ онъ, какъ и прочіе всѣ немощные человѣки, даже и за неоднократныя явно доказанныя преступленія не должны вдругъ

---

[1]) Арх. к.-мих. мон. Докл. р. мон. д. 1822 г., № 227.
[2]) Ibid., № 267.
[3]) Ibid. Докл. р. еп. дѣлъ, 1814 г., № 435.
[4]) Ibid. Докл. р. мон дѣлъ, 1811 г., № 29.
[5]) Ibid., № 33.

безъ пощады лишаемы быть мѣстъ и чиновъ своихъ, но прежде должно имъ, такъ какъ и всѣмъ прочимъ человѣкамъ, дать довольно времени и способовъ къ покаянію и исправленію жизни" [1]). Приводилъ онъ къ покаянію и исправленію монастырскую братію монастырскими-же средствами, преимущественно *земными поклонами*. Силу непрестанныхъ и безчисленныхъ поклоновъ признавалъ онъ въ особенности для страдавшихъ запоемъ. Попались какъ-то послушники михайловскаго монастыря, которые побѣждались страстію невоздержанія и пьянства: велѣлъ онъ „призвать ихъ въ правленіе и притвердить имъ крѣпчайше, дабы они... рѣшились добровольно ежедневно полагать земныхъ поклоновъ, какъ въ церкви по сто и по двѣсти, такъ-же по своимъ келіямъ по столько-же или и побольше, а молитву Іисусову, или *Святый Боже* читали-бы на каждый часъ по сто разъ или и болѣе" [2]). Это было средство традиціонное, испытанное и вмѣстѣ универсальное. Не ночевалъ въ монастырѣ послушникъ Евѳимій Чернявскій,—приказано и ему „чрезъ три дни полагать въ церкви по сто доземныхъ поклоновъ, а потомъ ежедневно по столько-же класть въ своей келіи и читать Псалтири по двѣ, или три каѳизмы на каждый день" [3]). Пономарь Акимъ Супряжичскій получилъ привычку заходить въ питейные домы... „для воздержанія отъ сего притверждено и ему упражняться чаще въ домашнихъ молитвахъ и на тотъ конецъ прочесть Псалтирь, или-же другіе какіе каноны въ дому своемъ нѣсколько разъ", хотя пономарь жилъ гдѣ-то далеко и никакой контроль тутъ былъ невозможенъ [4]). Но братія давно привыкла къ этому средству и оно мало уже дѣйствовало на нее; приходилось употреблять болѣе сильныя, специфическія средства, назначались: *лишеніе* на нѣсколько дней *вареной трапезной пищи* [5]), уменьшеніе кружечнаго подѣла [6]), временное запрещеніе священнослуженія [7]), даже „умѣренное сѣченіе

---

[1]) Арх. кіево-мих. мон. «Докл. Р.» мон. дѣлъ 1814 г. № 435.
[2]) Ibid., № 110; см. ibid. 1816 г. №№ 60, 121, 221, 243 и мн. др.
[3]) Ibid., 1816 г. № 239.
[4]) Ibid., «Докл. Р.» св. дѣлъ 1814 г. № 279.
[5]) Ibid., «Докл. Р.» мон. дѣлъ 1816 г. № 256.
[6]) Ibid., 1820 г. № 110.
[7]) Ibid., «Опись дѣлъ» за 1816 г. № 70.

батогомъ или плетью" [1]). Но многіе и этимъ не исправлялись; тогда, по выраженію Иринея, оставалось „однимъ одно"—затворъ, проще карцеръ. Но „чернечая" природа только глумилась надъ этимъ, по видимому, несумнительнымъ средствомъ. Мѣстомъ заключенія служила тѣсная комнатка подъ колокольнею съ небольшимъ просвѣтомъ на главный ходъ („святыя ворота"). Товарищи заключеннаго не рѣдко рекомендовали его предъ богомольцами, какъ *затворника*. И если то былъ молодой—простодушные богомольцы обыкновенно удивлялись ревности мнимаго подвижника; если-же пожилой, то подходили къ просвѣту карцера, съ благоговѣніемъ смотрѣли на импровизованнаго *затворника* и, прося молитвъ его, полагали предъ нимъ деньги, ладонъ и масло. Ириней терялся, недоумѣвалъ, чѣмъ унять проказниковъ. Вышелъ даже такой случай. Одинъ изъ нихъ умеръ въ *затворѣ*. Ириней устроилъ карцеръ у сѣверо-восточнаго угла своего настоятельскаго дома, въ саду, и всегда съ готовностію самъ служилъ заключеннымъ, говоря, что такъ какъ ему никогда не приходилось послужить заключеннымъ въ темницѣ, то онъ радъ послужить хотя своимъ заключеннымъ. Приходилось наконецъ содержать иныхъ изъ братій „подъ крѣпкимъ карауломъ", „въ оковахъ", ссылать куда либо въ заштатный монастырь, а наконецъ просто пускать въ свѣтъ, изгоняя на всегда изъ обители, какъ пущенъ былъ въ свѣтъ феноменальный іеродіаконъ Меѳодій, который, пройдя всѣ виды пороковъ и наказаній и будучи всегда пьянъ, вышелъ однажды въ стихарѣ, надѣтомъ на изнанку, а въ другой разъ не сдержалъ даже своей естественной нужды.

Читатель придетъ въ изумленіе при видѣ въ обители такихъ пороковъ и такихъ наказаній и скажетъ быть можетъ: „гони природу въ дверь, она пройдетъ въ окно", и подивится тому, что столь свѣтлый умъ, каковъ былъ Иринея, не могъ придумать болѣе дѣйствительныхъ средствъ къ упорядоченію и возвышенію жизни подчиненныхъ ему непосредственно монаховъ. Но не въ силахъ его было измѣнить цѣлый строй жизни, хотя-бы только монастырской, не въ силахъ перевоспитать поколѣнія созрѣвшія, хотя къ послѣднему онъ видимо стремился относительно подчиненнаго ему

[1]) Арх. кіево-мих. мон. «Докл. Р.» мон. дѣлъ 1822 г. № 23.

михайловскаго монастыря. Болѣе всего онъ старался возбудить въ монашествующихъ охоту и любовь къ чтенію [1]). Библіотека кіево-михайловскаго монастыря во время его настоятельства успѣла значительно обогатиться рукописями [2]), новыми книгами и періодическими изданіями [3]). Самая организація библіотечныхъ операцій была поставлена на прочныхъ основаніяхъ. Преосв. Ириней составилъ и собственноручно переписалъ каталогъ алфавитный, и по настоящее время хранящійся въ библіотекѣ монастыря [4]); онъ-же самъ велъ и записи книгъ, получаемыхъ монашествующими для чтенія.

Но что могъ онъ сдѣлать этимъ путемъ для братіи не только въ большей части невѣжественной, но не рѣдко не знавшей даже русской грамоты и названій предметовъ обыкновенныхъ? Разъ преемникъ его *Аванасій*, во время обѣдни замѣтивъ, что на дворѣ дождь, послалъ принести ему *калоши*. Отправился самъ о. *ризничій* и прямо въ кабинетъ, потомъ въ спальню. Послѣ нѣкотораго разглядыванья, замѣтивъ брюки, онъ схватилъ ихъ и съ словами: „оце-жъ вони—*холоши*“, пустился было уходить обратно; но когда келейникъ переспросилъ его о томъ, что именно нужно, указавъ при томъ на стоявшія въ передней *калоши*, онъ съ неудовольствіемъ замѣтилъ: „та це-жъ черевики! яки-жъ вони *холоши?*“

Заботился пр. Ириней и о томъ, чтобы пріучить монаховъ, имѣвшихъ священный санъ и нѣкоторое образованіе, къ занятіямъ проповѣдью слова Божія. Обыкновенно онъ самъ назначалъ тѣ или другіе сборники поученій для прочтенія ихъ въ церкви во время богослуженія (*бесѣды св. Іоанна Златоустаго*, *Маргаритъ*, *Соборникъ* и др.) [5]). Прочитывался одинъ сборникъ, тотчасъ-же назначался другой, а читавшимъ первый выдавалось особое денежное

---

[1]) Арх. кіево-мих. мон. «Докл. Р.» мон. дѣлъ 1821 г. № 59 и др.

[2]) Ibid. «Докл. Р.» еп. дѣлъ 1817 г. № 147 и др.

[3]) Ibid. 1815 г. № 509; «Докл. Р.» мон. дѣлъ 1821 г. № 262; 1822 г. № 245 и др.

[4]) Подъ № 1760.

[5]) См. напр. Арх. кіево-мих. мон. «Опись дѣлъ» за 1815 г. № 37; «Докл. Р.» мон. дѣлъ 1814 г. № 180; 1815 г. № 74 и др.

вознагражденіе „изъ монастырскихъ суммъ для трудящихся“[1]. Размѣръ этого, обыкновенно довольно скромнаго, вознагражденія значительно увеличивался за *самостоятельныя* проповѣди іеромонаховъ. Правда, и за особый гонораръ проповѣдей являлось не много[2]; но когда они являлись, преосвященный съ любовію самъ прочитывалъ ихъ, дѣлая на нихъ собственноручныя поправки и предписывая произносить ихъ въ церкви не иначе, какъ предварительно „выучивъ твердо“ наизустъ[3].

Мы перечислили и указали далеко не все то, что дѣлалъ Ириней для упорядоченія монастырской жизни, для удаленія обителей отъ міра, для изгнанія изъ нихъ всего, что привзошло къ нимъ отъ міра, для поднятія умственной и нравственной жизни монашествующей братіи; но и въ томъ, что сказано нами, виденъ такой глубоко вѣрный взглядъ на монашескую жизнь и средства къ ея поправленію, что имъ съ успѣхомъ для дѣла могло-бы воспользоваться и наше безъидейное время. Никогда еще не слышалось столько ожесточенныхъ нападковъ на наши монастыри и обличеній монашествующихъ въ стяжательности, тунеядствѣ, забвеніи обѣтовъ, сытой и порочной жизни, какъ въ наше время признаннаго хищенія, безчестной наживы, служенія только чреву и мамонѣ, попранія всякихъ идеаловъ жизни. Нерѣдко не признающіе надобности въ спасеніи собственныхъ душъ хлопочутъ о спасеніи монаховъ. И что-же придумали для поднятія жизни и значенія нашихъ монастырей?—Навязать имъ дѣла, къ которымъ они не подготовлены, до которыхъ не доросли и которыя во всякомъ случаѣ лежатъ внѣ ихъ основныхъ задачъ,—учрежденіе школъ, больницъ для раненыхъ воиновъ, богадѣленъ и пр. и пр. Людей отрекшихся отъ міра хотятъ заставить служить міру, хотя-бы и въ его добрыхъ интересахъ; тѣхъ, которые поставили себѣ задачею выработанными въ теченіи вѣковъ формами и способами стремиться къ высшему нравственному совершенству, желали-бы привлечь къ служенію обыкновеннымъ цѣлямъ общества и тѣмъ исправить и возвысить

---

[1]) Арх. кіево-мих. мон. «Докл. Р.» мон. дѣлъ 1821 г. №№ 110, 260 и др.
[2]) Ibid. 1822 г. № 102.
[3]) Ibid. «Докл. Р.» еп. дѣлъ 1815 г. № 48.

ихъ жизнь. Тутъ противорѣчіе въ стремленіяхъ однихъ и другихъ, фальшь въ самомъ основаніи. Монастырь самъ въ себѣ носитъ свою цѣль,—училъ и писалъ великій мыслитель и аскетъ Ириней. Но одного отправленія службъ церковныхъ и выполненія монашескихъ правилъ для монаховъ недостаточно. Надо, чтобы каждый изъ нихъ имѣлъ *свое послушаніе*, свою долю въ общей жизни обители и всѣ вмѣстѣ стремились къ высшей ея задачѣ. Не школу для міра долженъ заводить монастырь, но самъ обратиться въ школу,—школу грамотности для притекающихъ къ иноческому житію неграмотныхъ и полуграмотныхъ, школу самообразованія для недокончившихъ образованія, школу науки для причастившихся ей, школу пѣнія и устава церковнаго, школу благолѣпнѣйшаго и благоговѣйнѣйшаго богослуженія, школу исповѣди и проповѣди слова Божія. Такъ смотрѣлъ на дѣло исправленія монастырской жизни Ириней, преслѣдуя только всѣми мѣрами нарушенія регулы монастырской и ограждая братію отъ внѣшняго соблазна, а дѣло личнаго подвижничества оставляя внутренней работѣ каждаго. Десять лѣтъ такого управленія слишкомъ незначительный промежутокъ, чтобы можно было ждать видимыхъ его результатовъ, да и не въ такомъ положеніи оказались тогда наши монастыри, чтобы можно было скоро и съ успѣхомъ дѣйствовать на ихъ исправленіе. Конецъ XVIII в. былъ ознаменованъ не только отнятіемъ у монастырей ихъ имѣній, но и утратою ими внутренней автономіи и всего прежняго ихъ строя и характера, приниженіемъ ихъ значенія и превращеніемъ ихъ изъ самостоятельныхъ общинъ въ казенное учрежденіе въ родѣ любаго присутственнаго мѣста. Случилось при этомъ, что болѣе богатые монастыри очутились подъ непосредственнымъ якобы управленіемъ архіереевъ, на самомъ-же дѣлѣ только половина доходовъ монастырскихъ стала переходить въ руки этихъ послѣднихъ, а всѣ дѣла монастырскіе, по указной формѣ, стали вѣдать ихъ намѣстники, представляя собою обезличенныхъ, лишенныхъ власти и иниціативы начальниковъ надъ обезличенною-же братіею. Менѣе богатые монастыри очутились подъ властію такъ называемыхъ ученыхъ архимандритовъ, управлявшихъ также чрезъ своихъ намѣстниковъ; самоличные настоятели остались только въ бѣднѣйшихъ 3-е классныхъ и заштатныхъ монастыряхъ, непредставлявшихъ уже ни для кого приманки. Понятно, что вмѣстѣ съ этимъ постепенно пони-

жался цензъ намѣстническій и настоятельскій, въ роли-же номинальныхъ настоятелей и священно-архимандритовъ вскорѣ сплошь стали люди, никогда не жившіе въ монастыряхъ и не знающіе монастырской жизни. Преосв. Иринеи представляетъ собою рѣдкій, едва-ли не единственный примѣръ дѣйствительнаго настоятеля монастыря, въ званіи правящаго архіерея, и не только вполнѣ компетентнаго въ своемъ дѣлѣ, но въ такой степени ему преданнаго, что онъ съ излишкомъ отдавалъ монастырю то, что получалъ отъ него, жертвуя для него своими личными доходами и отдѣляя отъ привычныхъ научныхъ трудовъ время даже на такія для него занятія, какъ распредѣленіе дневныхъ чтеній и записываніе не бывшихъ въ церкви монаховъ.

Взглядъ Иринея на общественное значеніе монастырей не только идеальный, но въ высшей степени оригинальный. Мы воспроизведемъ этотъ взглядъ по одной огромной резолюціи преосв. Иринея, не приводя ее въ подлинникѣ, такъ какъ языкъ ея крайне тяжелъ для современнаго слуха и очень затруднителенъ для пониманія. Резолюція состоялась по слѣд. поводу: 22 апрѣля 1814 г. къ нему поступило два отношенія кіевской консисторіи, сообщавшія распоряженія высшаго правительства 1) о не передерживаніи въ монастыряхъ никого безъ подлежащихъ письменныхъ видовъ и 2) о не приниманіи никого въ число братіи безъ такихъ-же видовъ. Иринею былъ подчиненъ не только михайловскій, но и всѣ штатные и не штатные монастыри кіевской епархіи; предстояло сдѣлать общее распоряженіе по содержанію обоихъ указовъ и имѣть наблюденіе за точнымъ ихъ исполненіемъ. Ириней на отрѣзъ отказался отъ ихъ исполненія, протестовалъ противъ нихъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, сообщилъ свой отвѣтъ консисторіи, объявилъ объ немъ монастырямъ и велѣлъ заготовить въ томъ-же смыслѣ *прошеніе* на имя митрополита для представленія онаго въ синодъ на разсмотрѣніе и рѣшеніе соборомъ всей русской церкви. Вотъ чѣмъ и какъ онъ мотивировалъ свое рѣшительное несогласіе принять къ исполненію объявленные указы.

„Сіе *требованіе*[1]) свѣтскаго начальства произошло отъ однихъ слишкомъ взыскательныхъ помѣщиковъ; оно не подтверждено за-

---

[1]) Курсивъ въ подлинникѣ здѣсь и далѣе.

коннымъ св. синода разсмотрѣніемъ и рѣшеніемъ и я не могу признать его по слѣд. причинамъ: 1) монастыри всегда были и должны быть единственнымъ *пристанищемъ* всѣхъ ищущихъ избавленія отъ вѣчнаго суда Божія за совершенныя ими преступленія, или-же только удобнѣйшаго, нежели въ мірѣ, служенія Богу. 2) Относительно передерживанія и принимангія людей безъ видовъ никакъ нельзя равнять монастырей съ мѣстами мірскими; это *грады убѣжища*, которые узаконилъ самъ Богъ (Числъ, гл. 35, ст. 11 и 12). Если такія убѣжища узаконены для убійцъ, хотя и невольныхъ, то тѣмъ болѣе они должны быть для людей, впавшихъ въ меньшія преступленія и успѣвшихъ укрыться подъ сѣнь церкви. Судъ Божій, правда Божія выше человѣческихъ; послѣдніе храмлютъ. 3) Исторія древняя и новая свидѣтельствуетъ, какія непомѣрныя противозаконныя притѣсненія совершаются надъ людьми провинившимися и сколько несправедливыхъ гоненій и озлобленій терпятъ люди ни въ чемъ неповинные; *насильныя порабощенія однихъ другими въ мірѣ семъ не только не прекратились, но, къ общему несчастію рода человѣческаго, и гораздо, можетъ быть, болѣе прежняго умножились*. Не то-ли это время, когда, по слову евангельскому, за умноженіемъ беззаконія, *изсякнетъ любы многихъ* (Матѳ. 24, 19)? И не гораздо-ли болѣе теперь нужны священныя убѣжища, чѣмъ въ В. Завѣтѣ? Пусть люди въ нихъ Бога молятъ не только о своихъ, но и всего міра грѣхахъ, пусть умилостивляютъ Бога, молясь день и ночь... А такими убѣжищами кому и быть, какъ не православнымъ нашимъ монастырямъ? Св. лавра печерская, монастырь кіево-михайловскій... тутъ благоустройство, смотрѣніе архіерейское, тутъ мощи нетлѣнныя угодниковъ святыхъ почиваютъ... 4) А чтобы не было злоупотребленій, довольно обязать благоустроенные монастыри, чтобы они, принявъ временно кого либо безъ письменнаго вида, доносили-бы о томъ духовному начальству, а это снослось-бы съ подлежащимъ свѣтскимъ, можетъ-ли быть принятое лице навсегда оставлено въ монастырѣ, и если нѣтъ, то по какимъ законнымъ причинамъ. Самимъ монастырямъ должно быть предоставлено даже право ходатайствованія о такомъ лицѣ... Конечно, они должны смотрѣть за нимъ, не давать ему отпуска; но если-бы временно принятый въ обитель бѣжалъ, не ставить ей, какъ представительницѣ священнаго права свободнаго убѣжища, этого въ

вину, но считать такіе случаи дѣйствіемъ Промысла Божія. Сверхъ того, если-бы принятый въ монастырь, по розыскамъ свѣтскихъ властей, и дѣйствительно оказался виновнымъ въ какомъ либо преступленіи (кромѣ, конечно, государственныхъ и уголовныхъ), власти свѣтскія не спѣшили-бы брать его подъ караулъ, но прежде изслѣдовали-бы, *не по причинѣ-ли непомѣрныхъ взысканій и не праведныхъ притѣсненій отъ своихъ помѣщиковъ, или отъ другихъ какихъ либо людей принужденъ былъ онъ убѣжать въ священное убѣжище,* и если такъ, пусть окажутъ ему *всю закономъ Божіимъ требуемую защиту,* а иначе падетъ на нихъ *гнѣвъ Божій.*—Таково мое внутреннее убѣжденіе... Я не могу принять сообщеннаго мнѣ требованія свѣтской власти. Пусть выскажутся по этому всѣ архіереи, пусть разсмотритъ и рѣшитъ это синодъ... *И да не умретъ убивый; дондеже станетъ предъ сонмомъ на судъ!*" [1])...

Помимо оригинальности въ комбинированіи понятій, ихъ формулировкѣ и выраженіи, какой въ сущности возвышенный взглядъ на міръ человѣческій и отношенія людскія! Какой глубокій протестъ противъ разъѣдавшей тогда наше общество вѣковой язвы крѣпостничества и грубаго произвола сильныхъ надъ слабыми! Какое нѣжное состраданіе къ гонимымъ и угнетеннымъ, какая безграничная христіанская любовь къ жертвамъ собственныхъ страстей и правосудія человѣческаго! Устами Иринея тутъ дышетъ безконечная любовь Божественная. И когда читаемъ эти строки его, невольно приходитъ на память тотъ-же принципъ убѣжища и всепрощенія, который безъ формулировки, не сознанный, не освященный именемъ религіи, но подсказанный однимъ лишь естественнымъ народнымъ чувствомъ, положенъ былъ въ основу строя цѣлой общины запорожской и выдержалъ треволненія цѣлыхъ столѣтій. Онъ шелъ въ разрѣзъ съ основнымъ тогдашнимъ строемъ общества, но на сторонѣ его было болѣе правды и болѣе человѣчности. Не тоже-ли и здѣсь? Мы прославляемъ гуманистовъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, хотя-бы проронившихъ одно словце противъ рабства на письмѣ, или въ дружеской бесѣдѣ; а тутъ предъ нами въ лицѣ Иринея открытый, формальный протестъ—безъ ограниченій, безъ недомолвокъ и уклоненій—противъ позорящей человѣчество язвы,

[1]) Арх. кіево-мих. мон. Докл. реестръ моп. дѣлъ 1814 г., № 196.

противъ порабощенія однихъ другими, угнетенія, произвола, насилія.

Къ сожалѣнію, бывшія въ нашемъ распоряженіи бумаги не дали намъ возможности прослѣдить, имѣлъ-ли этотъ крайне оригинальный протестъ какой-либо дальнѣйшій ходъ и какія-либо послѣдствія..., конечно, для самаго Иринея.

Тою-же строгою законностію, нѣкоторою идеальностію, крайнею заботою и всегдашнею сердечностію отличались отношенія пр. Иринея къ его маленькой паствѣ, на сколько мы можемъ судить объ этомъ по немногимъ сохранившимся отрывочнымъ свѣдѣніямъ. Онъ сносился съ нею то непосредственно въ лицѣ приходившихъ къ нему по дѣламъ, то чрезъ посредство подчиненнаго ему чигиринскаго духовнаго правленія, то наконецъ чрезъ личный, очень однако рѣдкій обзоръ этого отдаленнаго уголка кіевской епархіи. Тутъ на первомъ планѣ таже забота о проповѣди слова Божія. Болѣе способнымъ и образованнымъ священникамъ своей паствы онъ назначалъ приготовленіе проповѣдей собственнаго ихъ сочиненія, всѣмъ вообще предписывалъ пріобрѣтать для церковныхъ библіотекъ вышедшую въ то время въ свѣтъ „Книгу поученій воскресныхъ и ежедневныхъ, какъ самую нужнѣйшую для душевной пользы прихожанъ“, и по возможности чаще предлагать изъ нея поученія къ народу во время богослуженій [1]). Нерадивыхъ въ составленіи проповѣдей онъ подвергалъ взысканіямъ. Священникъ Ефимъ Кедриновскій не представилъ въ срокъ обязательной по личному росписанію преосвященнаго проповѣди. На донесеніе объ этомъ чигиринскаго духовнаго правленія Ириней отвѣчалъ: „священникъ Ефимъ Кедриновскій пусть упущенную имъ на новый годъ проповѣдь въ семъ-же году непремѣнно сочинитъ и въ духовное правленіе представитъ; а для побѣжденія впредь душевной лѣности *въ столь важномъ должности его пунктѣ* ежедневно полагать ему въ уединенномъ мѣстѣ доземныхъ поклоновъ по 200 или болѣе, съ чтеніемъ и Псалтыри, на каждый день по двѣ или по три каѳизмы, въ чемъ его и подпискою обязать въ духовномъ правленіи [2])“. За

---

[1]) Арх. к. мих. мон. «Докл. р. мон. д.», 1817 г. №№ 160, 214 и др.
[2]) Ibid. № 22.

то если кто-либо изъ священниковъ не ограничивался составленіемъ однихъ только *обязательныхъ* проповѣдей, но занимался этимъ дѣломъ по собственному усердію, то такими людьми пр. Ириней весьма дорожилъ и отличалъ ихъ отъ другихъ служителей алтаря разными наградами, даже *палицею*[1]), составляющею теперь высшее отличіе наиболыше заслуженныхъ протоіереевъ.

Въ такъ называемыхъ *ставленическихъ дѣлахъ* пр. Ириней поступалъ съ особою разборчивостью. Искавшіе священнаго сана подвергались предварительному „прилежному испытанію въ качествахъ и достоинствахъ" [2]). Кромѣ личнаго усмотрѣнія Иринея и личныхъ документовъ кандидата, нѣкоторою гарантіею его пригодности служилъ бывшій тогда въ полной силѣ выборъ прихожанъ и ихъ одобреніе, а также рекомендація духовнаго правленія. Кто не удовлетворялъ этимъ требованіямъ, тому преосвященный совершенно отказывалъ въ посвященіи. Отказывалъ онъ и по причинѣ „*малаго ученія*" вообще, по причинѣ „*плохаго знанія догматовъ*" въ частности и проч. Рѣшительно отказывалъ не бывшимъ въ богословскомъ классѣ, такъ называемымъ *философамъ*, „дабы отъ того не произошло презрѣнія ученія богословскаго", обязывая ихъ „непремѣнно... *хотя чрезъ нѣсколько времени* обучаться въ богословскомъ классѣ".

Не имѣвшіе 25-ти лѣтъ отъ роду не были посвящаемы имъ въ санъ діакона, и 30-ти лѣтъ въ санъ священника. *Рѣдкія* исключенія дѣлались только для студентовъ богословія, которые *иногда* удостоивались священническаго сана нѣсколько и раньше, но отнюдь не моложе 25-лѣтняго возраста [3]). При самомъ опредѣленіи кандидатовъ на вакантные приходы преосв. Ириней старался по возможности склонять ихъ къ выдачѣ хотя-бы-то самого небольшаго пособія сиротамъ или вдовѣ ихъ (новыхъ священниковъ) предшественника, чтобы тѣмъ по возможности облегчить бѣдственное положеніе семьи, лишившейся кормильца [4]). Но такъ какъ пособія эти были обыкновенно довольно скудны и не всегда добросовѣстно

---

[1]) Арх. кіево-мих. мон. «Докл. р. мон. д.», № 146.

[2]) Обо всемъ см. «Докл. р. еп. дѣлъ», 1814 г., № 93, 203, 214, 217, 221, 222, 258, 378, 386 и 463; 1815 г., № 86, 405 и 445.

[3]) Ibid., 1817 г., 1814 г., №№ 209, 256.

выплачивались; то впослѣдствіи онъ болѣе серьезно занялся вопросомъ объ изысканіи средствъ на пособіе престарѣлымъ священно и церковно-служителямъ, ихъ вдовамъ и сиротамъ. Въ 1822 году, по его распоряженію, учреждена была въ церквахъ чигир. уѣзда особая кружка, треть сбора которой предназначалась для указанной цѣли [1]).

Заканчивая рѣчь нашу объ управленіи Иринеемъ своею паствою, не можемъ не упомянуть о его заботахъ относительно поддержанія того древняго церковно-народнаго напѣва, которымъ всегда славился Кіевъ, въ которомъ народъ отобразилъ свою многоскорбную поэтическую душу и который прошелъ чрезъ цѣлый рядъ вѣковъ, не бывъ никогда записанъ, но сохраняясь въ памяти поющихъ и передаваясь отъ поколѣнія къ поколѣнію. Не можемъ не упомянуть также и о его нѣжной любви къ маленькимъ пѣвчимъ, о которой съ такою сердечностію повѣствовалъ намъ два года назадъ находившійся еще въ живыхъ пѣвчій его хора, потомъ старецъ кіево-михайловскаго монастыря о. Тихонъ Цариковскій.—Еще будучи въ составѣ академіи, Ириней настоялъ на введеніе въ число обязательныхъ предметовъ обученія въ ней *пѣнія* ирмолойнаго по напѣву кіево-печерской лавры. Вступивъ въ управленіе кіево-михайловскимъ монастыремъ, онъ открылъ здѣсь школу такого-же пѣнія для послушниковъ этого монастыря [2]). Не зависимо отъ сего, онъ прилагалъ особое попеченіе о поддержаніи и развитіи такъ называемой „русской школы„, которую онъ засталъ въ своей архіерейской резиденціи, въ періодъ перваго своего въ ней пребыванія въ званіи викарія. Школу эту учредилъ здѣсь предмѣстникъ Иринея, первый викарій кіевскій Ѳеофанъ Шіяновъ, сформировавшій для себя хоръ пѣвчихъ изъ монастырскихъ послушниковъ (басы и тенора) и изъ мальчиковъ духовнаго званія, преимущественно чигиринскаго уѣзда. Кому неизвѣстно печальное положеніе маленькихъ пѣвчихъ въ большей части архіерейскихъ хоровъ прежняго времени? Ихъ брали наборомъ, какъ въ рекруты; въ обществѣ взрослыхъ басовъ и теноровъ, большею частію пьяницъ, они развращались, ничему не выучиваясь, а когда теряли голосъ, ихъ выбрасывали, какъ измя-

---

[1]) Арх. кіев.-мих. мон. «Докл. р. мон. д.», 1822 г., №№ 143, 158.

[2]) Ibid., № 177.

тый цвѣтокъ, и сами они съ возрастомъ переходили не рѣдко въ разрядъ „предѣльныхъ пьяницъ", забулдыгъ и „химерогоновъ". Цѣль учрежденной еп. Ѳеофаномъ „русской школы" была обучать именно этихъ *дѣтей*-пѣвчихъ, подготовляя ихъ къ поступленію въ низшіе классы кіевской академіи. При еп. Ѳеофанѣ учили въ этой школѣ два монаха михайловскаго монастыря и одинъ вольнонаемный изъ свѣтскихъ. Но если Ѳеофану принадлежитъ честь учрежденія этой школы, то Иринею она обязана своимъ долгимъ, до самой смерти его, существованіемъ, упорядоченіемъ и развитіемъ. При немъ школа была раздѣлена на два класса—*высшій* и *низшій*, точно установленъ порядокъ занятій и программа обученія, опредѣленъ и постоянный штатъ. Учили здѣсь чтенію и письму, русской грамматикѣ, всеобщей географіи и исторіи, ариѳметикѣ и нотному пѣнію. Учителей выбиралъ самъ Ириней, обученіе производилось *подъ его личнымъ руководствомъ и смотрѣніемъ;* учитель ариѳметики и нотнаго пѣнія получалъ 100 рублей, когда въ академіи учителя высшихъ предметовъ получали 40 и 30 рублей въ годъ. Но не смотря на полное устройство и обезпеченіе школы, Иринея тянула къ ученію старая привычка, а можетъ быть особая любовь къ дѣтямъ, и онъ самъ почти ежедневно занимался съ ними въ школѣ, преимущественно по ариѳметикѣ и катихизису, какъ важнѣйшимъ предметамъ программы.

Въ 1812 году преосв. Ириней, какъ мы уже знаемъ, назначенъ былъ на смоленскую каѳедру, и „русская школа" совсѣмъ прекратила свое существованіе. Въ теченіе слишкомъ 13 мѣсяцевъ учителямъ не выдавали жалованья, пѣвчимъ не отпускали провіанта на томъ основаніи, что школа и хоръ содержались на викаріатскіе доходы и жалованье, между тѣмъ какъ, по тогдашнимъ смутнымъ государственнымъ обстоятельствамъ, все это время не опредѣляли новаго викарія, безъ разрѣшенія котораго монастырское правленіе не имѣло права отпускать суммъ на подобные расходы. Дѣти были распущены по домамъ родителей и родственниковъ. Только въ 1813 году, съ возвращеніемъ преосв. Иринея изъ Смоленска въ званіи коадъютора, дѣти снова были собраны и возстановленная русская школа [1]) продолжала существовать до са-

---

[1]) Объ этой школѣ см. арх. кіево-мих. моп. оп. № 1, § 13, № 17.

мой смерти Иринея. Держалъ онъ себя съ пѣвчими дѣтьми просто и близко, часто дарилъ ихъ деньгами и сластями, не рѣдко звалъ ихъ въ свои палаты, предоставлялъ имъ играть и рѣзвиться въ волю и не только не выражалъ ни малѣйшаго неудовольствія или стѣсненія отъ ихъ шуму и гаму, но съ любовію глядѣлъ тутъ-же на радость дѣтей.

IX.

Намъ остается сказать о проповѣднической дѣятельности Иринея.—Въ ней, какъ и въ другихъ родахъ своей дѣятельности, онъ обнаружилъ поражающее трудолюбіе и плодовитость и по количеству сказанныхъ имъ проповѣдей не имѣетъ себѣ равнаго въ ряду русскихъ проповѣдниковъ всѣхъ временъ. Мы разыскали проповѣдей его сочиненія 1294, и не ручаемся, что этимъ исчерпывается безъ остатка все, что написано имъ для произнесенія съ церковной каѳедры. Ириней не обладалъ даромъ импровизаціи и не говорилъ по вдохновенію, а напередъ обдумывалъ, составлялъ, исправлялъ, заучивалъ наизусть и только тогда уже восходилъ на церковную каѳедру. Но до возведенія своего въ епископскій санъ онъ говорилъ не болѣе 2-хъ проповѣдей въ годъ; значитъ, вся почти масса этихъ словъ и бесѣдъ сказана въ 15-ть лѣтъ его архіерейства. Какой колоссальный трудъ при другихъ неимовѣрныхъ трудахъ! И не удивительно: проповѣдь Ириней считалъ своею священнѣйшею *обязанностью* и проповѣдывалъ не только каждый воскресный и праздничный день, но не рѣдко и въ дни будничные [1]). И вся эта груда словъ, бесѣдъ и поученій почіетъ въ рукописяхъ, главнымъ образомъ въ библіотекѣ кіево-софійскаго собора. Два раза принимался Ириней за изданіе отборнѣйшихъ своихъ проповѣдей, въ числѣ около 200, и въ оба раза намѣреніе его почему-то не осуществилось. Только 6-ть изъ нихъ, и то въ весьма недавнее время, напечатаны въ нѣкоторыхъ духовныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Было-бы излишне подвергать хотя сколько-нибудь подробному и обстоятельному разбору этотъ архивный, обреченный на вѣчное

---

[1]) Истор. ст. оп. см. еп., стр. 142; «Кіевъ» Аскоченскаго, т. II, стр. 333; «Труды к. д. ак.» на 1867 г., т. I, стр. 131.

забвеніе матеріалъ; ограничимся только общими замѣчаніями о проповѣдничествѣ Иринея, направленіи, характерѣ и пріемахъ онаго.

Проповѣдническое слово преосв. Иринея не было огнемъ и силою, поражающею и подчиняющею себѣ умы и сердца слушателей; не было оно тонкою и глубокою, всеразличающею и всеопредѣляющею мыслію; *не всегда* было оно также служеніемъ какой-либо завѣтной идеѣ, овладѣвшей всѣмъ сознаніемъ проповѣдника, и не выражало настойчиваго желанія провести въ жизнь какія-либо опредѣленныя начала или правила. Это было ясное слово, бросавшее свѣтъ на разные предметы христіанской мысли и сообщавшее его простымъ и ученымъ людямъ, приходившимъ въ церковь по движенію благочестиваго чувства. Современники могли не поражаться Иринеемъ, какъ ораторомъ, но они не могли не признать, что съ ними говоритъ умный человѣкъ и христіански образованный пастырь, желающій передать всѣмъ церковное ученіе, свои здравыя сужденія и доброе благочестивое настроеніе. Проповѣдь преосв. Иринея общаго характера по своему содержанію; но чрезъ это общее въ разныхъ мѣстахъ живо проторгаются отголоски времени. Если разсматривать его проповѣди въ связи съ исторіею христіанскаго краснорѣчія вообще, то можно сказать, что онъ держится древняго направленія—изъяснительнаго, которое выходитъ изъ словъ писанія и церкви и изъ нихъ извлекаетъ уроки назиданія для общества. Проповѣдь его дѣйствительно воспроизводитъ въ себѣ нерѣдко древнюю первобытную изъяснительную христіанскую бесѣду и вообще характеромъ своимъ въ общемъ болѣе приближается къ ней, чѣмъ къ произведеніямъ христіанскаго краснорѣчія, не только назидательнаго, но и сильнаго энергіею жизненнаго слова и блескомъ ораторскаго искусства. Въ ряду представителей русской проповѣди конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія преосв. Ириней безъ сомнѣнія долженъ быть помянутъ съ уваженіемъ; но не ему здѣсь принадлежитъ первое мѣсто. По складу своихъ умственныхъ способностей онъ не могъ, какъ проповѣдникъ, сдѣлаться вліятельнымъ руководителемъ цѣлыхъ поколѣній. Человѣкъ умный и глубоко-ученый, онъ не обладалъ особымъ ораторскимъ талантомъ, ни сильнымъ одушевленіемъ, ни знаніемъ жизни и близостію къ ней.

Есть рядъ проповѣдей его, посвященныхъ разрѣшенію весьма важнаго, догматическаго, и въ тоже время сильно волновавшаго умы современниковъ вопроса; въ нихъ онъ старается проникнуть до глубины его и опровергнуть всѣ существующія и даже возможныя возраженія противъ правильнаго отвѣта; но это скорѣе ученые трактаты, чѣмъ слово взятое изъ жизненныхъ наблюденій. Таковы его „краткія поучительныя бесѣды къ народу о безконечности имѣющихъ быть по смерти праведныхъ Божіихъ воздаяній каждому по дѣламъ, съ опроверженіемъ пагубнаго въ семъ догматѣ заблужденія новѣйшихъ оригеніанъ". Всѣхъ бесѣдъ, посвященныхъ этому вопросу, 186, считая и 3 „предназначительныя бесѣды". Онѣ направлены противъ современныхъ проповѣднику ложныхъ западныхъ ученій объ этомъ предметѣ, успѣвшихъ проникнуть въ русское общество и сильно привившихся въ либеральный вѣкъ Екатерины II на новой почвѣ. Въ числѣ прочихъ лжеучителей проповѣдникъ нашъ ведетъ полемику, главнымъ образомъ, съ *Гергардомъ*, подробно разбирая и опровергая сочиненія его: „Разсужденія о будущемъ возстановленіи всѣхъ отпавшихъ отъ Бога тварей", „Краткое понятіе о вѣчности казней Божіихъ" и др., — а затѣмъ уже съ *Шеферомъ*[1]), *Ѳеопемптомъ Мисаиловымъ*[2]) и наконецъ, даже съ знакомыми своими, державшимися подобныхъ-же воззрѣній[3]). Названныя бесѣды и въ настоящее время могли-бы занять почетное мѣсто въ проповѣднической литературѣ, какъ *достойные подражанія образцы догматико-полемическихъ поученій.*

Въ рѣшеніи другихъ вопросовъ, которыхъ касался въ своихъ проповѣдяхъ Ириней, не видно особеннаго напряженія анализирующей мысли, не видно усилія взвѣсить всю силу вопроса, проникнуть до глубины его. Вопросъ набѣгаетъ какъ-бы случайно, и рѣшеніе его является правильнымъ, пожалуй яснымъ, но часто не сильнымъ и не глубокимъ. Развитіемъ этого рѣшенія не можетъ удовольствоваться человѣкъ, любящій углубляться въ вещи и доискиваться ихъ основаній. Видна чрезмѣрная краткость, даже какая-то поспѣшность у проповѣдника при рѣчи о важномъ предметѣ

---

[1]) Противъ его «Вѣчнаго Евангелія».

[2]) Противъ статья его въ журналѣ «Сіонскій Вѣстникъ» за 1806 г., августъ.

[3]) См. напр. ркп. кіево-соф. соб., № 37, бесѣда 147.

христіанскаго ученія: указалъ онъ одну, другую черту въ немъ— и старается поскорѣе поставить и выразить заключительное слово. Безъ сомнѣнія, въ этомъ видѣнъ живой характеръ Иринея, не любившаго медлительной процедуры какого-бы-то ни было дѣла и спѣшившаго жить и дѣйствовать,—поскорѣе оканчивать прежде начатую работу и приниматься за новую.

Въ выборѣ предмета для проповѣди Ириней обыкновенно не показывалъ особой заботы и большого разнообразія; здѣсь онъ шелъ тѣмъ простымъ и обыкновеннымъ путемъ, какой практикуется въ церкви еще съ древнихъ временъ: беретъ дневное евангельское или апостольское чтеніе, останавливается на какомъ-либо текстѣ и изъ него развиваетъ главную мысль своей проповѣди.

Проповѣди Иринея по преимуществу теоретическаго характера. Догматъ христіанскій—основаніе проповѣди и первый предметъ ея. Догматизмъ его очень чистый, но онъ не имѣетъ той утонченности и той подробности анализа, какими отличается догматическое слово древнихъ отцовъ восточной греческой церкви. Изъ числа догматовъ вопросу *объ искупленіи* рода человѣческаго посвященъ рядъ проповѣдей. Тема эта мало оттѣняетъ собою направленіе мысли вѣка; она свидѣтельствуетъ только о чистотѣ христіанскаго богомыслія Иринея, съ благоговѣніемъ погружавшагося въ глубокую тайну нашей вѣры.

Другими излюбленными, такъ сказать, вопросами, къ которымъ часто обращался преосв. Ириней въ проповѣдяхъ своихъ, были вопросы о необходимости подчиненія разума вѣрѣ, о важности вѣры въ жизни человѣческой и безразсудности невѣрія, о невниманіи къ слову Божію, о христіанской мудрости и т. п.—И эти бесѣды имѣютъ у преосв. Иринея большею частію общій характеръ и вращаясь въ логической отвлеченной сферѣ, въ своей отдѣльности не являются отголоскомъ времени и личныхъ наблюденій оратора, но въ *общей ихъ совокупности* представляютъ волненіе чувства проповѣдника и ясно опредѣляютъ его отношенія къ направленію поколѣній, имъ поучаемыхъ. Онъ видѣлъ оскудѣніе вѣры въ своихъ современникахъ; его поражало распространеніе невѣрія и усиленіе холодности къ христіанской мудрости въ тогдашнемъ образованномъ обществѣ. Онъ скорбѣлъ объ этомъ, съ сожалѣніемъ вспоминалъ о древнихъ христіанахъ, о старыхъ временахъ, когда уважа-

лись отеческіе обычаи и вмѣстѣ съ ними отеческая вѣра, и старался словомъ своимъ содѣйствовать охраненію вѣры и противодѣйствовать разливу новаго невѣрующаго направленія. Противоядіемъ этому направленію, какъ извѣстно, явилось между прочимъ такъ называемое *Библейское Общество*, котораго отдѣленіе было и въ Кіевѣ. Ириней сочувствовалъ ему словомъ и дѣломъ [1]), ревностно побуждая къ тому-же монашествующихъ [2]) и бѣлое духовенство [3]), но на отрѣзъ отказался принять предложенное ему званіе вице-президента въ кіевскомъ отдѣленіи этого общества, находя это несообразнымъ съ положеніемъ архіерея, какъ проповѣдника слова Божія [4]).

Проповѣдей нравоучительнаго содержанія у Иринея сравнительно немного и излюбленныхъ темъ, направленныхъ противъ преобладающихъ въ обществѣ того времени пороковъ, также нѣтъ. По вызову евангельскихъ и апостольскихъ чтеній или другихъ соприкосновенныхъ обстоятельствъ, проповѣдникъ говоритъ то о надлежащемъ чествованіи праздниковъ, то о братолюбіи или любви ко врагамъ, то о милосердіи, то о послѣдованіи волѣ Божіей, а не человѣческимъ страстямъ и пр.,—вездѣ вы видите тонкое нравственное чувство, образованное и развитое, и нигдѣ не находите жизненнаго опыта и анализа. Въ частности проповѣдникъ и не пускается; но положительная заповѣдь высказывается всегда прямо, ясно, безъ околичностей, съ простотою практическаго смысла. Нравоученіе Иринея не отличается излишнимъ суровымъ ригоризмомъ и не преслѣдуетъ исключительныхъ аскетическихъ цѣлей. Гдѣ кого застаетъ онъ въ обществѣ, тамъ и старается облегчить или уяснить своему брату подвигъ жизни, указываемый каждому его общественнымъ положеніемъ и христіанскимъ призваніемъ. Лишь изрѣдка и для немногихъ возвышалъ онъ слово за пустынножительство, въ виду множества соблазновъ среди міра, лежащаго во злѣ.—Возгласы о чистотѣ и высотѣ естественной нравст-

---

[1]) Рки. кіево-соф. соб., № 582.

[2]) Арх. кіево.-мих. мон. «Док. р.» еп. дѣлъ, 1815 г., № 450; ibid. «Докл. р.» мон. д., 1816 г., № 226; 1817 г., № 2; 1821 г., №№ 232, 243 и др.

[3]) Idid., «Докл. р.» еп. дѣлъ, 1815 г., №№ 453, 458 и др.

[4]) Библ. кіево.-соф. соб., отдѣльный листъ безъ номера.

венности слышны были и во время преосв. Иринея и, можетъ быть, не менѣе часто, чѣмъ теперь. Они были отголоскомъ послабляющей морали просвѣтительной философіи *XVIII* вѣка, умѣвшей найти слишкомъ широкій кругъ поклонниковъ. Противъ этого опаснаго самообольщенія возставалъ въ проповѣдяхъ преосв. Ириней и доказывалъ, что вся честность наша тогда только имѣетъ свою цѣну, когда основана на вѣрѣ и благочестіи.

Обращая, наконецъ, вниманіе на внѣшній характеръ проповѣди преосв. Иринея, прежде всего видимъ въ ней правильность расположенія и построенія. Составъ его проповѣди всегда прозраченъ и ясенъ: всегда видна въ немъ главная мысль, въ ея частныхъ видоизмѣненіяхъ, и при этой прозрачности она какъ-бы сама собою ложится въ сознаніе слушателей. Практическій тактъ Иринея не дозволялъ ему отягощать вниманіе слушателей сложною аргументаціею, излишними дробленіями, извитіями діалектики, вообще грузомъ представленій, давящихъ одно другое и не дающихъ возможности сознанію слушателей сосредоточиться на чемъ-нибудь одномъ; отъ того проповѣди его всегда довольно кратки, исключая весьма немногихъ *первыхъ* словъ, писанныхъ еще въ бытность Иринея профессоромъ академіи.

Въ манерѣ изложенія преобладаетъ *библеизмъ*, или частое употребленіе библейскихъ текстовъ или выраженій, что не просто было модою времени, какъ теперь изгнаніе текстовъ изъ проповѣди, но было естественнымъ послѣдствіемъ постояннаго чтенія Иринеемъ книгъ св. Писанія, многолѣтняго преподаванія онаго и спеціальнаго толкованія. Не мало въ проповѣдяхъ Иринея примѣровъ изъ области священной исторіи, житій святыхъ, исторіи гражданской; но приводя ихъ въ подтвержденіе разныхъ положеній проповѣдуемаго имъ вѣроученія и нравоученія христіанскаго, онъ далекъ отъ крайности проповѣдниковъ XVIII в., прибѣгавшихъ нерѣдко для оживленія своего слова даже къ области миѳологіи. Теперь въ русской проповѣди установился уже чистый церковный вкусъ или строгое благоговѣйное приличіе. Ириней также былъ пуристомъ и дѣлалъ строгій выборъ между вещами и явленіями, какими владѣла его память и какими можно было пользоваться для уясненія и большаго напечатлѣнія въ памяти слушателей извѣстныхъ нравственныхъ принциповъ. Вы у него

встрѣтите ссылку на лѣтописи, найдете указанія на пожертвованія Минина и раны Пожарскаго, на доблести воиновъ Игоря и воиновъ Петра, Екатерины, Павла и Александра; но все это въ тѣхъ только его проповѣдяхъ, которыя онъ говорилъ не только какъ пастырь, а и какъ гражданинъ Россіи, да и здѣсь, когда слово начинаетъ говорить не гражданскому только чувству, но вмѣстѣ и религіозному, изъ возбужденнаго патріотическаго тона оно тотчасъ-же переходитъ въ спокойное назидательное разсужденіе.

Въ нѣкоторыхъ проповѣдяхъ преосв. Иринея встрѣчаются выдержки изъ твореній отцовъ церкви или только ссылки на нихъ, свидѣтельствующія о его глубокомъ знакомствѣ съ отеческою литературою; но такія свидѣтельства употребляются имъ только тогда, когда слово его или касалось малоизвѣстнаго преданія, или представляло истину, могущую возбуждать сомнѣнія и не сильную съ разу склонить слушателя къ убѣжденію.

Что касается языка проповѣдей преосв. Иринея, особенно написанныхъ имъ до полученія епископскаго сана, то въ этомъ отношеніи Ириней можетъ быть поставленъ въ числѣ лучшихъ представителей чистой литературной русской рѣчи между писателями конца прошлаго и первой четверти настоящаго столѣтія. Въ языкѣ его проповѣдей замѣтно полное отрѣшеніе отъ церковно-славянскихъ формъ [1]); въ немъ нѣтъ и тѣни какой-либо грубости, вульгарности; вы не найдете въ немъ словъ иностранныхъ, такъ обыкновенныхъ у предшествовавшихъ и современныхъ Иринею проповѣдниковъ, ни архаизмовъ, за которые упорно стояла партія противниковъ карамзинскаго слога, ни даже словъ южнорусскихъ и польскихъ, которыми испещренъ языкъ южно-русскихъ проповѣдниковъ XVIII вѣка. Тѣмъ не менѣе складъ рѣчи Иринея вообще тяжелый и больше походитъ на строй рѣчи латинской, чѣмъ русской. Это условливалось не только тѣмъ, что онъ воспитанъ былъ на языкахъ древнихъ и постоянно обращался съ книгами латинскими, греческими и церковно-славянскими, но отчасти особымъ складомъ его

---

[1]) Исключеніе представляетъ *первое* слово къ чигиринской паствѣ (въ субб. 1-ю поста, декар. 1807 г., см. ркп. кіево-соф. соб., № 277), написанное на *славянскомъ* языкѣ.

мысли и тономъ рѣчи всегда спокойной, холодной и рѣдко оживленной движеніемъ чувства Изъ тона спокойнаго разсужденіяИриней почти никогда не выходитъ въ своихъ проповѣдяхъ; и потому нѣтъ у него живыхъ ораторскихъ оборотовъ, мало пламенныхъ восклицаній и обращеній, нельзя указать искуственнаго извитія слова, разчитаннаго на то, чтобы понравиться слушателямъ и произвесть на нихъ особенное впечатлѣніе. Только иногда возвышается немного ровное, спокойное его слово и проповѣдникъ теплою молитвою заканчиваетъ свою бесѣду.

X.

Мы прослѣдили всю жизнь преосв. Иринея Фальковскаго, начиная съ дня его рожденія и до послѣднихъ лѣтъ его службы, обозрѣли съ большею или меньшею подробностію всѣ стороны его продолжительной и разнообразной дѣятельности, и какъ ни много въ общей массѣ собрано нами о немъ данныхъ, трудно по нимъ начертить живой, цѣльный его образъ. Это потому, быть можетъ, что все въ немъ оригинально и не подходитъ подъ общепринятыя мѣрки представленій о дѣятеляхъ историческихъ и людяхъ обыкновенныхъ. Оригинальна его родословная и происхожденіе, оригинально все его обученіе и воспитаніе, первые годы его службы и принятіе монашества, столкновеніе съ митр. Іерофеемъ, вся профессорская и ректорская служба, первые годы епископства, едва не закончившіеся схимой, возвращеніе на викаріатство послѣ самостоятельной каѳедры, исключительное его положеніе на прежнемъ мѣстѣ викарія и самый этотъ титулъ коадъютора, исключительно для него придуманный и не бывшій пустымъ титуломъ. Оригиналенъ складъ его ума, оригинальны его воззрѣнія по самымъ важнымъ и даже мелочнымъ вопросамъ, оригинальна вся его жизнь и самая обстановка жизни, а его трудолюбіе и плодовитость положительно феноменальны. Ничего въ немъ геніальнаго, это просто талантъ, но талантъ удивительно разносторонній. И если Богъ далъ ему талантъ, то онъ пріобрѣлъ на него десять талантъ. Живой, обыкновенный человѣкъ рано въ немъ похороненъ,—вмѣсто него жилъ человѣкъ возрожденный и одухотворенный аскетизмомъ; но во всякомъ новомъ своемъ положеніи онъ создаетъ для себя особую

форму жизни. О родныхъ онъ не упоминаетъ, друзей и людей близкихъ онъ по видимому совсѣмъ не имѣлъ; но всюду ищетъ онъ человѣка и дѣлаетъ для него добро, не оставляя для себя почти ничего. Когда онъ умеръ, отъ него, при его питаніи кашицей, осталось лишь около двухъ тысячъ ассигнаціями и ни одной цѣнной вещи, кромѣ массы книгъ. Когда не удалось ему изданіе его проповѣдей, онъ посылаетъ въ чигиринское духовное правленіе своеручно писанный сборникъ и деньги для переписки онаго и передачи въ кресто-воздвиженскую церковь [1]). Разъ правленіе михайловскаго монастыря постановило купить для выѣздовъ его цугъ въ 6-ть лошадей;—онъ отвѣчалъ: „сей цугъ могъ-бы быть надобенъ развѣ для моего преемника, я-же, въ случаѣ крайней какой надобности, могу выѣзжать и одною парою какихъ нибудь лошадей?“ [2]). Обыкновенныхъ знакомствъ не только съ свѣтскими лицами, но и съ кѣмъ-бы то ни былоИриней не водилъ никогда; его сношенія могли быть только дѣловыя и служебныя. Консисторіи онъ, по видимому, не долюбливалъ, судя по тону нѣкоторыхъ его отвѣтовъ. Въ ней засѣдали тогда преимущественно архимандриты и игумены кіевскихъ монастырей, а въ канцеляріи царило великое взяточничество. Во время одной изъ своихъ поѣздокъ въ чигиринскую свою паству, преосв.Ириней, при выходѣ изъ какой-то церкви, остановился предъ картиной страшнаго суда, на которой въ числѣ грѣшниковъ, идущихъ въ адъ, нарисованы были и лица иноческаго чина и міряне не простаго званія. Указывая на картину, преосвященный спросилъ стоявшаго здѣсь дьячка: что это? Простодушный дьячекъ не затруднился отвѣчать: „Кіевская дикастерія“.Ириней прослезился и прекратилъ дальнѣйшее испытаніе. Въ отношеніяхъ его къ начальствовавшимъ надъ нимъ владыкамъ едва слабыми штрихами отмѣчены расположеніе и покровительство митр. Самуила, гнѣвъ и прощеніе митр. Іероѳея, отсутствіе неладовъ съ митр. Серапіономъ и полное отчужденіе отъ митр. Евгенія. Послѣдній не менѣе Иринея славился умомъ и ученостію, а между такими лицами въ нашей іерархіи рѣдко существовали добрыя отношенія и примѣровъ на то можно-бы

---

[1]) Арх. кіево-мих. мон. «Докл. р.» еп. дѣлъ № 354.

[2]) Ibid. «Докл. р.» мон. дѣлъ № 6.

привести не мало [1]). Не лишено значенія, что ни въ обширномъ „Дневникѣ“ митр. Серапіона, ни въ уцѣлѣвшихъ бумагахъ митр. Евгенія не находится замѣтокъ, характеризующихъ ближайшаго ихъ соправителя. Остался единственный отзывъ о немъ современника, притомъ свѣтскаго и знатнаго лица, именно кн. И. М. Долгорукаго, отзывъ не сочувственный, основанный па мимолетномъ внѣшнемъ впечатлѣніи, но прибавляющій нѣкоторыя новыя черты къ тому, что намъ извѣстно объ Иринеѣ. Приводимъ оный дословно.

„Въ этомъ (кіево-златоверхо-михайловскомъ) монастырѣ живетъ викарій митрополита кіевскаго, епископъ чигиринскій, Ириней: я любопытствовалъ видѣть его въ служеніи. Онъ уже не молодъ (писано въ 1810 г.) и отправляетъ званіе свое *безъ всякой сановитости*; нѣтъ въ немъ *ни величія, ни пріятной простоты.* Онъ не ходитъ, а бѣгаетъ; движенія его всѣ отмѣнно скоры; рѣдко смотритъ вверхъ или по сторонамъ; всегда взоръ его потупленъ въ землю, даже и тогда, какъ осѣняетъ свѣчами. Всякое воскресенье онъ *поетъ обѣдню* (?) и *вмѣсто проповѣди онъ толкуетъ апостольскія посланія съ амвона всенародно.* Ни слово его, ни обращеніе не плѣняетъ. Я входилъ къ нему въ келію: *пріемъ принужденный, бесѣда пустая. Говорятъ, что онъ очень ученъ; и такъ видно, что онъ не хотѣлъ предъ нами разсыпать своихъ умственныхъ сокровищъ*“ [2]).

Годы шли за годами, замѣтно налагая печать старчества на преосв. Иринея. Но онъ по прежнему весь отдавался своимъ занятіямъ. Сравнительнымъ отдыхомъ онъ пользовался только въ воскре-

[1]) Когда митр. Евгеній, какъ гласитъ, преданіе, возвратилъ Иринею присланный ему этимъ послѣднимъ въ день именинъ Евгенія кулекъ винъ, съ намекомъ на одолѣвавшую когда-то его страсть, Ириней перестал являться къ нему по дѣламъ и сносился съ нимъ письменно. Когда наступилъ въ михайловскомъ монастырѣ храмовой праздникъ и пріѣхалъ митрополитъ для служенія, Ириней не вышелъ къ нему, не принялъ его и послѣ обѣдни, сказавшись больнымъ. Въ день именинъ своихъ онъ снова не принялъ Евгенія, пріѣзжавшаго съ поздравленіемъ; не принялъ и тогда, когда тотъ заѣхалъ къ нему проститься предъ отъѣздомъ въ Петербургъ.

[2]) См. «Чтенія въ имп. общ. ист. и древн. рос.» 1869 г., кн. III, стр. 274: «*Славны бубны за горами или путешествіе кое-куда 1810 г.*»

сные и праздничные дни, оставляя въ эти дни—да и то лишь на закатѣ жизни своей—всякое дѣлопроизводство по монастырю и епархіи [1]). Все-же остальное время онъ по прежнему проводилъ въ непрестанныхъ занятіяхъ, живя буквально *безвыходно* въ кіево-михайловскомъ монастырѣ. По словамъ старожиловъ, преосв. Ириней, подъ конецъ жизни, не только нигдѣ внѣ монастыря не появлялся, ни на какихъ торжествахъ и празденствахъ не участвовалъ, а и перестаъ бывать даже у митрополита.

Но постоянные труды и добровольныя лишенія не совсѣмъ благопріятно отзывались на слабомъ и безъ того здоровьѣ преосвященнаго. Еще въ 1815 году онъ отказался отъ участія въ торжественномъ благодарственномъ молебствіи „о успѣхахъ оружія союзныхъ войскъ и о занятіи оными французской столицы", отказался и навсегда отъ подобныхъ церемоній и служеній, „ради непрестанныхъ въ пользу двухъ епархій—кіевской и черниговской, священнослуженій и чувствуя непрестанное силъ своихъ изнуреніе" [2]). Впослѣдствіи-же времени здоровье его совершенно разстроилось. 26 апрѣля 1823 года самимъ Иринеемъ подписана и внесена въ „реестръ" послѣдняя бумага [3]). Слѣдующіе два дня онъ совсѣмъ уже не могъ заниматься дѣлами.

Было воскресенье 29 апрѣля 1823 года. Въ домовой архіерейской церкви шла ранняя обѣдня. Преосвященный Ириней сидѣлъ въ своихъ покояхъ и въ 814-й разъ прочитывалъ „Чинъ присяги архіерейскія", сдѣлавши объ этомъ на ней собственноручную отмѣтку. Во время чтенія Евангелія еще слышны были шаги преосвященнаго. Но послѣ обѣдни его нашли сидящимъ надъ раскрытою библіею безъ всякихъ признаковъ жизни. Въ два часа по-полудни собралось духовенство; останки преосвященнаго были сняты со стула, перенесены въ домовую церковь и, послѣ обычнаго помазанія елеемъ, положены здѣсь во всемъ архіерейскомъ облаченіи. Въ 10 часовъ утра 30 апрѣля покойника перенесли въ большую церковь, въ придѣлъ св. великомуч. Екатерины; а 1 мая, послѣ совершенія

---

[1]) См. Арх. кіево-мих. мон. «Докл. р.» мон. дѣлъ 1821 г. № 54.

[2]) Арх. кіево-мих. мон. «Докл. р.» мон. дѣлъ № 86; ср. ibid. «Докл. р.» еп. дѣлъ 1815 г. № 328.

[3]) № 70.

литургіи и отпѣванія панихиды, онъ погребенъ былъ митр. Евгеніемъ по срединѣ придѣла [1]). Впослѣдствіи, на аркѣ по завѣщанію усопшаго написано было изображеніе святителя Иринея лугдунскаго (имя котораго принялъ Фальковскій въ монашествѣ), представлявшее собою портретъ самаго преосвященнаго [2]). Нѣсколько повыше находятся три иконы, принесенныя въ даръ благодарнымъ преосв. *Александромъ Павловичемъ* [3]), предъ которыми горитъ неугасимая лампада.

Такъ скончался преосв. Ириней Фальковскій на 61 году жизни. Духовенство кіевской епархіи въ рѣдкихъ представителяхъ того времени и теперь еще хранитъ благодарную и свѣтлую память объ немъ, а въ братіи кіево-михайловскаго монастыря живетъ убѣжденіе въ нетлѣніи его тѣла. Упомянутый нами выше старецъ Тихонъ Цариковскій сообщалъ намъ, что даже въ самый день погребенія Иринея онъ не только не показывалъ никакихъ признаковъ разложенія, но, напротивъ, всѣ члены его обладали почти такою-же мягкостію, какъ и члены живаго человѣка.

Георгій Булашевъ.

---

[1]) См. запись на «Чинѣ присяги архіерейскія», хранящемся въ библіотекѣ кіево-михайловскаго монастыря подъ № 241. Это мѣсто для своего погребенія, говорятъ, назначилъ самъ преосв. Ириней, когда заходилъ посмотрѣть на работы по обновленію придѣла (въ 1820 г.)

[2]) См. объ этомъ въ эпитафіи его. Впослѣдствіи святитель Мелетій *Леонтовичъ*, имѣвшій весьма много внѣшняго сходства съ преосв. Иринеемъ, велѣлъ нѣсколько передѣлать этотъ портретъ (см. «Кіевск. Епарх. Вѣд.» 1879 г., іюль). Другой портретъ преосв. Иринея можно видѣть въ конгрегаціонной залѣ кіевской духовной академіи на лѣвой сторонѣ отъ входа.

[3]) Преосв. Александръ въ дѣтскіе годы держалъ книгу при служеніяхъ преосв. Иринея и былъ однимъ изъ лучшихъ и любимѣйшихъ имъ воспитанниковъ извѣстной уже намъ «русской школы» михайловскаго монастыря. Впослѣдствіи онъ былъ рукоположенъ (15 іюня 1820 г.) преосв. Иринеемъ во священники, а овдовѣвъ, поступилъ въ полкъ, былъ архимандритомъ соловецкаго монастыря и епископомъ архангельскимъ и полтавскимъ. Во время пребыванія своего въ Кіевѣ на покоѣ онъ часто посѣщалъ гробницу преосв. Иринея и служилъ по немъ панихиды. По его-же вкладу ежегодно 15 іюня совершается здѣсь заупокойная литургія и панихида.

Два документа о хозяйствѣ кіевскихъ монастырей въ половинѣ XVIII ст.

Два печатаемые ниже акта достались намъ изъ совершенно различныхъ источниковъ и касаются хозяйственнаго управленія двухъ отдѣльныхъ монастырей; но оба относятся къ одной и той-же мѣстности.

Одинъ изъ этихъ документовъ полученъ нами отъ священника м. Триполья о. Семперовича и касается условій землевладѣнія въ имѣніи каѳедры кіевской митрополіи (м. Триполья, кіевской губерніи и уѣзда). Нынѣшній кіево-софійскій соборъ былъ тогда не только каѳедрой митрополита, но вмѣстѣ и монастыремъ, и духовный соборъ или совѣтъ монастыря велъ хозяйство такъ называемыхъ каѳедральныхъ имѣній, дававшихъ средства къ содержанію братія и поддержанію достоинства первосвятительскаго сана митрополитовъ кіевскихъ.

Какъ видно изъ этого документа, власть митрополичья не измѣняетъ и не ограничиваетъ того общаго коллегіальнаго управленія имѣніями, какимъ пользовались и прочіе монастыри, хотя имѣнія здѣсь считались спеціально „митрополитанскими"; митрополиту принадлежитъ лишь высшее наблюденіе и санкція постановленій и дѣйствій монастырскаго управленія. Мы отмѣчаемъ эту сторону въ документѣ лишь въ виду другихъ историческихъ фактовъ ревниваго обереганія монастырями своей автономіи въ имущественномъ отношенія отъ вліянія митрополичьей власти. Большій интересъ предлагаемый документъ представляетъ въ другомъ отношеніи, какъ примѣръ чиншеваго владѣнія въ митрополичьихъ имѣніяхъ, правда, какъ-бы случайнаго, еще не опредѣлившагося, но видимо поощряемаго и желательнаго, а потому и льготнаго, и какъ указаніе на нѣкоторыя особенныя повинности митропо-

личьихъ и вмѣстѣ монастырскихъ подданныхъ, равно нѣкоторые государственные платежи и налоги.

Крестьянинъ деревни Веремья, принадлежавшей каѳедрѣ митрополичьей, Яковъ Богатыренко, пользовавшійся тамъ пахатною и сѣнокосною землею и отбывавшій, конечно, за это общія повинности монастырскихъ подданныхъ, пожелалъ эксплоатировать предоставленную ему землю еще иными двумя способами, устроилъ на ней „два млинка со ступами и винокурию на два котла". Одинъ изъ млинковъ устроенъ былъ имъ раньше, при митрополитѣ Рафаилѣ Забаровскомъ, но документъ на право пользованія имъ гдѣ-то затерянъ,—другой млинокъ и винницу онъ устроилъ теперь, и проситъ закрѣпить за нимъ и его родомъ эти статьи доходовъ, равно опредѣлить его обязательства по нимъ предъ монастыремъ. Видно, что такая эксплоатація была еще дѣломъ отчасти новымъ. Соборъ собираетъ справки и, съ утвержденія митрополита, удовлетворяетъ просьбу Богатыренка, освобождая его, какъ чиншевика, отъ повинностей общихъ для другихъ „подданныхъ". Замѣтимъ при этомъ, что митрополитъ Тимоѳей Щербатскій, утверждавшій опредѣленіе собора о Богатыренкѣ, былъ сыномъ одного изъ тѣхъ-же подданныхъ и даже той-же деревни Веремья. Отмѣтимъ также, что управлявшіе монастырскими имѣніями назывались *городничими*,—титулъ менѣе громкій, чѣмъ *губернаторы* въ польскихъ имѣніяхъ.

Другой документъ представляетъ подробную инструкцію *собора* кіево-выдубицкаго монастыря своимъ „городничимъ". Въ этой инструкціи указывается не только порядокъ веденія монастырскаго хозяйства, но также и тѣ случаи, въ которыхъ отецъ городничій долженъ былъ испрашивать разрѣшенія собора. Время составленія этой инструкціи не обозначено,—во всякомъ случаѣ она не позже половины XVIII вѣка. Рукопись ея отыскана случайно въ селѣ Безрадичахъ, кіевскаго уѣзда, покойнымъ П. И. Ревякинымъ, на чердакѣ у неграмотнаго крестьянина Семена Паламарчука, отецъ котораго состоялъ нѣкогда въ Печерскомъ монастырѣ, въ должности „кухаря", во времена архимандрита Зосимы (т. е. Валькевича, 1762—1786). Безрадичи были тоже имѣніемъ печерскимъ, и по этой-то связи инструкція была занесена туда грамотнымъ старикомъ, вполнѣ предавшимся хозяйству. Но первоначаль-

ное составленіе „Наказа“ должно быть отнесено къ болѣе древнему времени, такъ какъ въ языкѣ замѣтны слѣды подновленій.

Мы не будемъ разсматривать инструкціи съ ея, такъ сказать, спеціально технической стороны. Предоставляемъ знакомымъ съ сельскимъ хозяйствомъ читателямъ оцѣнить эту массу правилъ и наставленій,—плодъ, безъ сомнѣнія, вѣковой народно-хозяйственной мудрости. Намъ гораздо важнѣе отмѣтить въ ней черты отношеній монастыря къ своимъ „подданнымъ“. Монастырь, регламентируя до мельчайшихъ подробностей хозяйственную дѣятельность своего городничаго, предписываетъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ и образъ поведенія въ отношеніи крестьянъ, который-бы, не унижая его достоинства, не давалъ-бы также простора корыстнымъ побужденіямъ или угнетенію подданныхъ. Такъ, городничій не долженъ входить съ крестьянами въ неприличную близость, „не засѣдати зъ подданными и не упиватися“; но въ дѣлахъ хозяйственныхъ не только можетъ, а и обязанъ обращаться къ нимъ за совѣтами, въ случаѣ недостатка собственной опытности. Входить съ крестьянами въ товарищество по обработкѣ земли городничему запрещается, равно какъ и заниматься скупкою у нихъ хлѣба, „бо то есть подозрительно“; запрещается также заводить отъ себя шинки или какіе-либо промыслы; мѣры предписывается держать „справедливыя“. Повинности крестьянъ состояли въ денежныхъ платежахъ, „чиншѣ“ и барщиной работѣ,—но къ сожалѣнію размѣръ ихъ не указанъ, также какъ и крестьянскихъ надѣловъ; кромѣ послѣднихъ, крестьяне могли брать для посѣвовъ пустоши, съ которыхъ монастырь получалъ третью часть урожая или *по уговору*. По упоминанію о самыхъ разнообразныхъ хозяйственныхъ работахъ,—такъ какъ монастыри старались эксплоатировать по возможности всѣ силы имѣнія,—можно полагать, что барщина была у нихъ нелегка; но съ другой стороны въ „Наказѣ“ всего замѣтнѣе стремленіе къ устраненію произвола, а это было едвали не найболѣе важнымъ преимуществомъ здѣшнихъ порядковъ передъ обычнымъ тогда управленіемъ въ имѣніяхъ частныхъ; монастырь даже не даетъ своему городничему права суда и расправы, какимъ пользовался каждый „экономъ“ въ имѣніяхъ частныхъ. Рядомъ съ Трипольемъ и Безрадичами, на польской сторонѣ, всякій губернаторъ и даже арендаторъ имѣлъ право жизни и смерти надъ крестьяниномъ,

тутъ-же монастырь не мечтаетъ даже удержать не желающихъ остаться въ подданствѣ и желаетъ лишь того, чтобы они не оставляли своихъ полей незасѣянными, а въ такомъ обстоятельствѣ видитъ только признакъ скораго ухода „зъ подданства".

Вообще можно полагать, что положеніе крестьянъ монастырскихъ было легче, чѣмъ у большинства частныхъ владѣльцевъ: у послѣднихъ крестьянинъ зависѣлъ только отъ *личнаго* усмотрѣнія, тогда какъ здѣсь управляла коллегія, и злоупотребленія кого-либо изъ ея членовъ прямо нарушали выгоды всѣхъ остальныхъ, уменьшая цѣнность имѣнія. Монастырь, какъ лицо юридическое, не умирающее, не могъ не дорожить поддержаніемъ и прочнымъ увеличеніемъ доходности имѣній, а она прямо зависѣла отъ развитія благосостоянія крестьянъ.

Но, понятно, фактическое выясненіе положенія крестьянъ монастырей требуетъ изданія, по возможности, большаго числа документовъ, въ родѣ помѣщаемыхъ здѣсь.

Наказъ Кіево-каѳедральнаго собора управляющимъ трипольскимъ имѣніемъ.

По указу великаго господина, ясне въ Богу преосвященнѣйшаго киръ Тимоѳея Щербацкаго, архіепископа, митрополита кіевскаго, галицкаго и Малыя Россіи, отца и архипастыря нашего, изъ священно-духовной каѳедры митрополіи кіевскія собора, всечестному іеромонаху Михаилу городничему и честному іеродіакону Семеону шафару трипольскимъ

ПРЕДЛАГАЕТСЯ.

1751 года мая 4 дня поданнаго ясне въ Богу преосвященнѣйшему господину, киръ Тимоѳею Щербацкому, архіепископу, митрополиту кіевскому, галицкому и Малыя Россіи, отцу и архипастырю нашему, отъ подданнаго деревни Веремья, Якова Богатыренка, настоящаго 1751 года, марта 14 дня, доношенія, соборная братія слушали, въ которомъ дополненіи онъ, Яковъ Богатыренко, представлялъ, что де по дозволенію катедральному угатилъ онъ, Богатыренко, на рѣкѣ Бобрицѣ своимъ собственнымъ коштомъ двѣ гребельки—одну выше, а другую ниже двора, и что выше двора, на той отъ 1741 года, по дозволенію свято-усопшаго преосвященнѣйшаго Рафаила Заборовскаго, построилъ онъ млинокъ о единомъ каменя и ступнику и винокурню на два котли, и отъ того года по ежегодно уплачиваетъ въ катедру, уволенъ будучи отъ всякой панщины и прочихъ подданническихъ работъ, и за мли-

нокъ, безъ всякаго борошна взятку, чиншовыхъ по 5 руб. денегъ, а за котли два по четире рубля, о чемъ и контрактъ ему, Богатыренку, былъ съ катедры выдавъ, да прошлаго же 1750 года, по дозволенію катедральному, и на другой гребельцѣ, ниже двора, построилъ онъ млинокъ о единомъ камени и ступнику, контракта же на оной еще даннаго не имѣетъ, да и прежде даняой контрактъ, невѣдомо какимъ случаемъ, въ дому затерялъ, и просилъ онъ, Богатыренко, какъ за жизни преосвященнѣйшаго Рафаила отъ всякихъ подданническихъ повинностей, шарварковъ весняныхъ и осеннихъ, заорковъ, оборковъ, закосковъ, обкосковъ, зажинковъ и обжинковъ былъ уволенъ и уплачивалъ едними только деньгами за млинокъ и за чинщъ по пяти рублей, а отъ казана по два рубли, такъ и нынѣ на томъ основаніи, причисливши къ тому и другой его млинокъ, ему жить и за все уплачивать, по усмотрѣнію преосвященнѣйшаго архипастыря нашего, государевы же указные, консистенскіе и другіе дачи взимано бъ отъ него, якъ и отъ прочихъ подданныхъ трипольскихъ, тяглыхъ, мало промышленныхъ, безъ излишества, и при подтвержденіи архипастырскомъ, не до волѣ катедральной, но навсегда ему, Богатыренку, и потомъ будущимъ дѣтямъ, или свойственнымъ его близкимъ, на владѣніе всѣхъ угодій концесъ выдать. На которомъ доношеніи состоялась высоко повелѣнная архипастырская помѣта такова: »во священно-духовномъ катедральномъ нашомъ соборѣ надлежащее разсмотрѣніе и опредѣленіе, со мнѣніемъ на сіе прошеніе, учинивъ, некоснительно намъ предложить для вѣдома и особливой корфирмаціи». По которой высокоповажной помѣтѣ предложено было ордеромъ къ всечестности вашей справку учинить, на якомъ окладѣ подданные трипольскіе содержатъ мельницы, и по оному ордеру всечестность ваша учиня съ подданными трипольскаго уѣзда справку, почему кто держитъ млинокъ и сколько чиншу въ катедру по ежегодно за млинки уплачиваетъ, репортомъ представили, что де жители трипольскіе Леонтій Тимченко, да Павелъ Лѣтковскій за одну мельницу о двухъ колахъ уплачиваютъ едними деньгами отъ кола по таляру, Иванъ Хвилоненко и Мойсей Пилипенко и прочіе даютъ всегда половинную часть размѣру, а Марія Выхристка и кіевская жителька дячиха уплачиваютъ чиншовыхъ денегъ и за млинки едними деньгами только по шести рублей; того ради зъ согласного соборной катедральной братіи приговора, на которомъ преосвященнѣйшаго архипастыря нашего высокоповажная помѣта состоялась такова: «быть по сему приговору неотмѣнно. Архіерейско подтверждаемъ». По высокоповажной архипастырской таковой помѣтѣ въ священно-духовномъ катедральномъ соборѣ опредѣлено: симъ откровеннимъ ордеромъ вамъ съ притвержденіемъ нижеслѣдующее объявить, чтобъ ему, Якову Богатыренку, якъ еще за жизни преосвященнѣйшаго архіепископа, митрополита кіевскаго, господина Рафаила Заборовскаго и всей соборной братіи опредѣленными, пахатными и сѣнокосными, и оными Богатыренкомъ распаханными полями и устроенными угодіями, тако-жъ и выше двора здавна зделанымъ собственнымъ его коштомъ о двохъ ступномъ и каменномъ колахъ на рѣчцѣ

Бобрицѣ всѣмъ млинокъ живучи на чиншѣ, владѣлъ и уплачивалъ за все пять рублей, такъ и нынѣ владѣть свободно и якъ всечестность ваша, такъ и послѣжде имѣющіе быть трипольскаго уѣзду городничіе, ни къ какимъ подданическимъ повинностямъ и шарваркамъ, всеснянимъ и осеннимъ, заоркамъ и оборкамъ, зажинкамъ и обжинкамъ, закоскамъ и обкоскамъ и ни къ единымъ складкамъ, кромѣ государевыхъ общенародныхъ, и ни какихъ прочіихъ указныхъ, не въ образецъ прочимъ подданнымъ, его Якова Богатыренка не привлекалъ-бы и въ случающихся подъ ездоковъ подводы лошадей и воловъ съ него Богатыренка не взимать, онъ-же Яковъ Богатыренко за таковое увольненіе за оной весь млинокъ по ежегодно въ катедру едиными деньгами пять рублей уплачивалъ бы; 2-е, за вновь о двухъ колахъ устроенные ниже двора млинокъ, имія его въ безпрепятственномъ своемъ владѣніи, уплачивать онъ Богатыренко въ категру ежегодно долженъ, какъ и трипольскіе жители Лѣтковскій и Тимченко, отъ кола по талеру; 3-е, имѣть ему винокурню на два котля и когда на оные котли горѣлку будетъ курить, то по всегодно уплачивать въ катедру по два рубли отъ котла, за квитанціями, всенепремѣнно долженъ, а выробленную горѣлку кухвами, боченками и большими барилами, кому гдѣ случится, трипольскаго завѣдомомъ Шафара, какъ и прочіе трипольскаго уѣзду показанщики, продавать свободно; ведерками-же и квартами въ маетностяхъ катедральныхъ горѣлки продавать всячески запрещается; 4-е, отъ казановъ зборщикамъ—показанщику и покуховщику уплачивать ему Богатыренку самому отъ себя и государевы консистенскіе дачи отдавать противъ статьи написанной при сочиненіи ревизія, по обыкновенію, безъ излишества. По таковомъ-же священно-духовнаго катедральнаго собора утвержденіи ему Якову Богатыренку и на томъ грунтѣ дѣтямъ и внукамъ или близкимъ сродникамъ владѣть всѣми угодіями сѣнокосными и пахатными полями свободно, владѣть и на свои корысти, якъ хотя, употреблять; и буди похощетъ онъ, Яковъ Богатыренко, и по немъ наслѣдники при дворѣ устроенный имъ два млинки и протчее строеніе кому трипольскаго уѣзда съ подданныхъ катедральныхъ за деньги продать, за вѣдомомъ преосвященнѣйшаго архипастыря и священно-духовнаго катедральнаго собора, дозволяется: только-бы онъ, Богатыренко, или по немъ имѣющіе остаться наслѣдники о добровольной своей продажи, съ представленіемъ охотнаго купца, доношеніемъ въ катедру обявили, а оное дозволеніе катедральное ниже подданнымъ катедральнымъ ни подъ какимъ видомъ продавать или въ замѣну давать отнюдь не дерзали-бъ, подъ лишеніемъ всего имущества запрещается; всечестность ваша и потомъ имѣющіе быть трипольскаго уѣзду городничіе какъ прочихъ катедральныхъ подданныхъ, такъ и его Богатыренка отъ случающихся нападковъ охранять; ихъ обидамъ и другимъ начальничимъ озлобленіямъ и по немъ дѣтей, внуковъ и близкихъ наслѣдниковъ не допускать и въ особливомъ респектѣ и милости содержать должны-же, о бываемыхъ-же винностяхъ вѣрно и обстоятельно разсмотрѣвши безъ посягательства въ священно-духовной соборъ доносить, а маловажные безъ обидно

рѣшать, всечестному іеромонаху Михаилу городничему и честному іеродіакону Симеону шафару, о всемъ выше писанномъ вѣдая, чинить непремѣнное исполненіе и ради неотмѣннаго впредь по сему дѣйствія и знанія, снять вамъ точныя съ сего копіи, и подлинное сіе съ священно-духовнаго катедральнаго собора данное, за подписаніемъ рукъ и при катедральной печати, дозволеніе ему, Якову Богатыренку, и по немъ наслѣдственно дѣтямъ, внукамъ и близкимъ свойственнымъ въ свободное и спокойное владѣніе всѣми принадлежащими тому его Якова Богатыренка двору грунтами и угодіями въ защищеніи для содержанія отдать непремѣнно. Данъ въ катедрѣ 1751 года мая 31 дня.

На подлинномъ подписались: Катедральный писарь іеромонахъ Досифей, архидіаконъ Манасей, іеромонахъ Пахомій, іеромонахъ Филаретъ уставщикъ, іеромонахъ Іосифъ еклисіархъ.

По листамъ скрепилъ катедральный свято-софійскаго монастыря соборный писарь, іеродіаконъ Наркисъ.

Наказъ управляющимъ имѣніями Выдубицкаго монастыря.

Наказъ кіево-выдубецкаго свято-михайлова монастыря прикажчикамъ, или правителямъ, или городничымъ, чего имъ, будучи при своихъ званіяхъ, смотрѣть.

I. Прикажчики по вотчинамъ искусныи и въ господарствѣ должны знать, когдэ орать и когда сѣять. Опредѣленніи къ господарскимъ дѣламъ пристави и надзиратели должны быть у нихъ вѣрніи и исправніи.

Прикажчики, гдѣ кто учрежденъ, должны знать всѣ владѣнія монастирскія и оному крѣпостнии граници и урочища и оніи объѣздить съ тамошними монатастирскими подданними, а о неизвѣстнихъ вывѣдивать, и времени ко сѣвбамъ и къ заводу иныхъ господарствъ не упущать. Должны они земли всѣ монастирскія и монастирскихъ подданнихъ вѣдати и, чтоби они въ пустошахъ не были, стараться.

Прикажчики, когда сами до земли не знаються, должны спрашиватися и совѣтоватися, что гдѣ сѣять; всякое пашеное насѣння преждѣ сѣвьбы испитивать, чи можеть оно проростать.

Досматривать, чтобъ справедливо пашню гуменій на карби карбовалъ.

Досматривать, чтобъ релю добре выправлено, безъ упущенія времени сѣяно, луки низко кошено, сѣно добре гребено и кладено, пашню заблаговременно своженo до гумнъ, въ полѣ не крадено, скотомъ на нивахъ и въ полѣ не травлено, заблаговременно и добре молочено, солому и полову собирано и прятано.
Карби гуменніи осѣянніи, солодовіи и броварніи щобъ въ порядкѣ были: карбъ одинъ чтобъ былъ у прикажчика, а другій у гуменнаго.

Зъ подданими не должно засѣдать, а ни съ ними упиваться. Мѣри справедливыи для мѣрянія пашни имѣть должно.

Зъ подданними въ половину сѣвьби не входити. Пустошей подданическихъ и монастырскихъ прикажчику на себе не засѣвати.

За уменшеніе панщины подарковъ не брать.

Для подарковъ подданнимъ чиншовъ на дальшее время не откладать.

На себе шинковъ употреблять и промысловъ дѣлать не должно.

Смотрѣть, чтобъ подданніи засѣвали свои роли для того, что когда не засѣваютъ, готовятся исходить зъ подданства.

Въ книгу записывать по именамъ всѣхъ подданнихъ, якій когда якую панщину отбувавъ и на якой работѣ былъ.

Пасѣки всегда по вотчинамъ, гдѣ только можно разводить, и содержать въ порядкѣ.

У подданнихъ для своей корысти пашни не покупать, бо то есть подозрительно.

Пашню завременно вымолочивать.

Пашню, если-бъ була продажная, на торгъ подъ мѣрою вывозить.

Чиншъ отъ подданнихъ въ опредѣленное годовое время отбирать, а при томъ надъ урѣченній чиншъ себе ничого не брать.

Пустоши засѣвающія подданніи монастырскіи должни отдавать на монастырь третое, или по уговору.

Зъ скопа волни полтора фунта, зъ овци фунтъ, зъ ягняти полфунта волни брать.

Зъ четырехъ гусей брать фунтъ перья, каждую три раза въ лѣто подскубуючи.

Зимою, въ дни короткіи, борошно за доброи дороги подводами припровожать въ монастырь.

А пѣшихъ подданнихъ, не имѣющихъ коней, ни воловъ, зимою, въ дни короткіи, до роботи въ гумнахъ употребляти, а при томъ, въ тижъ короткіи дни, и заготовлять всякіи вити.

Въ тіижъ дни, за краткость оныхъ, подданнихъ употреблять къ заготовленію въ способнихъ лісахъ дерева на строеніе и дрова на опалъ, и березове, ольхове, и осиновe дерево чтобъ схло, не скоро гнило, на исходя мѣсяця, а соснове, хвоіове, ялинове дерево по першему снѣгу, и тую деревню тамъ же складовать, а когда станутъ большіе дни, за доброи дороги вывозить; а если тогда вивезти за чимъ будетъ не можно, то въ лѣтѣ въ непогодніи дни вывозить. Въ тіижъ дни вечерами загадывать работникамъ, при дворѣ находящимся, вить веревки, робить рибніи сѣти и протчое, кто что можетъ.

II. На исходи зими заготовить дрова на бороны, и тое дерево, то есть голлѣ, суччѣ, въ настатѣ мѣсяця рубить на бороны. Бороны, до твердои глееватои роли или до новины употребляеми, должни зъ крѣпкихъ голлей или зъ суковъ быть сдѣлани, а доски при сукахъ должны имѣть полтретья локтя въ должъ, а

дощокъ такихъ же зъ шестьнадцять въ одну борону должно быть связано. Такоя борони пальци каждаго тыждня должно заострявать, а зъ суковъ здѣланніи що разъ надобно въ воду намочовати, то моцнѣйшіи будутъ и не поломляться.

III. На веснѣ, скоро земля только на долоню зверху розмерзниться, то затвердѣлую, которая отлогомъ лежала, ролю или новину подори, скибу подлѣ скибы кладучи, а по зъораню пусть роля чрезъ двѣ недѣли висхнетъ, а потомъ знову въ должъ только заборонуй; то будетъ ленъ коштовній, чистій и рослій. Когда же, по зимѣ, на веснѣ земля добре подсохнетъ, а снѣжна вода стечетъ или висхнетъ, то заразъ во імя Божіе орать, такъ чтобъ между ролею цѣлику не оставалось, а ежели трава подораная травястая была и полная пѣрею, то ожидать, пока трава зачнетъ сходить, потомъ заразъ добрими боронами въ должъ и поперекъ вибороновать.

IV. Скоро новини виорани будутъ, заразъ перше горохъ сѣять, и то есть первая сѣвба; на горохъ же ролю виоравши, надобно поборонoвать и передъ сѣвбою паки виорать, а по сѣвбѣ гороху третій разъ горохъ переорать. А если на томъ мѣстѣ, де хворостъ недавно витягъ, горохъ будетъ сѣянъ, то довлѣетъ два рази орать, и на такой ролѣ гороху подъ соху не сѣять, только бы за першимъ разомъ, по вишепоказанному, роля виорана була; такожъ на ярую пшеницу, сѣмя лняное и овесъ доволно два рази орать, кромѣ если бы ярка или пшеница на випаленной новини сѣяна была; то можно на випаленную землю сѣяти, потомъ переорать и заборонoвать. Овесъ можно два рази на ролѣораной сѣять, толко роля за першимъ разомъ по вишепоказанному виправлена была; также и сѣмя лняне разъ зъорать и переборонoвать ролю, и смотрѣть, щобъ дерну и груди не было, а когда черезъ день и другій провянетъ земля, то ленъ засѣй добре и заборонуй, а если и по вторнимъ ораню роли груда или дернъ будетъ, то напередъ сѣвби лну вибороновать надобно.

Когда новина какая не подъоравши випалена будетъ, ячмень вольно заразъ на тую перепаленую землю, не орючи, сѣять, а посѣявши заорать и приборонoвать; однакъ, если не добре випалена будетъ земля, хочабъ разъ и другій попередъ сѣвби переорана была, но добраго ячменю не будетъ.

Если такая новина не могла добре выпаляться, то лучше на ней гречку або жито посѣять. Ролю для сѣвби ячменю и всякой пашни на сходи мѣсяця переоровать и переборонoвать должно, чтобъ перегнила, а коренне зелій погинуло.

Горохъ сѣяти на самомъ сходѣ мѣсяця или другаго дня по настатѣ мѣсяця.

Ярку и пшеницю на ново мѣсяцѣ иля еще лучше подъ самую полвю; толко-бы того мѣсяця затменія мѣсяця не припало.

Сѣмя лняное сѣяти на сходѣ мѣсяця.

Ячмень сѣять на ново мѣсяцѣ, а особливо на свѣжомъ гною, на которому жито не росло; а на старомъ гною, на которомъ жито бувало, на старомъ мѣсяцѣ ячмень сѣять найлучше.

Гречку сѣять подъ полню, или когда съ полни рушить мѣсяць.

V. Горохъ должно сѣять на ролѣ не дуже гнойной; иначе горохвинъ много, а струча мало, и то недоспѣлаго будетъ; на мѣрной однакъ, а не на яловой ролѣ горохъ мѣрно родится, хоть не великій въ зѣллѣ, но полній струча и трудъ надгродитъ. Въ твердую ролю и глееватую не должно гороху сѣять, для того, что его зѣллѣ окроить и вигубитъ. Шарая и зъ дробними камечками мѣшаная земля найлучше на горохъ. Горохъ хорошо сѣять, когда всходній и заходній вѣтеръ повѣваетъ. Зъ между востока и полудня вѣтеръ самій найшкодливій и до сѣвби не полезній. Полунощній во время сѣвби твердій, а полуденній червивій горохъ дѣлаетъ, и перемѣняетъ его въ черній и малій. Горохъ долженъ быть полною горстью сѣяній.

Сѣвба гороху отъ 8 априля триваетъ до 20 априля, однакъ ранѣе и позднѣе, смотря по ролѣ и теченію мѣсяця, горохъ сѣять можно.

VI. Ярка на ролѣ нѣсколько песчанной найлучше родится, тожъ на новинѣ свѣжо-випаленой и на землѣ яловой ярку найлучше сѣять подъ полню мѣсяця и въ два дни по полнѣ. Ежели можно—подъ вѣтеръ полунощній или восточній или заходній.

VII. Ярую пшеницу лучше сѣять въ глинистой ролѣ, когда глина или глей шаравій или бѣлявій, въ настатѣ мѣсяця и подъ полню, когда вѣтеръ полунощній восточній или западній—все равно.

VIII. Овесъ сѣять на песчистихъ и яловихъ роляхъ позднише, а нѣсколько гнойныхъ роляхъ ранѣ овесъ сѣять подъ скибу, а посѣявши подъорать и потомъ по прошествіи пяти или шести дней, побороновать добре, то будетъ добрій овесъ. Найлучше сѣвба есть между первою квадрою и полнѣю мѣсяця и подъ самую полню, только-бы затмѣнія не было. Вѣтеръ полунощній найлучшій до сѣвби овса, да и восточній и западній добрій.

IX. На яловой випаленной новинѣ, на свѣжій заразъ пепелъ, не орючи, подъ вѣтеръ восточній и западній сѣяти зъ рѣдка ячмень той, которій на гнойной роли прошлаго года уродився; а посѣявши поорать и добре забороновать. Ячмень сѣючи отвѣдовать прежде, весь-ли прорастаетъ, то добрій къ сѣянію. Которій ячмень на випаленой новинѣ уродился, тотъ до гнойной роли згодится на сѣвбу. Если сѣвба ячменю опоздаетъ за чимъ; то взявши ячменю, намочить его въ водѣ часовъ на восѣмнадцать, потомъ помоченій насипать у мѣхъ и положить на землѣ, чтобы изсякъ, и потомъ безъ дальнаго отлагательства горстію сѣять и заразъ подъорать. Таковимъ способомъ и на гнойной землѣ ячмень уродится. Еслижбы новина была випалена, гдѣ скотъ и свинѣ не биваютъ, и тая новина была-бъ подла и глиновата, то придать до ячменю, до сѣвби заготованнаго, четвертую часть жита свѣжаго доброго и посѣять, подъорать и виборонить надлежаще, то по снятіи ячменя за одною роботою, на придучій годъ, жито будетъ не худое.

X. На сѣмя льяное ролю подъорать и побороновать, а передъ сѣвбою паки съорать, и давши той роли черезъ одинъ и другій день, чтобы осхла, полежать. Если-бы въ ней ще груди были, другій разъ переборонувать, а сѣять ленъ не густо. Если мѣсто крѣпкое отъ гною было, то сѣять ленъ между числами 28 априля и 3-го мая. На приляловомъ-же мѣстѣ сѣяти отъ 9 мая по 16. Ранную льву сѣвбу на исходъ, а позднѣйшую на новѣ мѣсяцѣ отправляти. На роли послѣ жита въ гной добрій ленъ родится; но на мѣсцѣ, гдѣ прошлого года ярка была.

XI. Сѣячи въ добрую ролю ячмень, ежели она не травяста и не зѣлевата, сѣять оній ячмень ранѣе, то есть отъ 19 априля по 12 маія. Ежели жъ такая роля травяста и зѣллевата, сѣять ячмень позднѣе отъ 12 мая по 17-ое. На гнойной роли ячмень не густо сѣяти, чтобъ одно зерно другого не поглушило и большею частію въ траву не обратился и отъ гвалтоваго дождя не вилягъ. Ежели гнойной роли нѣтъ,—сѣять ячмень и на подлѣйшій и добре управленной ролѣ и заборонoвать; токмо потомъ навозить гною и оній добре руками, а не вилами, розбить, передробить и разослать, чтобы всходъ волно, якъ хотя, и прорости моглъ, а трава и зѣлле не множилося. Въ осень гной вивезши и передъ зимою подъоравши, жито на немъ посѣяти, а на прійдучее лѣто ячмень на томъ мѣстѣ посѣять. Сѣвба ячменя во время вѣтра западнаго весьма, а полунощній вѣтеръ есть весьма вредній. На старомъ гною ячмень сѣяти на всходѣ мѣсяця, а на свѣжомъ гною сѣяти на новѣ мѣсяцѣ, дабы насѣянное купно зъ гноемъ въ земли не погинуло.

XII. Остатна ярнина сѣвба гречана. На доброй ролѣ можно оную сѣяти на іcходѣ маія; на ролѣ средственной сѣяти маія около 14 или 18 дня.

XIII. Окончивши ярнину сѣвбу, вивозь гной на попаръ для жита, сколько можно, на исходѣ или на новѣ мѣсяця, и во время того поори оній, а ежели можно, поборонуй заразъ; а въ мѣсяць або мало позднѣе, зновъ той гной переори и поборонуй, чтобъ сонце гною не палило. На новѣ мѣсяцѣ вивозной гной не скоро сотлѣеть, а на такой ролѣ, послѣ жита, на прійдучее лѣто, если ячмень будешъ сѣяти, то первѣе на исходѣ мѣсяця переори и тогда посѣй. Потомъ на мѣсяце для новини или для насѣки, дерева елину или хойну витинай на исходѣ мѣсяця. Послѣ той роботи луки коси, на которихъ если хощешъ, чтобъ была всякаго рода трава добрая, вели оную на новѣ мѣсяця всегда косить. Ежели-же будетъ на исходѣ мѣсяця кошена,—не надѣйся травы доброи въ прійдучое лѣто.

XIV. Когда уже сѣвба житня наступаетъ, то тяжолую и подлѣйшую, такожъ вытеребленую ролю напередъ засѣвай; тяжкую-же ролю за тиждень передъ днемъ святыхъ апостолъ Сила и Силуана 30 іуля, и то полугорстію насѣвне беручи, засѣвай; поневе та ранняя сѣвба скорѣе вкорениться можетъ. На свѣжомъ же гною, за три дня передъ днемъ семи Отроковъ 4-го августа, то есть 1-го августа, потомъ на новѣ мѣсяцѣ, или подъ полнію добре сѣяти. На гнойной свѣжей ролѣ густо не сѣй, чтобъ у придучее лѣто жито не полягло. Найлучше житня

сѣвба бываетъ, когда восточній полуношній или западній бываетъ; во время-же полуденнаго вѣтра жито сѣяное гніетъ: сонце ему вредитъ и завременно дозрѣваетъ и подлое родится.

Смотрѣть надобно, чтобъ въ мокрую ролю и во время дождя жита не сѣяно, ничого съ того труда не будетъ. Ежелибъ роля была збитно мокрая, то вели оную глибоко сохою сягати и густо скиби складать, а потомъ зновъ подъорать, чтобъ скоро осхла; потомъ подсѣй и скоро заборонуй и такъ будетъ доброе жито, а иначе жалко будетъ труда. На боронизнѣ рано не сѣй. Жито до насѣння должно быть твердое, бѣлую муку въ себѣ имѣющое, доспѣлое, дробное, но полное. Чтобя черви жита сѣяннаго не портили, возми добрую горсть часнику, сотри его добре и розведи бочкою води, или сколько треба будетъ. Пусть такъ черезъ 24 часи тая вода стоитъ, потомъ тою водою жито, которое сѣять імѣешъ, накропи добре и перемѣшай. Пусть такъ черезъ два дни полежитъ; потомъ сѣй, то будетъ безопасно отъ червей.

XV. Озимую пшеницю августа мѣсяця на твердой ролѣ сѣять, на свѣжомъ гною; на овечемъ-же гнои лучше ростетъ. Августа на сходѣ мѣсяця лучше бываетъ, нежели тая, котру на новѣ мѣсяця сѣютъ; ибо на новѣ мѣсяця сѣяна въ жито перемѣняется, и въ солому толко удается, а позднѣше сѣяна колосиста бываетъ. Озимую пшеницю стараться, сколько можна, за суха жать, и въ малія копы складать и чтобъ колосія въ середину били сложени. За вимолотомъ іі въ осень поспѣшаться, понеже осенняя молотьба четвертимъ зерномъ больше даетъ.

XVI. Льну ровному и рослому не давать стояти долго збитъ на пнѣ, но завременно погоднаго дня зобрать и головки зъ насѣннемъ отсѣкши, имѣть въ поготовности мѣсто, на которомъ зъ хвоини или елини, коли насажена вздолжъ, витятіи зъ голлями, на середини зоставленними, побивши густо и нѣсколько жертями притиснувши, на тое логовиско головки подсѣченніи висипать, на локоть висотою одъ земли, и около тѣмижъ голлями оплести, якъ скриню, чтобъ вѣтеръ могъ проходить; тіи головки травою чи соломою для дождю прикрить, и такъ висхнуть безъ затхненія. Самій-же ленъ въ воду обыкновенним образомъ, такъ чтобъ подъ тяхпремъ четверть локтя въ водѣ былъ; ибо иначе зрудѣетъ и зопсуется, и то во время вѣтра восточнаго или западнаго,—полунощній вѣтеръ также заходній весьма суть средни. Ежелижбы по забвенію учинился о такомъ положеніи онихъ вѣтровъ, то восточнаго вѣтра дождавшися, ленъ трохи витоптать, то поправится. Хотячи вѣдать, когда его зъ води віймать, возьми зъ тридцать стебель мокнущаго, обвини ихъ разомъ на около пальця, ежели волокно отдѣлится отъ кострици, а кострица поламлется, то уже ленъ добрій, и вибравши на сухомъ мѣстѣ снопками поставить не густо, чтобы не гнили: потомъ по прошествіи трехъ недѣль, трохи его въ осѣтѣ осушивши, отвѣдать стерти, и ежели въ треніи волокно отдѣляется, то его на жертяхъ розвѣшать и отвѣдивать по вышепоказанному.

Мокрого лну въ осѣтъ не ставъ, бо спортится. Головки къ насѣннямъ по вышесказанному висушивши и не сушивши въ осѣтѣ, на току вимолотить; котороеже насѣння на сѣвбу схоронить імѣешъ, то еще и въ осѣтѣ висушъ, а потомъ вимолотя, ибо въ осѣтѣ не сушеное не будетъ сходить. Ежели на домовую потребу хочешъ имѣть ленъ хорошій, оберя ролю, съ которои жито или пшеницю озимую собрано и которая подъ паромъ лежала, и тую ролю по зимѣ съори и такъ, якъ на горохъ, виправъ и мягко виборонуй; потомъ сновъ передъ сѣяніемъ за три дни оную съори и ленъ густо на ней посѣй и забороиуй добре. Передъ дозреніемъ сего лну вели его вирвать, а головки черезъ гребень деревяный одергать, и на землѣ заразъ розослать, чтобъ черезъ двѣ недѣль лежалъ; послѣ того времени перевернуть и пусть еще черезъ толко времени полежить. Ежелижъ не вилежался, знову его переверни, но не на такъ уже долгое время. Ежели дожди на него часто будутъ падати, то частѣе его переворачуй, пока ажъ улежится, что скоро познаешъ. Улежалій ленъ въ снопы повязавши подъ прикритіе зложи; потомъ вскорѣ зотри, то будетъ коштовній ленъ, токмо насѣння отъ такого лну, яко прежде дозрѣнія вирваннаго, пропадаютъ.

XVII. Жито и иное збоже или пашню лучше серпомъ, нежели косою, собирати, бо чистѣе и стерня болшій—болшею пашею будетъ скоту въ полѣ, такожъ, что безъ гною зновъ жито, овесъ и гречка родятся Зъ подъ коси только солома болша будетъ, а менше умолоту и не скоро отъ дождовъ висихаетъ. Ежелижъ еще безъ шкоди хочешъ оставаться, вложи часни(къ?) между снопы, то того звѣрь не порушить, такожъ порохъ, между згребіе утертий и вложенний на тое способенъ есть.

XVIII. Когда жито молотишъ, смотри, чтобъ добре молочено, по одному боку вимолотивши добре, поворочуючи на другій, знову вибивать, потомъ долгую солому вибрать и оную добре витрусивши, разложить рядомъ и вибить знову, потомъ въ снопи связать и подъимаючи граблями, чтобъ зерно на токъ випало, снову разовъ чотири вибить и такъ вимолотивши винесть. Когда хочешъ хлѣбъ бѣлий съ того жита імѣти, то когда возятъ съ поля до гумна снопи, тогда ударено каждий до подобання снопъ о стѣну колосами, чтобъ випало жито, сколько можетъ, то будетъ съ того хлѣбъ бѣлий. Жито чтобъ подъ дахомъ отъ дождя было зложено. Жито скоро молотить надобно, ибо за откладаннемъ долгимъ четвертая часть въ соломѣ пропадаетъ. И то способъ добрій: околосовать жито сирое, потомъ въ осѣтъ зложить и домолотить, бо сирій зъ сушеннимъ околотъ змѣшавши, дѣлаешъ позорное жито и прибитокъ въ мѣрѣ.

Когда ячмень молотить даешъ, смотри по нѣсколько-краткомъ біеніи и оборачиваніи чтобъ солома заразъ не вивошевана, бо половина колосовъ въ ней остается. Еще-же по каждомъ битіи, солому не граблями, но вилами оборочать и вибивать зновъ добре, пока надобно будетъ. Потомъ солому слегка граблями свять, берло зъ короткою соломою, которая въ немъ осталася, погребать разпростерши

и добре вибить. Солому-же короткую чисто вигребши и еще знову разпростерши, берло оное поворочуючи, виколосовать ости отъ зерна; то будетъ чистий и свѣтлий ячмень. Овесъ-же и гречка удобно вимолочуются. Жито и иншая пашня найлучше вичиститься лопатою зъ плѣвъ, на току викидиваючи, потомъ на вѣтрѣ через сито житное висѣваючи. Ежели жито або инша пашня стоколосовата, дирсована, зѣлловата; то ея одною ручною лопатою два раза провѣявши, достаточно матемешъ чистою.

XI. Во время косовици всегда, сколько можно, на новь мѣсяцѣ до полни луки сѣнокосніи косить потребно и притомъ смотрѣть надобно, чтобъ сѣна вогкаго или мокраго въ копици и стоги, такожъ и въ гумна не кидано, вредное бо будетъ скоту и отъ такого сѣна на веснѣ скотъ здихать будетъ. Ежели непогода на сѣно упадетъ, сушатъ его такъ: вирубуютъ колки зъ голлемъ, загострюють ихъ и на полсажня одинъ отъ другого въ землю вбивають и сѣно на нихъ накидаютъ, не топчучи, чтобъ висхло, или на преплотахъ вивѣшуютъ, чтобъ его вѣтеръ и сонце осушило.

XX. Ставъ или сажалку хотячи імѣти, на захожденіи гребли, чтобъ долго тривала, сипь глину и землю на новѣ мѣсяцѣ, то найлучше сдѣлаешъ и досвѣдчишъ. Гдѣ надобно, въ пристойныхъ мѣстахъ, загороды и хлѣви для скота, въ гумнахъ—шопи, а стодоли для звоженія пашни, осѣта или овини для сушенія пашни устроевать зъ вѣдома и согласія общебратственного. Въ осень стараться надобно, чтобы скотъ въ оборѣ или хлѣвѣ на гною не стоялъ, для того, что тогда вильготность через ноги въ скотъ втягается и въ утробѣ засѣдаетъ, и оттого на веснѣ скотъ здихаетъ; для того надобно тѣ загороди и хлѣви, гдѣ скотъ въ осень содержится, соломою вистилать, которая не только скоту будетъ полезна, но потомъ зъ нея и гной или навозъ на роли будетъ полезенъ и надобенъ.

XXI. Рано и вечеръ должно осматривать коровъ и телятъ. Корови когда виѣютъ телится, передъ тѣмъ через двѣ недѣли водою теплою лѣтнею наповать ихъ, да и когда отелятся, тое-жъ чрезъ столко времени чинить должно.

XXII. Въ осень когда уже дожди начнуть падать, тогда скотъ въ хлѣвахъ замикать, чтобъ ему вреда не било; а когда дождовъ нѣтъ, то тогда зъ скотомъ вопреки поступать, то есть зъ хлѣвовъ вигонять.

XXIII. Телята при коровахъ должны быть недѣль через четыре или пять и чрезъ тое время не поить нашимъ молококомъ, для того, что тое имъ вредитъ.

XXIV. По прошествіи пяти или четырехъ недѣль телята отлучать и по отлученіи давать имъ пойло, которое такъ дѣлать: взять молока и води по ровной части и придать сколько надобно муки овсяной, гречаной или ячменной и росколотивши давать; а житняя мука телятамъ въ пойлѣ вредитъ.

XXV. Не держать телятъ съ овцами, для того, что овцамъ не здорово и здихають отъ того; а кромѣ того овцамъ сѣно дробное, хорошее давать, водою лѣтнею ихъ наповать.

XXVI. Когда уже телята недѣль двѣнадцать імѣтъ будутъ, тогда сдѣлай твердое тѣсто зъ якого хотя борошна, и когда телятъ имѣешъ поить, розбій часть того тѣста въ водѣ, пока ажъ пѣна повстанетъ, и если можно сиворотки примѣшавши, тимъ пойломъ лѣтнимъ наповай телятъ, а тое тѣсто що дня свѣжое готовать.

XXVII. Лучше учинишъ, когда сѣномъ въ лѣтѣ, а не травою кормить телятъ будешъ, по крайней мѣрѣ іюля по 14-е число, то есть до святого апостола Акули, а еще лучше учинишъ, когда телятъ до полтора года или черезъ годъ съ чвертю на сѣнѣ содержитимешъ. Однакъ найлучше молодий скотъ въ іюнѣ мѣсяцѣ среднихъ чиселъ на полѣ выпущать; а чимъ ранѣе прежде того випустишъ, тѣмъ скорѣе можно имъ поздихать; токмо на молодую траву, ни на стерню, гдѣ жито было, ни туда гдѣ покошено траву, не випущай.

XXVIII. Корови дойніе въ лѣтѣ когда придутъ до дому, призвичаить до пойла тако: имѣть корито на способномъ мѣстѣ, и въ тое собирать помой отъ всякихъ потравъ яринныхъ, рибныхъ, мясныхъ и прочіихъ въ той помийной водѣ, наваривши цвѣтовъ не вредныхъ въ котлѣ и змѣшавши зъ поміями, когда приходятъ корови о полудни, тѣмъ поить: то будетъ молоко доброе, сметана хорошая, тлустая, масло желтое, тлустое, и самимъ коровамъ тое весьма здорово такъ, что послѣ они стоячи и на соломѣ не худнутъ, и телята ситіи и хорошіи будутъ, и отъ напованныхъ такимъ образомъ коровъ далеко больш будетъ масла и сира.

XXIX. Телятъ молодихъ смотрѣть, сколько они зубовъ имѣютъ, и если которое зубовъ осемъ или семъ імѣетъ, такое рѣдко викормится, но сходнѣе его продать на убой.

XXX. Корова если на обоихъ бокахъ бородавки въ губѣ імѣетъ, то на сходѣ мѣсяця оини повирѣзуй; а иначей сосхнетъ и здохнетъ.

XXXI. Посуду чистую до молока имѣть, сметану збирать, масло, сири чисто робить.

XXXII. Овцамъ на готованную утробу лѣкарство такъ дѣлать: взять хмѣлю' которій на сдѣланномъ пивѣ остается, и оній зъ полинемъ отварить, сверхъ того налить росолу отъ солоного мяса воловуго и давать овцамъ пить, то отъ того они виздоровѣютъ.

XXXIII. Солодъ, на земли или на току въ солодовни усушеній, видастъ жолтавое, здоровое и доброе пиво. Солодъ не добре вирощеній мало пива видастъ, а на збитъ вирощеній, такъ что ажъ траву пуститъ, видаетъ пиво не годное, для чего смотрѣть надобно, чтобъ солодъ былъ въ мѣру вирощенъ, а не на збитъ или не добре вирощенъ. Солодъ змеленый, который не полежитъ, больше пива добраго видастъ. Для того солодъ завременно треба молоть. Солодъ умолотій видихается, для того солодъ змоловши до пива, надобно въ кадубя всипавши добре прикрить.

XXXIV. Для дѣланія солода старатися имѣть свою солодовню.

XXXV. Химѣль огородній между листочками имѣетъ насѣнячко жолтое, дробное, якъ пиль; а химѣль лѣсний крупний, якъ коноплянe сѣмя. Химѣль чтобъ былъ зрѣлый, ибо отъ незрѣлого пиво квасиѣетъ. Химѣль чтобъ не видихался, надобно, добре висушивши, въ дѣжки и кадуби зкласть и накривъ въ сухихъ мѣстахъ содержать по разнымъ сортамъ, т. е. крупний и мелкий особливо разобрать.

XXXVI. Въ мартѣ на сходѣ мѣсяця варить пиво и на вареніе оваго брать воду зъ рѣки или зъ ставу: то долго будетъ тривать.

Подлинникъ подписали: Кіево-Выдубецкаго монастыря игуменъ Іаковъ, намѣстникъ іеромонахъ Іоанникій, соборній старецъ іеромонахъ Спиридіонъ, духовникъ іеромонахъ Парфеній, іеромонахъ Нектарій казначей, іеромонахъ Гавріилъ экономъ.

Изъ старыхъ бумагъ холмскаго архива.

Записка поданная генералъ-губернатору Тутолмину жидичинскимъ архимандритомъ Флоріаномъ Корсакомъ.

Послѣ раздѣла Польши, случай въ родѣ приводимаго въ названной запискѣ, не единственный. Преобразуемые на манеръ католическихъ, русско-уніатскіе монастыри, въ теченіи XVII ст., добились полной независимости отъ своихъ митрополитовъ и епископовъ и сплотились въ одно стройное цѣлое, съ названіемъ базиліанскаго ордена, подъ властію собственныхъ протоархимандритовъ. Базиліанскій орденъ сталъ послушнымъ орудіемъ римской куріи, которая нерѣдко сама распоряжалась его огромными доходами. Раздѣлъ Польши разбилъ на части конгрегацію уніатскихъ монастырей, создалъ для нея цѣлый рядъ затрудненій и былъ одною изъ главныхъ причинъ паденія ея впослѣдствіи. Нѣкоторые изъ монастырей отошли подъ власть Австріи, туда-же временно отошла и бывшая холмская епархія, другіе возвращены Россіи, при чемъ административныя и экономическія отношенія разрозненныхъ частей базиліанской конгрегаціи совершенно перепутались, такъ что напр. имѣнія и доходы находились въ одномъ государствѣ, а ихъ распорядители и получатели въ другомъ. Терявшіе на этомъ прибѣгали къ хитростямъ, которыя не всегда удавались. Одинъ изъ такихъ случаевъ хитро задуманнаго, но неудавшагося обмана представляетъ настоящая записка.

Тимоѳей Ивановичь Тутолминъ былъ первымъ генералъ-губернаторомъ возвращенныхъ отъ Польши, во время послѣдняго ея раздѣла, юго-западныхъ нашихъ провинцій; ему подчинены были новообразованныя тогда губерніи: минская, волынская, подольская и брацлавская, въ скоромъ времени вновь переформированныя.

Впослѣдствіи ,при имп. Павлѣ I, онъ поплатился арестомъ за свой твердый образъ дѣйствій, вслѣдствіе интригъ и доносовъ польской шляхты, но успѣлъ оправдаться. Въ 1806 г. онъ устраивалъ милицію, а въ 1809 г. помогалъ Сперанскому въ образованіи государственнаго совѣта.

Вотъ текстъ записки арх. Корсака и состоявшейся по ней резолюціи Тутоллина.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО).

Въ 1789 году преосв. Важинскій изъ архимандрита жидичинскаго возведенный въ санъ холмскаго епископа, для поправленія матеріальнаго положенія этого епископства, исходатайствовалъ въ Римѣ разрѣшеніе на уплату ему ежегоднаго жалованья деньгами и годовымъ сборомъ хлѣба изъ доходовъ жидичинскаго монастыря.

Я, какъ преемникъ его по архимандріи, обязался платить этотъ тяжелый налогъ и выплачивалъ его до тѣхъ поръ, пока холмское епископство находилось подъ властью польской короны. А такъ какъ теперь холмское епископство находится во владѣніи всемилостивѣйшаго римскаго императора, а я съ своей архимандріей состою въ подданствѣ императрицы всероссійской Екатерины II-й, то и отъ дальнѣйшей уплаты такого тяжелаго налога отказался, боясь совершить преступленіе противъ высочайшей монаршей воли, выраженной въ указѣ всемилостивѣйшей императрицы, данномъ 17 января 1782 года, въ которомъ сказано: „чтобы всѣ монахи католическаго исповѣданія не зависѣли ни отъ какой духовной власти внѣ нашей имперіи; высылать имъ доходы или часть таковыхъ, или-же имѣть къ нимъ какое либо отношеніе, подъ страхомъ отвѣтственности за преступленіе неисполненія предписаній высшей власти, запрещается". Преосв. Важинскій, не имѣя возможности потребовать у меня жалованья отъ своего имени, поручилъ владимірскому базиліанскому монастырю взять его отъ меня, *какъ будто-бы удовлетвореніе за позаимствованную у него* (Важинскаго) *сумму денегъ.* Архимандрія моя находится въ волынской губерніи въ луцкомъ округѣ и потому владимірскіе базиліане, начавши со мною тяжбу въ уѣздномъ судѣ этого округа, получили рѣшеніе въ ихъ пользу:

чтобы слѣдующаго 23-го мая, по счету дней римскаго календаря, разсмотрѣть ежегодныя квитанціи въ выплатѣ вышеупомянутаго жалованья и что будетъ слѣдовать за невыплаченные годы 1794 и 1795 г., мнѣ приказано (названное жалованье) уплатить владимірскимъ базиліанамъ.

Падежъ скота, пожары и пребываніе здѣсь войскъ всемилостивѣйшаго императора римскаго привели фольварки моей архимандріи въ несчастное и бѣдственное положеніе, а плата упомянутаго жалованья будетъ для моей архимандріи послѣднимъ разореніемъ. Вслѣдствіе такихъ причинъ истощенія моихъ доходовъ, обращаясь къ высокому покровительству и высокой власти, покорнѣйше прошу ваше превосходительство уволить меня отъ уплаты этого тягостнаго жалованья, установленнаго въ пользу доходовъ холмскаго епископства, которое находится внѣ россійской имперіи, а владимірскимъ базиліанамъ пусть будетъ приказано остановиться съ приведеніемъ въ исполненіе тягостнаго рѣшенія, какъ происшедшаго по *домогательству и притѣсненію* со стороны холмскаго епископа.

Флоріанъ Корсакъ, жидичинскій архимандритъ.

Копія резолюціи генералъ-аншефа, минскаго, волынскаго, брацлавскаго и подольскаго генералъ-губернатора, Тутолмина, луцкому земскому суду:

Изъ прилагаемой при семъ записки жидичинскаго архимандрита Флоріана Корсака оказывается, что домагательство владимірскихъ базиліанъ незаконно и подыскано только для выгоды заграничной духовной власти. Вслѣдствіе чего, предписываю луцкому земскому суду дѣло, начатое по этому иску, не выдавая по нему никакого рѣшенія, отослать при рапортѣ въ волынское намѣстническое управленіе, какое, по открытіи волынской губерніи, по закону всемилостивѣйшей императрицы (будетъ) установлено.

Тутолминъ.

5-го іюля 1796 года.

Сообщилъ **В. Т. М—чъ.**

Указъ имп. Екатерины II объ учрежденіи малороссійской коллегіи *).

Указъ нашему сенату.

По всемилостивѣйшемъ отъ насъ увольненіи графа Разумовскаго, по прошенію, отъ гетманскаго чина, повелѣваемъ нашему сенату для надлежащаго въ Малой Россіи управленія учредить тамъ малороссійскую коллегію, въ которой присутствовать главнымъ: нашему генералу, графу *Румянцеву* и съ нимъ четыремъ великороссійскимъ членамъ зъ генералитетскихъ и штапъ-офицерскихъ чиновъ, да изъ малороссійскихъ-же старшинъ четыремъ-же членамъ. Великороссійскимъ всемилостивѣйше опредѣляемъ мы нынѣ генералъ-маіора *Бранта*, да полковника князя *Платона Мещерскаго*, на протчія-жъ двѣ вакансіи вибравъ сенату немѣдленно кандидатовъ къ намъ представить; а малороссійскихъ— обозного генералного *Кочубея*, писаря генералного *Туманского*, асаула генералного *Журавку*, да хорунжого *Данила Апостола;* прибрать и находячогося не у дѣлъ подполковника *Семенова*, а секретарей— едного изъ великороссійскихъ, а другого зъ тамошнихъ, такъ-же и дру-

---

¹) Заимствуемъ этотъ документъ изъ уцѣлѣвшихъ бумагъ обширнаго нѣкогда архива В. С. Попова. Онъ былъ отвѣтомъ на прошеніе гетмана Разумовскаго и малороссійской шляхты о возстановленіи прежнихъ малороссійскихъ правъ и привилегій, помѣщенное въ іюньской книжкѣ «Кіев. Старины» на 1883 г., и составляетъ начало подведенія Малороссіи подъ общегосударственные законы и формы управленія. Любопытно въ немъ это уравненіе въ новомъ главномъ управленіи элементовъ малорусскаго и великорусскаго, равно приравниваніе чиновъ великороссійскихъ къ малороссійскимъ.—Ред.

тихъ нижнихъ канцелярскихъ служителей выбрать ему графу Румянцеву по своему разсмотренію.

Мы, желая, чтобъ между определенными въ сію коллегію чинами никакого различія не было и каждой мѣсто свое по чину старѣйшинства занимать моглъ, всемилостивѣйше жалуемъ сихъ малороссійскихъ чиновъ уравненіемъ у классахъ съ великороссійскими нижеслѣдующими чинами, а именно: обозного генералного Кочубея генералъ-маіорскимъ, писаря генералного Туманского чиномъ статского совѣтника, асаула генералного Журавку и хорунжого Апостола полковничими.

А какіе у прошломъ 1763 году, по имянному нашему указу, учрежденни въ Малой Россіи суди подкоморскіе и суди земскіе, въ каждомъ полку по два, а въ нѣжинскомъ три, въ которые и опредѣляются подкоморие, судьи, подсудки и писарѣ, виборомъ къ тому повсегодно, яко временние, то повелѣваемъ и симъ, пока они въ таких по выборамъ званіяхъ будутъ, считаться заурядъ, а именно: подкоморимъ—первимъ по полковникѣ малороссійскомъ, судьямъ земскимъ съ первостатейными бунчуковыми товарищи, по старшинству, подсудкамъ съ бунчуковыми второстатейными, писарямъ земскимъ противъ асауловъ полковыхъ, по старшинству, а возним быть первымъ подъ сотникомъ малороссійскимъ.

Сему, за неимѣніемъ нынѣ гетмана, опредѣленному отъ насъ главному малороссійскому комендиру быть въ такой силѣ, какъ генералъ-губернатору и президенту малороссійской коллегіи, гдѣ онъ по дѣламъ суда и росправи имѣетъ голоси предсѣдателя по генералному регименту, а въ протчихъ дѣлахъ, яко-то въ содержаніи въ народѣ доброго порядку, общей безопасности и исполненія законовъ, долженъ онъ поступать съ властію губернаторскою, то есть какъ особливый повѣренный нашъ въ отсутственномъ мѣстѣ.

Запорожской Сѣчи, которая состояла подъ вѣдомствомъ гетмана, быть нынѣ вѣдомой въ семъ правительствѣ малороссійскомъ.

Въ разсужденіи-же излишнихъ предъобыкновенныхъ расходовъ, которые въ семъ званіи имѣть должно, всемилостивѣйше жалуемъ ему графу Румянцеву, сверхъ настоящого по чину его жалованья, зъ тамошнихъ доходовъ по четирѣ тисячѣ рублевъ на годъ столовихъ денегъ,

да на генералъ-губернаторскій урядъ—вѣдомства кучеровского село Кучеровку, съ принадлежащими къ нему селами и хуторами, да село Середину Буду.

На копіи значится, что подлинной подписанъ ея императорскаго величества рукою тако:

Екатерина.

Состоялся 1764 году
ноября 10 дня.

Библіографія.

Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники (опытъ историческаго изслѣдованія). Т. 1-й. С. Голубева. Кіевъ. 1883 г. 1225 стр.

Митрополитъ кіевскій Петръ Могила былъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ дѣятелей на югѣ Россіи въ 1-й половинѣ XVII вѣка и игралъ наиболѣе выдающуюся, главную, можно сказать, роль въ борьбѣ за православную вѣру и русскую народность. При немъ прочно укрѣпились прежде существовавшія и новыя учреждались церковныя братства, открывались школы, заводились типографіи, издавались книги и посланія въ защиту православія, исправлялись богослужебныя книги, очищалась и прочно организовалась церковная обрядность. Онъ возвратилъ права западно-русской церкви, попранныя уніею, возстановилъ изъ развалинъ древніе православные храмы, основалъ кіевскую академію, имѣвшую великое вліяніе на церковную и гражданскую жизнь южной Руси и проложилъ путь къ возсоединенію южно-русскаго народа съ сѣверо-восточными братьями по вѣрѣ и крови.

Къ сожалѣнію, доселѣ у насъ не было полнаго научнаго очерка этой великой личности. Г. Голубевъ, посвятившій нѣсколько лѣтъ на розысканіе и изслѣдованіе матеріаловъ, относящихся къ лицу и дѣятельностію митроп. Петра Могилы, весьма успѣшно полагаетъ начало восполненію этого недостатка нашей русской исторіи своимъ сочиненіемъ, въ которомъ собрано значительное количество неизвѣстныхъ доселѣ матеріаловъ, добытыхъ имъ при поѣздкахъ въ Москву, С.-Петербургъ, Варшаву, Краковъ и Львовъ, и дѣятельность Петра Могилы разсмотрѣна въ связи съ общимъ ходомъ церковно-историческихъ событій этого времени. Вышедшій первый томъ, обнимая собою періодъ дѣятельности Петра Могилы до вступленія его на кіевскую митрополію, составляетъ только меньшую часть труда г. Голубева, между тѣмъ онъ заключаетъ

въ себѣ 559 страницъ изслѣдованія и 576 стр. приложеній, какъ матеріаловъ для исторіи западно-русской церкви. Въ изслѣдованіи изложены свѣдѣнія о рожденіи, воспитаніи и первыхъ годахъ жизни Петра Могилы, о вступленіи его и посвященіи на кіево-печерскую архимандрію; попытки къ соглашенію уніатовъ съ православными, съ очеркомъ дѣятельности Мелетія Смотрицкаго и свѣдѣніемъ о соборахъ кіевскихъ 1627 и 1628 г., гродекскомъ 1628 и львовскомъ 1629 г.; состояніе кіево-печерской обители въ XVI вѣкѣ и дѣятельность Петра Могилы въ управленіи этою обителью; состояніе просвѣщенія въ юго-западной Руси въ концѣ XVI вѣка и мѣры Петра Могилы къ восполненію его недостатковъ; движеніе въ средѣ южно-русскаго общества, вызванное смертію Сигизмунда III, участіе Петра Могилы въ этомъ движеніи предъ конвокаціоннымъ и избирательнымъ сеймами и избраніе Петра Могилы на митрополію кіевскую; посвященіе его въ санъ митрополита въ Львовѣ, пріѣздъ въ Кіевъ и отобраніе кіево-софійскаго собора отъ уніатовъ. Изложенію каждаго изъ этихъ предметовъ предпосланъ критическій разборъ существующихъ о немъ мнѣній, а равно источниковъ; все сочиненіе изложено точнымъ, чистымъ и яснымъ языкомъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ важности предмета. Авторъ обѣщаетъ еще издать отдѣльною брошюрой, въ качествѣ *введенія* къ своему сочиненію, *очеркъ исторіи западно-русской церкви въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка*, а къ 2-му тому своего сочиненія приложить указатель личныхъ именъ и географическихъ названій. Душевно радуемся такому почтенному труду молодаго ученаго, который можно считать цѣннымъ вкладомъ въ церковно-историческую нашу литературу, и искренно желаемъ его окончанія.

15-е іюля. **П. Л.**

О достопамятностяхъ Чернигова. Маркова, бывшаго директора черниговской гимназіи. Черниговъ. 1882 г. (Перепечатано изъ единственнаго сохранившагося въ Черниговѣ экземпляра).

Брошюрка, заглавіе которой мы выписали, заключаетъ въ себѣ всего лишь 47 страничекъ, in 8°, и представляетъ краткій очеркъ исторіи Чернигова и его древностей. Въ научномъ отношеніи ея содержаніе не имѣетъ никакого значенія. Существуютъ гораздо лучшія описанія Чернигова въ историческомъ отношеніи, напр. Маркевича, изданное въ 1852 г., арх. Филарета—Историко-статист. описаніе черниговской епархіи, Шафонскаго—въ сочиненіи «О черниговскомъ намѣстничествѣ», не говоря объ изслѣдованіяхъ чисто историческаго характера, какія находимъ

у Соловьева, Иловайскаго и др. Историческая часть брошюры г. Маркова наполнена большими неточностями, невѣрностями. Если и есть вѣрныя сообщенія, то для незнакомаго съ предметомъ весьма трудно отдѣлить ихъ отъ искаженій историческихъ фактовъ.

Было-бы малопроизводительнымъ трудомъ входить въ разборъ погрѣшностей автора этой давно изданной и теперь повторенной брошюрки, могущей интересовать весьма немногихъ, преимущественно изъ мѣстной черниговской публики. Нѣкоторыя изъ ошибокъ автора такъ очевидны, что едва-ли введутъ кого либо въ соблазнъ; таково напр. положительное его увѣреніе о томъ, что Черниговъ былъ подчиненъ кіевскимъ князьямъ въ 884 г., когда мы не можемъ даже сказать, Олегъ или кто другой изъ князей заставилъ повиноваться Кіеву племя сѣверянъ. Таблица преемственнаго правленія князей (7—8), составленная г. Марковымъ, полна неточностей и невѣрностей. Говоря о судьбѣ Брянска, авторъ утверждаетъ, что «по кончинѣ князя Романа городъ сей присоединенъ къ владѣніямъ великихъ князей Владимірскихъ». Это уже полная историческая нелѣпость. Брянскъ самостоятельно продолжалъ существовать до 1355 г. и потомъ былъ присоединенъ къ Литвѣ, послѣ чего и вся разбитая на мелкіе удѣлы сѣверская земля признала власть князей литовскихъ. И много такихъ промаховъ въ брошюрѣ, доказывающихъ полную несостоятельность ея въ научномъ смыслѣ. Для чего-же повторено ея изданіе? Она имѣетъ нѣкоторое значеніе совершенно въ другомъ отношеніи—своими историко-топографическими свѣдѣніями. Въ то время, когда она писалась, въ Черниговѣ сохранялось еще много остатковъ старины, слѣды которыхъ постепенно все болѣе и болѣе изглаживаются.

Не смотря однако на такое ограниченное значеніе повторенія этого изданія, нельзя не отнестись съ сочувствіемъ къ такому дѣлу, особливо, если оно приметъ болѣе широкіе размѣры. Объ этомъ послѣднемъ, по поводу переизданной брошюры, мы и хотимъ сказать нѣсколько словъ.

Дѣло въ томъ, что съ начавшимся въ нашей исторической наукѣ развитіемъ областнаго метода разработки исторіи получаетъ особое значеніе исторія городовъ древней Руси. Между тѣмъ Черниговъ игралъ видную роль, какъ центръ сильнаго племени сѣверянъ, въ удѣльно-вѣчевой періодъ русской жизни. Разверните лѣтописи, и вы увидите тамъ, что первыя событія удѣльнаго періода связаны съ именами столько-же почти Чернигова, какъ Кіева и Новгорода Великаго. Весь періодъ отъ 1054 г. до 1241 г. Черниговъ въ постоянной борьбѣ. Онъ борется за свою самостоятельность противъ притязаній Кіева, поддерживаетъ своихъ князей въ борьбѣ за права старѣйшинства въ русской

землѣ, энергически противится зародившемуся на сѣверѣ московскому направленію, и въ лицѣ Ольговичей вдается въ огромное предпріятіе—соединить въ рукахъ своего рода всѣ южныя области. Въ связи съ политическимъ значеніемъ его стояла и торговля, и промышленность. Еще въ IX в. мы видимъ его торговыя сношенія съ Византіей и востокомъ. Еще въ это время, какъ видно изъ данныхъ археологіи, племя сѣверянъ стояло на довольно высокой ступени культуры. Богатства Чернигова были извѣстны на Руси, и память о золотой казнѣ черниговской сохранилась въ былинахъ.

Всей своей прошлой жизнью, полной иногда глубокаго трагизма, Черниговъ заслуживаетъ вниманія историка. И однако, изученіе его прошлаго оставалось доселѣ въ тѣни, немного сдѣлано даже для собиранія матеріаловъ по его исторіи. Въ прежнее время его судьбами занимались больше; много цѣнныхъ статей этнографическаго и историко-топографическаго содержанія помѣщалось въ «Черниговскихъ губерн. Вѣдомостяхъ», которыя въ настоящее время недоступны для пользованія историка. Намъ казалось-бы, что тѣмъ, которые сдѣлали теперь перепечатку брошюры Маркова, если они заинтересованы исторіею своего города и края, весьма не мѣшало-бы выбрать, если еще существуетъ хоть одинъ полный экземпляръ мѣстныхъ Вѣдомостей, всѣ статьи этнографическаго и историко-топографическаго характера и переиздать ихъ снова, съ указаніемъ, въ какомъ году и кѣмъ первый разъ статья напечатана. Историческое общество преп. Нестора лѣтописца постановило издать програмы для собиранія этнографическаго матеріала, куда должны войти не только бытовыя черты, но и всѣ преданія, пріуроченныя къ извѣстнымъ мѣстностямъ, описанія сохранившихся остатковъ старины. Въ переизданныхъ статьяхъ, писавшихся нѣкогда старожилами, нашелся-бы, можетъ быть, отвѣтъ не на одинъ вопросъ его програмы.

П. Голубовскій.

Кіевъ. 1883 года.
30-го іюня.

О лѣтописяхъ. Изъ лекцій по русской исторіографіи. Вып. I. А. Маркевича. Одесса. 1883 г.

Сочиненіе, заглавіе котораго выставлено, заключаетъ въ себѣ одиннадцать отдѣленій. Самое важное изъ нихъ второе, носящее заглавіе: *Библіографія русскихъ лѣтописей.* Въ этой части названнаго труда довольно полно собраны указанія о всѣхъ вышедшихъ сочиненіяхъ по вопросу о лѣтописяхъ; сверхъ того нѣсколько дополненій къ этому-же

предмету сдѣлано въ концѣ книги. Чтобы вѣрнѣе оцѣнить трудъ г. Маркевича, необходимо начать съ разрѣшенія вопроса: для кого и съ какакою цѣлію онъ предпринялъ, ибо тогда ясно будетъ, на сколько онъ достигаетъ хотя предположенной цѣли, если нельзя признать за нимъ безотносительнаго научнаго достоинства.

Названіе книги г. Маркевича даетъ понять, что это лекціи по исторіографіи, и конечно для воспитанниковъ тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, при которыхъ авторъ состоитъ преподавателемъ. Но какова бы ни была практическая цѣль подобнаго изданія и для кого-бы оно ни предназначалось, общія научныя основанія должны быть въ немъ выдержаны, главныя задачи исторіографіи должны быть удовлетворены. Такъ-ли поступилъ г. Маркевичъ? Исторіографія имѣетъ двѣ главныя задачи: во 1-хъ критическій анализъ источниковъ первой руки и свѣдѣнія о нихъ, и во 2-хъ изложеніе исторіи изученія извѣстнаго вопроса, въ генетическомъ его развитіи. Это такъ сказать двѣ части этой науки и вторая изъ нихъ должна *непремѣнно* слѣдовать за первой, потому что только послѣ ознакомленія съ самимъ источникомъ можно критически отнестись ко всѣмъ тѣмъ теоріямъ и ученіямъ, которыя могутъ о немъ существовать. Когда авторъ выставилъ заглавіе «О лѣтописяхъ», мы въ правѣ ожидать, что онъ представитъ намъ изученіе лѣтописи на основаніи ея же самой. Но этого нѣтъ. На всѣхъ 183 страницахъ мы видимъ только перечисленіе чужихъ мнѣній и ни одного факта. Можетъ быть, авторъ хотѣлъ изложить исторію изученія лѣтописи? Въ такомъ случаѣ онъ неправильно озаглавилъ свое произведеніе. Но если допустить такую частнѣйшую цѣль его труда,—авторъ идетъ къ ней не вѣрнымъ путемъ. Можно-ли получить ясное понятіе о томъ, какъ развивалось изученіе вопроса о лѣтописяхъ, когда я вижу лишь рядъ мнѣній, повторяющихся безпрестанно по всякимъ мельчайшимъ деталямъ вопроса? Для полнаго и яснаго пониманія этого вопроса необходимо раздѣлить существующія теоріи по извѣстнымъ группамъ или школамъ, показать, какъ онѣ способствовали уясненію вопроса, какъ старанія одной школы отстоять свое мнѣніе содѣйствовали развитію теоріи другой. Ничего подобнаго у автора нѣтъ, а стало быть, и какъ вторая часть исторіографіи о лѣтописяхъ, книга г. Маркевича не имѣетъ научнаго, а потому самому и практическаго значенія.

Нѣкоторыя мѣста книги г. Маркевича наводятъ на мысль, будто онъ желалъ быть вѣренъ своему заглавію, хотѣлъ представить не исторію изученія вопроса о лѣтописи, а анализъ самой лѣтописи. Къ этому приводятъ какъ названія главъ, такъ и сдѣланные въ нихъ нѣкоторые выводы. На страницѣ напр. 113 авторъ говоритъ: «На основаніи всѣхъ

этихъ соображеній надо признать, что сохранившаяся древняя лѣтопись написана не пр. Несторомъ, а самая лѣтопись Нестора могла войти въ нее лишь въ качествѣ одного изъ источниковъ». На чемъ однако основываются у автора этотъ и другіе выводы? Какіе факты *изъ самой лѣтописи и изъ источниковъ первой руки* приводитъ онъ въ подтвержденіе своего мнѣнія? Никакихъ и ровно никакихъ. Онъ утверждаетъ такъ на основаніи только чужихъ мнѣній. И это первое попавшееся намъ въ руки сочиненіе, въ которомъ серьезные вопросы рѣшаются не на основаніи научныхъ данныхъ, а только чужихъ соображеній. На страницахъ 107—113 читатель найдетъ только: Погодинъ и Бутковъ думаютъ такъ-то, Шевыревъ рѣшаетъ такъ-то, Голубинскій—иначе... все въ этомъ родѣ. Приводятся всѣ эти мнѣнія, какъ аксіомы, при чемъ не видно даже, на чемъ каждый изъ нихъ основывалъ свой выводъ. Вотъ, напр., какъ представляется у г. Маркевича положеніе вопроса о лѣтописи Нестора: «Вопросъ (о различіи фактическомъ между житіемъ Бориса и Глѣба и лѣтописью) былъ рѣшенъ сочиненіемъ Билярскаго, указавшаго на несогласимую разницу въ языкѣ обоихъ памятниковъ, доказывающую непринадлежность ихъ одному и тому лицу, Лашнюковъ былъ склоненъ отрицать даже принадлежность житія св. Бориса и Глѣба пр. Нестору, чтобы защитить принадлежность ему лѣтописи, но безъ всякихъ доказательствъ. Такое-же мнѣніе недавно высказалъ и Н. Владимірскій, разобравъ всѣ предъидущія мнѣнія; но для него является, повидимому, несомнѣннымъ фактъ, что лѣтопись писана пр. Несторомъ: онъ даже объ этомъ и вопроса не подымаетъ. За принадлежность-же пр. Нестору житія стоятъ такіе крупные авторитеты, какъ митр. Макарій и Срезневскій. Лѣтописное житіе св. Бориса и Глѣба, кажется, сокращено изъ «Сказанія страстей» и «Похвалы объ убіеніи святаго мученика Бориса и Глѣба» Іакова Мниха; такъ полагаютъ Сухомлиновъ, Срезневскій и мн. друг.; но и это оспариваютъ. Иные писатели (напр. Бутковъ) считали лѣтописный разсказъ о Борисѣ и Глѣбѣ позднѣйшею вставкою въ древнюю лѣтопись». Послѣ этого перечисленія мнѣній различныхъ ученыхъ можно было-бы ожидать, что авторъ «воздастъ комуждо по дѣломъ его». Но, нѣтъ; авторъ не вошелъ въ разборъ ихъ мнѣній, не привелъ ни одного факта въ подтвержденіе или опроверженіе того или другаго, а прямо переходитъ къ выводу, который выше нами указанъ: «На основаніи всѣхъ этихъ соображеній...» и т. д. На стр. 152 читаемъ «Преданія объ Игорѣ и Ольгиной мести... Они относятся къ циклу преданій (народныхъ, по мнѣнію Хрущова) о завоеваніи древлянской земли. Хрущовъ видитъ въ этихъ преданіяхъ сліяніе двухъ разсказовъ (по Срезневскому—лѣтописныхъ). Нѣкоторыя подробности, находящіяся

въ лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго, едва-ли могутъ быть отнесены къ раннему времени» (152). Что изъ этого понять и принять можно? Тутъ на каждомъ шагу надо спросить: почему? Въ такомъ-же родѣ стр. 154-я, гдѣ приводятся лѣтописныя преданія, безъ всякихъ фактическихъ указаній. Въ другомъ мѣстѣ авторъ спрашиваетъ: «кто такой этотъ разскащикъ Василій»? и отвѣчаетъ: «Карамзинъ видѣлъ въ немъ священника галицкой области; но Бутковъ (Оборона) отмѣчаетъ, что при обращеніи къ нему князей они не разу не называютъ его: *отче*, какъ это было обычно въ то время относительно духовныхъ лицъ. Татищевъ, на основаніи неизвѣстныхъ источниковъ, сообщаетъ, что Василій на Волыни осматривалъ училища. Наконецъ, Хрущовъ приводитъ *нѣкоторыя соображенія* объ отношеніяхъ Василія къ Выдубицкому монастырю. «(161). Кто-же такой въ концѣ концовъ этотъ Василій? Что думаетъ о немъ самъ г. Маркевичъ?—Подобнымъ образомъ трактуетъ авторъ на стр. 132-й о Меѳодіи Патарскомъ, а на стр. 163-й о первой части лѣтописи, приводя мнѣнія гг. Костомарова, Соловьева, Бустужева-Рюмина, Хрущова, безъ всякаго ихъ обсужденія и провѣрки фактическими данными. Авторъ игнорируетъ ту простую истину, что мнѣнія ученыхъ, какъ-бы они не были авторитетны, не могутъ служить основой для выводовъ.

Мы ограничиваемся этими указаніями. Ихъ можно было-бы привести гораздо больше, но размѣры журнальной рецензіи не даютъ намъ для этого возможности.

Приводя постоянно чужія мнѣнія, ссылаясь на нихъ, авторъ наводитъ тѣмъ на мысль, что самъ онъ недостаточно знакомъ съ лѣтописями; и не отъ того-ли и зависитъ полная неопредѣленность и шаткость его взглядовъ относительно такихъ важныхъ вопросовъ, какъ напр. вопросъ о лѣтописной хронологіи? Не входя въ подробности этого вопроса и мнѣній о немъ автора, не можемъ не обратить вниманія на слѣдующее мѣсто его книги. «Нельзя, говоритъ онъ на стр. 90, отрицать, что нѣкоторые лѣтописцы ставили годы въ лѣтописяхъ совершенно неправильно, подъ вліяніемъ какой-нибудь ошибки, *какъ это случилось съ составителемъ галицко-волынской лѣтописи*». Г. Маркевичу, повидимому, неизвѣстно, что галицко-волынскій лѣтописецъ не могъ ошибиться въ годахъ, по той простой причинѣ, что самъ писалъ совершенно безъ годовъ. Вотъ его собственныя слова: «хронографу-же нужа есть писати все и вся бывшая, овогда-же писати в передняя, овогда-же возступати в задняя, чьтый мудрый разумѣеть; *число-же лѣтомъ здѣ не писахомъ* в задняя впишемъ...» (И. Л. 544). Но и послѣ не самъ лѣтописецъ поставилъ годы, ибо заглавіе: «Начало княженія великаго князя Романа...» поставлено подъ 1201 г., подъ которымъ говорится о его смерти, чего, оче-

видно, не могъ сдѣлать самъ лѣтописецъ. Очевидно также, что годы разставлены послѣ потери начала Галицко-Волынской лѣтописи.

Интересны и другія мнѣнія г. Маркевича въ области изслѣдованій о лѣтописяхъ. Онъ говоритъ, напр., что «древніе польскіе лѣтописцы обильно черпали изъ русскихъ лѣтописей» и прибавляетъ, что «извѣстія, заимствованныя изъ русскихъ лѣтописей, можно найти и въ лѣтописяхъ западно-европейскихъ». Намъ приходилось читать польскіе источники; но мы нашли дѣйствительное заимствованіе изъ лѣтописей (или лучше остовы многихъ лѣтописей) лишь у Длугоша и Стрыйковскаго, изъ которыхъ первый XV, а второй XVI в. Имѣли мы случай заглядывать и въ западно-европейскія хроники, и тутъ уже можемъ положительно сказать, что никакихъ заимствованій изъ русскихъ лѣтописей не нашли. Есть самостоятельныя извѣстія по исторіи Руси.

Воообще говоря, авторъ разсматриваемой книги съ своими мнѣніями вездѣ почти скрывается, если-же гдѣ и показывается, то, какъ мы указали, весьма неудачно. Сочиненіе его не можетъ быть отнесено ни къ первой, ни ко второй части исторіографіи. Правильнѣй было-бы озаглавить его хотя-бы такъ: «Собраніе мнѣній по различнымъ деталямъ вопроса о лѣтописяхъ, съ примѣчаніями автора». Библіографіи съ исторіографіей смѣшивать нельзя.

Мы разсматривали книгу г. Маркевича, какъ сочиненіе, изданное въ свѣтъ. Еще меньше хорошаго можно о немъ сказать, какъ о лекціяхъ. Мы не видимъ тутъ признаковъ анализа, такъ сказать, анатоміи лѣтописи, а только пріученіе неопытныхъ, еще не богатыхъ свѣдѣніями, слушателей къ повторенію чужихъ мнѣній.

П. Голубовскій.

Кіевъ, 1883 года,
іюля 9 дня.

Дополненія къ „Покажчику новоі украінскоі літератури" М. Комарова.

Пусть не подумаетъ читатель, что это заглавіе новой книги; это только дополненіе къ книгѣ, о которой была помѣщена библіографическая замѣтка въ апрѣльской книжкѣ «Кіевской Старины». Авторъ этой замѣтки, г Науменко, между прочимъ, говоритъ: «мы признаемъ, что пропусковъ въ подобномъ трудѣ никто избѣжать не можетъ... Единственная возможность пополнить пробѣлы библіографическаго указателя—сдѣлать извѣстными имѣющіяся у каждаго свѣдѣнія путемъ печати».

Имѣя нѣсколько такихъ свѣдѣній, мы дѣлимся ими съ издателемъ «Показчика» и читателями «Кіевской Старины». По этимъ свѣдѣніямъ въ «Покажчикѣ» не указаны слѣдующія изданія по части исторіи и этнографіи малорусской:

1. *Левшина.* «Письма изъ Малороссіи». Харьковъ. Года, къ сожалѣнію, не помнимъ.—Въ письмахъ есть много историческихъ и этнографическихъ замѣтокъ, записанныхъ на мѣстѣ; кромѣ того—свѣдѣнія о раскольникахъ сѣверной части черниговской губерніи.

2. *Кулжинскаго.* «Малороссійская деревня». Москва. Годъ также не записанъ. Въ брошюркѣ, между прочимъ, есть о малорусскихъ пѣсняхъ.

3. Нѣсколько (15 пѣс.) народныхъ пѣсень, извѣстныхъ за Днѣпромъ и въ Галиціи. «Вѣстн. Евр.» 1829 г. № 7.

4. Малороссійскія пѣсни. «Вѣстн. Евр.». 1830 г. № 6 (8 пѣс.).

5. *Вадима Пассека.* Купало. «Москов. Наблюд.». Октябрь, кн. 1-я. 1835 г.—О празднованіи Купала и 10 пѣсень.

6. *Его-же.* Малороссійскія повѣрья. «Кіевлянинъ», 1840 г., 19—20 стр.—Заговоры отъ сглаза и противъ укушенія змѣи.

Его-же. Новый годъ. «Кіевлянинъ». 1840 г., кн. 3, 71—120 стр.

8. *Его-же.* Веснянки. Очерки Россіи, кн. V, 140—187 стр. Москва. 1842 г.—Въ статьѣ 15 веснянокъ.

9. *Кулиша.* Малороссійскіе разсказы. «Кіевлянинъ». 1840 г. 205—228 стр.—Два преданія, записанныхъ въ черниговской губерніи.

10. *Срезневскаго.* Козаки—гайдамаки уніатской войны. «Кіевлянинъ». 1840 г., стр. 121—138. Тутъ-же помѣщено нѣсколько пѣсень и думъ о подвигахъ Лободы и др.

11. Малороссійская пѣсня. «Кіевлянинъ». 1840 г., стр. 16.

12. *В. В—скаго.* Объ украинскихъ народныхъ преданіяхъ. Пер. съ польскаго. Москвитянинъ, № 11—12, стр. 140—158.

Содержаніе: 1) Легенда о кіевскихъ золотыхъ воротахъ. 2) Легенда о Мазепѣ и царѣ Петрѣ. 3) Легенда о Кириллѣ Кожемякѣ. 4) Содержаніе замѣчательнѣйшихъ изъ миѳологическихъ преданій. 5) Путешествіе по другому свѣту.

13. *Марачевича,* протоіерея. Село Кобылья (волынской губ., новоградволын. уѣзда). «Этнографическій сборникъ». Изданіе географическаго общества. Вып. 1, стр. 294—312.—Народныя преданія, одежда, обычаи и пр.

14. *Базилевича,* священника. Мѣст. Александровка (черниговской губ. сосницкаго уѣзда). «Этнографическій сборникъ». Изданіе географическаго общ. Вып. 1-й, стр. 313—336.—Тутъ между прочимъ—дума о Богданѣ Хмельницкомъ.

15. Четыре старинныя малорусскія думы, *записанныя Афанасьевымъ*. Памятники и образцы народнаго языка и словесности. Издан. II отдѣл. акад. наукъ, тетр. 2-я.—Вотъ эти думы: 1) О Самуилѣ Кушкѣ. 2) Объ Иванѣ Коновченкѣ. 3) О трехъ братьяхъ. 4) Бандуристъ.

16. Украинская дума про невольниковъ. Извѣстія II отдѣленія академіи наукъ, т. III, стр. 282.

17. *Афанасьева*. Народныя русскія сказки. Москва, 4 выпуска.—Въ 1-мъ и 3 выпускахъ помѣщены 4 малорусскія сказки, а въ 4-мъ малор. анекдоты.

18. *Костомарова*. О миѳическомъ значеніи Горя-злосчастія «Соврем.» 1856 г. № 10, стр. 113—124.—Приведено нѣсколько украинск. пѣсень и указаны заимствованія въ нихъ малороссами у великороссовъ и обратно.

19. *Гаданіе*. Народная малорусская сказка. Мк. (?) т. IX, кн. XVII, стр. 38—41 [1]).

20. *A. Nowosielski*. Lud ukrainski. Wilno. 1857 г.

21. Пѣсни малороссіянъ. Изд. Прѣснова. Москва. 1872 г. Ц. 50 к.

22. Пѣсня малороссійскія. Изд. Глушкова. Москва. 1874 г. Ц. 30 к.

М. Гавриловъ.

---

[1]) Такъ какъ статья эта записана мною давно, то я и самъ не могу припомнить, что обозначалъ буквами Мк.—Москва или Москвитянинъ.—Прим. авт.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

КАКЪ ПОЛУЧАЛИ ЗАПОРОЖЦЫ ДЕНЕЖНОЕ И ХЛѢБНОЕ СВОЕ ЖАЛОВАНЬЕ.

Въ архивѣ кіевскаго губернскаго правленія сохранились обрывки полуистлѣвшаго и разбитаго, нѣкогда объемистаго (на 136 л.) дѣла о жалованьѣ запорожцевъ, возбужденнаго въ 1752 г. по почину самаго гетмана, графа Кирила Григорьевича Разумовскаго, и неизвѣстно, чѣмъ и когда закончившагося. По этимъ остаткамъ можно однако составить понятіе не только о размѣрѣ отпускавшагося въ то время Запорожью отъ казны жалованья деньгами и натурою, но и о канцелярскихъ и интендантскихъ порядкахъ нашихъ того времени и о томъ, какъ приходились они по вкусу запорожцамъ, не имѣвшимъ представленія ни о какомъ бюрократизмѣ и ни о какихъ казенныхъ поставкахъ и отпускахъ.

Запорожскіе козаки пользовались жалованьемъ отъ казны еще со времени перваго присоединенія ихъ къ Россіи. Оно было возобновлено имъ вскорѣ послѣ возвращенія ихъ изъ Турціи въ 1733 г. Размѣры его были неодинаковы, а давалось оно деньгами, хлѣбомъ, порохомъ и свинцемъ. Въ 1757 году, съ назначеніемъ въ гетманы бывшаго придворнаго пѣвчаго, тогда-жъ графа уже Разумовскаго, высочайшею на имя его грамотою жалованье запорожцамъ было нѣсколько возвышено и опредѣлено въ такомъ размѣрѣ: деньгами 4660 р. (гетманъ получалъ 50,000 р. собственно по одной этой должности), муки 1000 четвертей, крупъ 62½ четвертей и пороху и свинцу по 50 пудовъ. Точное число запорожцевъ никогда не было извѣстно; но если полагать ихъ, по послѣднему во время

разоренія Сѣчи счету, 12,000—15,000 т., если притомъ принять въ разсчетъ, что каждый изъ нихъ долженъ былъ, во время походовъ и разныхъ командировокъ, имѣть свою лошадь и все вооруженіе и содержаться на свой счетъ, то нельзя не признать, что это было лишь незначительное пособіе запорожцамъ отъ казны въ отправленія ими пограничной воинской службы, главный-же фондъ ихъ составляли ихъ собственные доходы отъ рыбныхъ и соляныхъ заводовъ, охоты и мелкаго курениаго хозяйства. Но и это небольшое царское жалованье доставалось имъ не скоро, не безъ труда и хлопотъ, благодаря тѣмъ интендантскимъ пріемамъ, которые продолжаютъ свою печальную исторію и до нашихъ дней.

Еще баронъ Вейсбахъ, при самомъ принятіи запорожцевъ въ подданство Россіи, послѣ возвращенія ихъ изъ Турціи, исходатайствовалъ для нихъ высочайшее разрѣшеніе на присылку отъ нихъ депутаціи ко двору. Депутація принята была весьма милостиво и, кромѣ богатыхъ подарковъ, получила и возобновленное Запорожью жалованье. Съ тѣхъ поръ депутація отправлялась въ Петербургъ ежегодно и сверхъ жалованья получала еще и подарки отъ высочайшаго двора. Депутація состояла обыкновенно изъ 20-ти человѣкъ „знатнаго войсковаго товариства“ съ кѣмъ либо изъ запорожской старшины (напр. войсковымъ судьею) во главѣ. Такія поѣздки тѣмъ болѣе были выгодны и даже лестны, что депутатамъ давались въ оба конца пути прогонныя деньги, въ самомъ-же Петербургѣ они роскошно содержались на счетъ казны, встрѣчали ласковый пріемъ и „удостоивались видѣть высоко-монаршее лице“. Въ тоже время порохъ и свинецъ, равно мука и крупа отпускались изъ кременчугскихъ магазиновъ—первые по ассигновкѣ конторы главной артиллеріи и фортификаціи, а вторыя изъ провіантской канцеляріи, и доставлялись оттуда въ Сѣчь „казенными судами и людьми за надлежащимъ конвоемъ“.

Высочайшею грамотою 26 ноября 1751 г. поѣздки депутатовъ отъ Запорожья въ Петербургъ за жалованьемъ были отмѣнены, а назначенное Запорожью жалованье велѣно было доставлять въ Сѣчь изъ кіево-губернской канцеляріи съ нарочно командируемымъ оберъ-офицеромъ, въ остальномъ оставленъ прежній порядокъ. Но въ ту пору барона Вейсбаха, покровителя запорожцевъ, уже не было въ

живыхъ и на мѣстѣ его кіевскимъ генералъ-губернаторомъ былъ Леонтьевъ, ненавидѣвшій запорожцевъ до глубины души и видѣвшій въ нихъ необузданныхъ своевольниковъ, грабителей и разбойниковъ, готовыхъ притомъ измѣнить правительству и всячески провести и обмануть его. Онъ напрягалъ всѣ усилія, чтобы сломить ненавистную ему вольницу запорожскую и едва-ли не подъ его вліяніемъ произошла эта перемѣна въ порядкѣ полученія запорожцами жалованья. Къ тому времени въ сердцѣ, такъ сказать, Запорожья учрежденъ былъ такъ называемый новосѣченскій ретраншаментъ въ видахъ постояннаго за нимъ наблюденія. Придуманная теперь каждогодная отправка въ Сѣчь денежнаго жалованья, съ „добрымъ и надежнымъ оберъ-офицеромъ", едва-ли не была особымъ видомъ соглядатайства, развитаго Леонтьевымъ до крайнихъ предѣловъ. Какъ-бы то ни было, но отмѣна каждогодной отправки Запорожьемъ депутаціи въ Петербургъ была знакомъ немилости къ нему и давала поводъ разнымъ властямъ не церемониться съ запорожцами и на мѣстѣ. Это отразилось и на полученіи слѣдуемаго имъ отъ казны денежнаго и хлѣбнаго жалованья.

Прежде всего притѣснилъ запорожцевъ въ выдачѣ денежнаго жалованья самъ Леонтьевъ. Оно выдавалось за годъ впередъ; но окончился 1751 г., а о жалованьи не было и помину. При тогдашнихъ сообщеніяхъ отдаленному Запорожью, отдѣленному притомъ отъ Кіева обширнымъ пространствомъ польскихъ владѣній, мудрено было наводить справки о жалованьѣ въ кіево-губернской канцеляріи. Прошла первая четверть слѣд. года,—жалованья не было. Запорожцы не вытерпѣли и прибѣгли съ жалобою къ гетману. Разумовскій въ апрѣлѣ обратился съ письмомъ по этому предмету къ Леонтьеву. Гетманъ настаивалъ, чтобы деньги и провіантъ отпускались „безъ всякаго медлительства", чтобы не было нареканій и недовольства. Леонтьевъ отвѣчалъ, что денегъ нѣтъ, что они не получены еще изъ бѣлогородской канцеляріи (послѣднее указываетъ, быть можетъ, на источникъ выдававшагося запорожцамъ пособія—изъ доходовъ бывшихъ слободскихъ полковъ). Только въ іюнѣ прибылъ изъ Бѣлгорода въ Кіевъ транспортъ съ деньгами и для доставленія ихъ отсюда въ Кошъ отправленъ былъ поручикъ Фроловъ съ однимъ капраломъ и 12 солдатами на 5-ти подводахъ. Деньги получены были въ Кошѣ 21 іюня.

Труднѣе было запорожцамъ получить „хлѣбное жалованье". Не смотря на ясно подтвержденный въ высочайшей грамотѣ прежній порядокъ отправленія въ Сѣчь „казенными судами и людьми" назначаемаго къ отпуску ежегоднаго количества хлѣба и крупы, пороху и свинцу, запорожцамъ предложено было теперь самимъ получить и перевезти все это изъ Кременчуга, конечно, сухимъ путемъ. Разстояніе отъ Кременчуга до Сѣчи было около 300 верстъ, на поднятіе годичной пропорціи слѣдуемаго Запорожью провіанта требовалось до 400 подводъ, а въ Сѣчи ихъ вовсе не было и добыть ихъ въ голой степи не было никакой возможности. Интендантская продѣлка говоритъ сама за себя. Запорожцы тѣмъ болѣе были ею возмущены, что если провіантскому вѣдомству не желательно было доставлять провіантъ въ Сѣчь „казенными судами и людьми" изъ кременчугскаго магазина, то ничего не стоило ему отпустить оный изъ новосѣченскаго магазина, находившагося у нихъ подъ бокомъ. Запорожцы добивались полученія провіанта именно изъ этого магазина, заявляя, что въ немъ во всякое время находится отъ 3 до 4 тысячъ четвертей хлѣбнаго продовольствія, а относительно жалованья настаивали на возстановленіи прежняго порядка полученія онаго, посредствомъ каждогодной отправки ко двору особой депутаціи. Пошла длинная переписка. Князь Семенъ Волконскій, занимавшій видное мѣсто по провіантской части на югѣ, доказывалъ, что изъ новосѣченскаго ретраншаменту производить Запорожью хлѣбнаго довольствія не возможно, такъ какъ тамъ, при внезапномъ востребованіи провіанта для какихъ либо другихъ цѣлей, можетъ оказаться въ немъ недостатокъ, и настаивалъ на полученіи запорожцами слѣдуемой имъ провизіи изъ кременчугскаго магазина, который де одинъ указанъ въ высочайшей грамотѣ 1751 г. Когда-же это представленіе не было уважено и хлѣбъ и крупу запорожцамъ за 1751 г. велѣно было отпустить изъ новосѣченскаго магазина, оберъ-провіантмейстеръ заявилъ, что безъ особаго указа главной провіантской канцеляріи онъ исполнить этого не можетъ. Только 18 сентября 1752 г. былъ наконецъ полученъ кошевымъ Павломъ Ивановымъ провіантъ за 1751 г. изъ ново-сѣченскаго, а не изъ кременчугскаго магазина.

Но наступилъ 1753 годъ, и не смотря на сенатскій указъ отъ 12 августа 1752 г., которымъ категорически предписывалось „хлѣб-

ное жалованье" запорожцамъ отпускать изъ новосѣченскаго или „изъ другихъ способныхъ и близкихъ къ тому войску магазейновъ", тотъ-же Кошевой Павелъ Ивановъ снова жалуется кіево-губернской канцеляріи на не выдачу провіанта за 1752 г. Кошъ добивался и на этотъ разъ получить провіантъ изъ новосѣченскаго магазина, какъ ближайшаго, и опять указывалъ на хранившіеся въ немъ запасы, по ближайшимъ, конечно, справкамъ; но оберъ-провіантмейстеръ Смецкій, къ которому онъ обратился за этимъ дѣломъ, отвѣчалъ, что новосѣченскій и другіе ближайшіе магазины находятся въ вѣдѣніи бригадира и переволоченскаго коменданта Кошелева. Кошелевъ сначала отказалъ, а потомъ далъ приказъ о выдачѣ провіанта, не указавъ однако магазина, изъ котораго тотъ провіантъ долженъ быть отпущенъ, а сдѣлалъ объ этомъ представленіе въ главную провіантскую канцелярію. Неожиданно для запорожцевъ и Кошелева послѣдовало благопріятное для нихъ разрѣшеніе, но по ходатайствамъ, возбужденнымъ еще раньше. Изъ обрывковъ находившагося въ рукахъ нашихъ дѣла видно, что переписка о жалованьѣ запорожцевъ восходила до государственной иностранныхъ дѣлъ коллегіи и указомъ ея еще 15 генваря 1753 г. возстановленъ былъ прежній порядокъ полученія онаго. Въ началѣ этого года отправлена была въ Петербургъ запорожская депутація съ полковникомъ Даниломъ Гладкимъ во главѣ. Жалованье выдано депутаціи изъ штатсъ-конторы по отношенію коллегіи иностранныхъ дѣлъ; въ то-же время кіево-губернской канцеляріи строго подтверждено отпустить „безъ замедленія" провіантъ, порохъ и свинецъ за 1752 г., и все это принято тою-же депутаціею на обратномъ пути изъ Петербурга.

На этомъ обрываются свѣдѣнія полуистнившаго дѣла о жалованьѣ запорожцевъ, и мы не знаемъ, какія новыя перипетіи проходило оно, благодаря сильному и тогда канцеляризму и хитрому на выдумки во дни юности своей интендантству.

ПОЧЕМУ ДЕСЯТИННАЯ ВЪ КІЕВѢ ЦЕРКОВЬ ИЗВѢСТНА ВЪ НАРОДѢ ПОДЪ ИМЕНЕМЪ ДЕСЯТИННАГО НИКОЛАЯ?

Древняя десятинная церковь, созданная въ Кіевѣ св. Владиміромъ, въ лѣтописяхъ извѣстна подъ именемъ десятинной и Бого-

родичной. Исторически извѣстно также, что митрополитъ кіевскій Петръ Могила на развалинахъ этой церкви, изъ ея остатковъ, устроилъ въ XVII вѣкѣ малый храмъ съ престоломъ во имя Рождества Богородицы, надъ которымъ неизвѣстно кѣмъ надстроенъ былъ еще деревянный придѣлъ во имя св. апостолъ Петра и Павла. Въ 1826 году, послѣ сломки могилинской церкви, помѣщикомъ Анненковымъ начата постройка новаго большаго храма на фундаментахъ Владиміровыхъ, который оконченъ и освященъ въ 1842 году; въ этомъ храмѣ главный престолъ во имя Рождества Богородицы, а два боковые—во имя св. Владиміра и святителя Николая. Такимъ образомъ въ десятинныхъ храмахъ владимірскомъ и могилинскомъ не было престола во имя святителя Николая; въ храмѣ новѣйшемъ Анненкова николаевскій престолъ—одинъ изъ придѣльныхъ, а между тѣмъ народъ называлъ и продолжаетъ называть десятинную кіевскую церковь *десятиннымъ Николаемъ*.

Въ объясненіе этого явленія, противорѣчащаго общему обычаю называть церкви по имени святаго лица или святаго событія, которому посвященъ главный престолъ, начали дѣлать предположенія, будто названіе десятиннаго Николая усвоено десятинной церкви отъ имѣвшагося въ могилинской церкви образа св. Николая; такъ сказано въ описаніи Кіева—Закревскаго и въ краткомъ описаніи кіевской десятинной церкви, изданномъ въ 1826 году въ С.-Петербургѣ. Предположеніе неосновательное и потому уже, что образъ св. Николая, бывшій въ могилинской церкви, не принадлежитъ къ чудотворнымъ или особенно чтимымъ.

Наконецъ оказалось, что народное преданіе вѣрнѣе догадокъ, сочиняемыхъ археологами, оказалось, что еще раньше времени митроп. Могилы, на развалинахъ десятинной Владиміровой церкви существовала деревяная церковь во имя св. Николая, которой народъ усвоилъ названіе десятиннаго Николая, называлъ тѣмъ именемъ могилинскую Рождество-Богородичную церковь и продолжаетъ называть этимъ-же именемъ существующую нынѣ 3-хъ престольную десятинную Анненковскую, не смотря на то, что въ могилинской вовсе не было николаевскаго престола, а въ Анненковской—онъ одинъ изъ придѣльныхъ. О существованіи церкви во имя св. Николая на развалинахъ десятинной свидѣтельство находится въ одномъ документѣ архива бывшихъ уніатскихъ митрополитовъ, именно

въ выписи изъ гродскихъ книгъ кіевскаго воеводства (№ 718). Въ этомъ актѣ заявляется кіевскому мѣстному суду, что митрополитъ кіевскій Петръ Могила въ 1633 году отобралъ отъ уніатовъ, вмѣстѣ съ софійскимъ соборомъ, и 3 церкви, находившіяся на Старомъ Кіевѣ: деревянную святого *Миколы*, названнаго *десятиннаго*, другую, также деревянную, святаго *Семена*, возлѣ брамы мѣстской на горѣ лежачую и третью мурованую (каменную) святаго Василія, названнаго *нагорнаго*. Итакъ народъ имѣлъ основаніе называть десятинную церковь десятиннымъ Николаемъ.

Можно спросить еще, почему на развалинахъ десятинной Богородичной церкви создана была въ XVII вѣкѣ не Богородичная-же, а Николаевская церковь, тогда какъ въ Кіевѣ и въ то уже время было 4 православныя церкви во имя св. Николая и 1 католическая? Построеніемъ малаго деревяннаго николаевскаго храма на развалинахъ церкви, погибшей отъ татарскаго разгрома, не была-ли ознаменована память взятія Кіева Батыемъ 6 декабря, въ день святителя Николая? Вѣроятно кіевляне съ памятью о гибели своего града хотѣли соединить молитву къ святителю Христову Николаю о побѣдѣ на супостатовъ, какъ „побѣдѣ тезоименитому“.

П. Л—въ.

УЦѢЛѢВШАЯ СТАРИНА.

Еще въ 1878 году, когда П. С. Ефименко собиралъ матеріалы для помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ „Кіевской Старины“ статьи: „Шпитали въ Малороссіи“,—я сообщилъ ему, что въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ существовалъ при благовѣщенской церкви заштатнаго города Березнаго (черниров. губ. и уѣзда) шпиталь, но существуетъ-ли онъ и доселѣ, мнѣ неизвѣстно. Вмѣстѣ съ этимъ я разсказалъ П. С. Ефименку то, что зналъ объ этомъ шпиталѣ. Вѣроятно П. С. Ефименко болѣе ничего не узналъ объ этомъ шпиталѣ, такъ какъ въ своей статьѣ ни слова не говоритъ о Березинскихъ шпиталяхъ.

„Какъ извѣстно, говоритъ П. С. Ефименко, приходскіе *шпитали въ настоящее время представляютъ лишь достояніе исторіи*. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ особенности въ городахъ, до сихъ

поръ сохранились или слѣды ихъ существованія, или живые преданія о нихъ".

Между тѣмъ, какъ оказывается, г. Березное является упорнымъ хранителемъ старины, давно уже исчезнувшей въ другихъ мѣстахъ: въ немъ еще и до сихъ поръ существуютъ два шпиталя, церковныя школы, два братскихъ дома и цехи: кравецкій, шевскій и різницкій.

Въ первыхъ числахъ іюня этого года пришлось мнѣ побывать въ Березномъ и кое что узнать объ этихъ учрежденіяхъ. Спѣшу подѣлиться съ редакціей и читателями тѣми свѣдѣніями, которые мнѣ удалось собрать (между прочимъ) въ теченіи одного дня, а также и тѣми, которые сохранились въ моей памяти съ дѣтства, проведеннаго мною въ Березномъ.

Шпиталей—два: одинъ при церкви Благовѣщенія, другой при церкви Вознесенія. Первый находится недалеко отъ церкви, черезъ улицу, а второй—на вознесенскомъ кладбищѣ, за городомъ.

Благовѣщенскій шпиталь въ 70-хъ годахъ, состоялъ изъ одной полуразвалившейся избы съ небольшимъ дворикомъ и клочкомъ огорода; на послѣднемъ „шпитальные" садили нужные для себя овоща; а на дворѣ бѣгало 3—4 курицы, а иногда и поросенокъ, составлявшіе убогое хозяйство „старцівъ". На стѣнѣ шпиталя, выходившей на улицу, снаружи была прибита икона. Шпиталь носилъ названіе „бородавчихиного", по всей вѣроятности отъ того, что былъ построенъ на землѣ владѣлицы Бородавкиной („Бородавчихи"), а можетъ быть и на ея средства. Живщіе въ шпиталѣ старики и старухи ни отъ кого никакого опредѣленнаго содержанія не получали, а питались милостыней: здоровые ходили по городу за подаяніемъ, а немощные выходили на улицу и, сидя на „призьбѣ" шпиталя, выпрашивали подаяніе у проходившихъ. Кромѣ того шпитальные первые узнавали о похоронахъ, такъ какъ жили около церкви, и непремѣнно являлись „на обѣдъ". Мѣстные жители мѣщане приглашали шпитальныхъ „посидѣть" къ больному, обмыть умершаго, а иная робкая женщина, въ случаѣ отъѣзда своего мужа, отправлялась въ шпиталь и звала какую нибудь старуху ночевать „для смѣлости". Подобныя услуги, конечно, оплачивались. Къ праздникамъ Рождества и Воскресенія Христова богобоязливые жители присылали въ шпиталь колбасу, кусокъ сала, пасху и т. п.

Иной хозяинъ присылалъ зимой возокъ соломы или хворосту для отопленія. Вообще шпитальнымъ нищимъ отдавалось предпочтеніе предъ другими, въ томъ смыслѣ, что имъ почти никогда не отказывали въ подаяніи. По отношенію къ церкви шпитальные были обязаны нѣкоторыми безплатными услугами, такъ напр. они мыли въ церкви полы наканунѣ большихъ праздниковъ, убирали въ церкви, содержали въ чистотѣ „цвинтарь“ и пр.

Въ настоящее время Благовѣщенскій шпиталь выстроенъ заново на счетъ церкви. Теперь онъ состоитъ изъ двухъ хорошихъ, свѣтлыхъ хатъ, съ крылечкомъ на улицу, раздѣленныхъ сѣнями на двѣ половины и напоминаетъ собою избы нашихъ зажиточныхъ козаковъ и крестьянъ.

Помню одну пословицу, въ которой фигурируетъ шпиталь, очевидно знавшій всѣхъ и все въ городѣ. Если кто нибудь начиналъ хвастать, выставлять свои достоинства, то ему обыкновенно говорили: „та що й казать! Про васъ и бабы у шпитали шепчуть!“

Въ шпиталѣ вознесенской церкви въ настоящее время живетъ пять душъ нищихъ. Средства къ жизни ихъ такія-же, съ небольшимъ различіемъ, происходящимъ отъ того, что шпиталь находится на кладбищѣ. Вознесенское кладбище напоминаетъ собою садъ: масса простыхъ и фруктовыхъ деревьевъ, дорожки, кое-какіе памятники на могилахъ дѣлаютъ его настолько привлекательнымъ, что купцы, мѣщане, а частію и другіе сословія пользуются имъ, какъ мѣстомъ общественнаго гулянья. Въ праздничные дни немало народа отправляется гулять на кладбище: иной увидитъ, что могила близкаго человѣка пришла въ запустѣніе и попроситъ „шпитальнаго дѣда“ поправить ее, за что дѣдъ и получитъ 5—10 коп. На обязанности шпитальныхъ лежитъ наблюденіе за кладбищемъ.

Что касается братствъ и цеховъ, то о нихъ, кромѣ самаго факта ихъ существованія, мнѣ извѣстно очень мало. Въ Березномъ есть два братскихъ дома; оба они нанимаются евреямъ. Куда идутъ деньги за наемъ домовъ, отъ посторонних лицъ узнать не удалось. Вступающій въ цехъ долженъ пожертвовать опредѣленное количество воску, но насколько въ настоящее время вступленіемъ въ цехъ обусловливается право лица заниматься извѣстнымъ ремесломъ, не знаю. Кажется, вступленіе въ цехъ обязательно для ремесленника. Въ церквахъ цехи имѣютъ свои хоругви, кресты и ставники (боль-

шія свѣчи). Отъ времени до времени цехи дѣлаютъ пожертвованія на церковь священными принадлежностями. Помнится, въ дѣтствѣ я слышалъ, что цехи, сдѣлавши „звѣзду", ходили съ нею Рождественскими праздниками по домамъ и изъ вырученной суммы часть отдѣляли въ пользу церкви.

При благовѣщенской, вознесенской и петропавловской церквяхъ остались еще школы. Школами въ Березномъ, по старой памяти, называются зданія при церквяхъ, въ которыхъ живутъ причетники, хотя бы они и не занимались обученіемъ. Въ школѣ вознесенской церкви учится до 30 дѣтей, съ которыми занимаются причетники подъ наблюденіемъ священника.

М. Гавриловъ.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ СБОРНИКА УКРАИНСКАГО ДѢВИЧЬЯГО МОНАСТЫРЯ.

Въ іюльской книгѣ „Кіевской Старины" нынѣшняго года, въ замѣткѣ г. Ефименко, озаглавленной „Административное распоряженіе по поводу слуховъ о кончинѣ міра", помѣщенъ былъ „Ордеръ", разосланный въ 1785 г. воронежскимъ и харьковскимъ генералъ-губернаторомъ Чертковымъ полицейскимъ властямъ объ искорененіи слуховъ въ народѣ относительно предстоящаго въ 1788—1789 годахъ свѣтопреставленія. Въ самомъ „ордерѣ" находится указаніе, что слухъ этотъ былъ возбужденъ появленіемъ рукописи со стихами, которые будто-бы были начертаны на гробницѣ какого-то бернардина, открытой близъ г. Праги, и переведены съ латинскаго языка, якобы по повелѣнію „знатной духовной особы", имя которой составителемъ ордера деликатно умолчано.

Недавно мнѣ удалось случайно видѣть въ гадячскомъ уѣздѣ полтавской губ. рукописный сборникъ конца прошлаго столѣтія, составленный въ новомлинскомъ дѣвичьемъ монастырѣ (черниговской епархіи) и заключающій въ себѣ самаго разнообразнаго содержанія статьи: проповѣди, богословскіе трактаты, выписки изъ Синопсиса, стихотворенія, самостоятельныя лѣтописныя замѣтки и т. под. Здѣсь-же находится и замѣтка со стихами, давшими поводъ генералъ-губернатору Черткову къ составленію розысканнаго г. Ефименкомъ „ордера". Вотъ эта замѣтка и при ней стихи.

„Близь города Праги, називаемомъ Вина, въ рудокопныхъ заводахъ сисканъ гробъ, въ коемъ гробѣ лежащій нетлѣнный трупъ, въ коего рукахъ сіи стихи были написанныи на каменной таблицѣ. Имя ему Іоаннъ бернандъ, и какъ онъ умре, то уже тому протекло болѣе трехъ сотъ лѣтъ; ис чего явилось, что онъ былъ наученъ математики“.

После Рождества Христова 1778 года,
Кой наступивши зъ собою печалной рокъ принесетъ:
Ежели-жъ сего года въвесь міръ не падетъ
И ежели ни во что земля и море не обратятся,
То однакъ всѣ государства на землѣ разорятся
И вездѣ великая печаль будетъ,
Отъ Дѣвы Рождества Христова 1788-го.
Потомъ наступитъ годъ, приспѣетъ жалостна на свѣтѣ тогда судбина,
Да чутъ-ли и всему уже міру удругъ кончина:
Стихія естли всѣ сему не припадутъ,
То много государствъ отъ бунтовъ пропадутъ.
Отчаяніе, вопль, страхъ усилится тогда,
Печалніе слѣдствіи и разніе рода.
Прохожій! Посмотри на прахъ здѣ человѣка,
Лежащаго уже въ послѣднія времена вѣка.

Предсказатель сего Іоаннъ бернандъ, скончался 1500 года.

„1789 годъ владѣнія есть планета мѣсяцъ небесный (sic!) былъ повелѣнія Афродита (sic!). Сей годъ покажется плодоносній на все. Зима будетъ посредственна, такъ-же и весна; лѣто дождливое и по сей причинѣ пшеницѣ въ нѣкоторихъ мѣстахъ спортятся, наипаче въ полуденной странѣ. Настоящой-же годъ покажетъ великую войну и смерть въ человѣческомъ родѣ; государѣ обременять своихъ подданныхъ великими окладами и объявятся много разбойниковъ, для которыхъ всѣ дороги будутъ опасны, посредствомъ нѣкоторой силы и многіе невольники отътуда избавлены будутъ, купцѣ или мудріе ученіе люде упадутъ изъ своихъ достоинствъ“.

„Сіи стихи переведени съ латинскаго на россійскій по повелѣнію его преосвященства, митрополита кіевскаго Самуила“.

„Сіе сискано въ Венеріи (Венеціи?), 1785 года, января 20 дня“.

Въ томъ-же сборникѣ, между разными стихотвореніями, я нашелъ нижеслѣдующій плодъ манашескаго піитическаго упражненія, который я назвалъ-бы „Монашеское самообличеніе“, или что-нибудь въ этомъ родѣ, и который долгое время былъ распѣваемъ въ Украинѣ обѣихъ сторонъ Днѣпра людьми духовными и мірскими. Помимо характерной наивности представленій и картинъ, во всемъ складѣ и напѣвѣ этой пѣсни звучитъ какая-то неуловимая надъ чѣмъ-то иронія.

Ахъ монахъ! Умныма очима
Посмотри, что смерть за плечима.
Куда въ мысли бродишь,
Почто въ міръ ходишь?
Какъ живешь?

Какъ живешь! Точишь смѣхъ и балы,
Бавишся частими пукалы (бокалы?),
Впиваешся часто,
Граешъ въ свирѣль гласно.
Ахъ монахъ!

Скучно тебѣ въ келіи сидѣти
И въ слезахъ надъ правиломъ бдѣти,
Ты-жъ шукаешъ въ селахъ
Молодыцъ веселыхъ
И дѣвчатъ.

Ахъ монахъ! гдѣ твои обѣты,
Что клялся честно, свято жити!
Гдѣ совѣсть, гдѣ вѣра,
Чтобъ не любить міра
Присягалъ.

Горлица, какъ друга лишится,
Во вѣки зъ другимъ не спарится,
Гдѣ древо зелено,
Цвѣты украшено,
Не сядетъ;

Но летитъ съ тоски, горя, туги
Въ далеки страны, пусти луги,

Чтобъ не возратиться,
Ктому не спариться
Зъ другою.

Ты жъ не такъ живеши разумно,
Какъ она поступаетъ умно.
Се толко и звѣри
Суть тебѣ примѣры
Подобны.

Но бѣжишъ паки во калъ тинный
Илъ какъ песъ на своя блевотины.
Видишъ, что не кстати,
Пора перестати,
Бо стыдно.

И мраморъ, весма хладенъ камень,
Великій зъ себе пуститъ пламень;
Тотъ часъ возгорится,
Какъ съ другимъ скотится
Каменемъ.

Но изволь, разсудивши тое,
Оставъ зло, озми вже благое,
Чтобъ Творца молити,
Дабы въ небѣ жити
Во вѣки.

Finis.

Въ томъ-же сборникѣ имѣется:

Средство отъ чарованія или колдунства надъ скотомъ.

Взять тертого рогу отъ мертвои животини, тертого-же коневъя копыта и тертои спинкои кости отъ оленя, отъ яслій, гдѣ скотина ѣстъ, со всѣхъ четырехъ угловъ по немногу дерева обтереть, къ сему прибавить свиного калу, головокъ или сѣмя отъ руты травы, тейфелсъ-дреку (?), сахару пять квинтелей, а вышеписанныхъ вещей по равной небольшой мѣрѣ; ктому-же приложить сушеную щучью печенку, сердце и желчъ, и симъ всѣмъ по три утра до восхожденія солнца, а ввечеру

по захожденіи онаго какъ животину, такъ и тѣ ясли, гдѣ скотина стоитъ, гораздо окуривать.

Писалъ 1783 года, генваря 18, дѣвичья Новомлинского монастыря діяконъ Григорій Перехожинскій".

НЕ ПРИВИВШІЙСЯ НА ПОЛТАВСКОЙ ПОЧВѢ РЕВЕНЬ.

Въ началѣ нынѣшняго вѣка министру внутреннихъ дѣлъ пришла идея увеличить отечественную промышленность новой статьей—разведеніемъ *ревеннаго корня.* Малороссійскій генералъ-губернаторъ получилъ по сему поводу „предложеніе", въ которомъ министръ между прочимъ писалъ: „разведеніе ревеню положено производить посредствомъ медицинскихъ чиновниковъ въ губерніяхъ и уѣздныхъ городахъ, безъ всякаго пособія правительства, въ награжденіе-же тѣмъ изъ врачей, кои окажутъ большіе успѣхи въ распространеніи сихъ плантацій, въ 1800 году опредѣлено выдавать по 14 рублей за пудъ ревеню. Посредствомъ сихъ награжденій старательные не токмо могутъ достать деньги на огорожу плантацій своихъ и на обработываніе земли, но даже имѣютъ выгоды, споспѣшествуя при томъ благотворнымъ видамъ правительства. Мнѣніе сіе опытомъ подтверждается; ибо во многихъ губерніяхъ плантаціи въ хорошемъ положеніи и врачи, добивающіе ревень получаютъ свои выгоды" [1]).

Можетъ быть и многіе врачи старались „споспѣшествовать благопріятнымъ видамъ правительства", но что-бъ „во многихъ губерніяхъ" плантаціи были „въ хорошемъ положеніи", въ этомъ очень можно усумниться, въ виду слѣдующаго.

Въ 1808 году полтавская врачебная управа получила отъ министра внутреннихъ дѣлъ запросъ: „существуютъ-ли (въ полт. губ.) ревенные плантаціи, сколько оныхъ пространствомъ и гдѣ

---

[1]) Дѣло № 343, въ думскомъ архивѣ г. Кременчуга.

именно отведено мѣсто, имѣютъ-ли полную существенность, или есть въ оныхъ недостатки и какіе, а буди нѣтъ (не недостатковъ, конечно, а плантацій), то существовали-ли прежде, когда именно оныхъ существенность прекращена и по какимъ случаямъ", и проч. Врачебная управа обратилась въ губернское правленіе, а послѣднее предписало городскимъ думамъ и городничимъ немедленно донести въ управу, гдѣ, кто и какъ разводитъ ревень. Въ управѣ чрезъ нѣсколько времени получились изъ уѣздовъ слѣдующіе отвѣты: повѣтовые штабъ-лекари лохвицкій, миргородскій и кобелякцкій писали коротко, что подъ плантаціи „мѣста въ отводѣ не было и нынѣ нѣтъ". „Хорольскій повѣтовый штабъ-лѣкарь Святновскій, что съ 1801 года въ отводѣ мѣсто имѣется длиною въ 22, а шириною въ 12 треаршинныхъ саженей, но оное гористое, отъ воды въ отдаленности и земля для сей надобности не выгодная, по каковымъ объстоятельствамъ ревенной плантаціи разведено очень мало". „Зеньковскій, Зерцаловъ, что за вступленіемъ его въ настоящую должность мѣста для разведенія ревеня не получалъ, хотя-же и требовалъ онаго въ прошломъ 1807 году отъ тамошней ратуши, но удовлетворенія не получилъ. Стараясь-же онъ Зерцаловъ ревенными сѣменами неотведенное мѣсто (засѣялъ) и въ семъ годѣ во время удобное пересадилъ онаго корней до ста на другое уже мѣсто, неотведенное-жъ, а сего года, по вторительному его требованію, ратуша таковое мѣсто отвела вновъ, но отъ огорожи онаго безъ предписанія начальства отказывается". „Лубенскій Яновскій, что мѣсто есть отведенное длиною въ 45, а шириною въ 7 треаршинныхъ саженей, на которомъ мѣстѣ ревенная плантація производится, но какъ сіе мѣсто гористое, то вода во всякое время отъ дозжей вымиваетъ корни и даже отваливаетъ изъ грядъ землю, почему и нужно для поправленія знатную сумму имѣть". „Прилуцкій, Яновскій, что онъ мѣсто отъ предмѣстника своего Соболя принялъ неограниченное (sic) и не имѣющее на себѣ ревенних сѣменъ, кромѣ разнаго другаго произрастенія, которое мѣсто едва обрался огородить въ семъ 1808 году, ревень-же разводитъ въ собственномъ своемъ огородѣ очень мало". „Константиноградскій, Гилевскій, что „мѣста въ отводѣ не имѣется, ревень-же разводитъ онъ въ собственномъ своемъ огородѣ, и уже къ слѣдующей осени надѣется получить нѣсколько ревенныхъ кореньевъ къ употребленію

годныхъ". „Исправляющій должность кременчугскаго лекаря Плословный, что мѣсто было отведено внутрѣ города, но оное нынѣ занято строющеюся церковью и казенными домами, потому и существенность оной прекращена, а сколько было пространствомъ и имѣла ли полную существенность, за всѣми его стараніями, не могъ онъ узнать, ревенная-жъ плантація производится въ полной существенности стараніемъ аптекаря тамошней вольной аптеки Миллера въ саду богоугоднаго заведенія и въ собственномъ его".

Такъ какъ городскія думы, по „строжайшихъ" предписаніяхъ, очевидно руководствовались все-таки при отводѣ мѣстъ подъ ревень пословицей: „нá тобі, небоже, що мені негоже", то медицинская управа опять обратилась въ губернское правленіе съ просьбой предписать думамъ отвести медицинскимъ чиновникамъ мѣста подъ ревенныя плантаціи,—тѣ именно, „которые они сами по климату земли признаютъ къ тому способными".

Между тѣмъ саму управу безпрестанно понукалъ гражданскій губернаторъ. Наприм. 6 апрѣля 1809 года кременчугскій штабъ-лекарь такъ пишетъ въ городскую думу: „полтавская врачебная управа получила отъ господина гражданскаго губернатора предложеніе, при которомъ онъ, господинъ губернаторъ, препровождаетъ въ оную управу доставленные къ нему отъ господина министра внутреннихъ дѣлъ ревенные сѣмена для разведенія въ здѣшней губерніи и требуетъ оные сѣмена разослать къ повѣтовымъ лѣкарямъ съ подтвержденіемъ имъ, что какъ сѣмена сіи выписаны его сіятельствомъ изъ мѣстъ китайскихъ, то употребили-бъ всемѣрное стараніе къ разведенію ревеня, имѣя за оными особенное наблюденіе, и буди не отведены гдѣ для того удобныя мѣста, требовали-бъ отъ полицмейстеровъ и градскихъ думъ отводу и огорожи оныхъ".

А гражданскому губернатору, вѣроятно, самому не было покоя отъ высшаго начальства, ибо 29 того-же апрѣля онъ опять пишетъ, уже непосредственно въ повѣты, слѣдующее: „поспѣшаю строжайше подтвердить всѣмъ гг. полицмейстерамъ, городничимъ и городскимъ думамъ, чтобы они, есть-ли гдѣ мѣста для посѣву ревеню о сю пору еще не отведены, нимало не медля назначили оные и исправили-бы во всемъ по содержанію указовъ, изъ губернскаго правленія послѣдовавшихъ, дабы не упустить нынѣшняго

удобнаго времени безъ посѣва толь полезнаго растенія, о которомъ правительство много заботится".

Должно быть много бумаги было изведено, прежде чѣмъ его сіятельство убѣдился, что новая статья отечественной промышленности „полной существенности" имѣть не можетъ. Какъ долго безпокоили честныхъ обывателей штабъ-лекаря въ другихъ уѣздныхъ городахъ полтавской губерніи, неизвѣстно; въ Кременчугѣ-же эта исторія тянулась еще 2 года, пока не улеглось мало по малу ревенное рвеніе властей.

Въ 1810 году лекарь Захаржевскій обращается въ думу съ жалобой, что на отведенной городомъ землѣ нельзя разводить ревень, потому что земля негодна (вѣроятно гдѣ нибудь на пескахъ!) и огорожи нѣтъ. Черезъ нѣсколько времени онъ жалуется „вторительно". Дума наконецъ вняла жалобамъ и назначила гласнаго Сидора Прохорова удовлетворить штабъ-лекаря. Гласный 2 года строилъ ограду и судя по показаннымъ имъ расходамъ (295 р. 80 к.; по тому времени, да на „трехаршинныя сажени"—сумма очень солидная!), долженъ былъ соорудить ее на подобіе крѣпостной стѣны. Разумѣется, этого не было: деньги просто черезъ полюбовный дѣлежъ перешли въ карманы гласнаго и лекаря.

Въ какомъ видѣ плантація была въ Кременчугѣ потомъ, въ дѣлахъ архива нигдѣ не упоминается, въ воспоминаніи-же обывателей она несомнѣнно представлялась „ограниченной".

Ѳ. Ни—къ.

ВО ЧТО ОБОШЛАСЬ ОПИСЬ БИБЛІОТЕКИ ПРЕОСВ. ИРИНЕЯ ФАЛЬКОВСКАГО ПОСЛѢ ЕГО СМЕРТИ.

Послѣ смерти Иринея Фальковскаго, епископа чигиринскаго, коадъютора кіевской митрополіи († 1823 г.), осталась обширная библіотека и много неизданныхъ сочиненій въ рукописяхъ.

Разбирая бумаги покойнаго профессора московскаго университета І. М. Бодянскаго, которыя достались намъ всѣ безъ исключенія, мы нашли собственноручное письмо преосв. Иринея, писанное изъ Кіева къ отцу І. М., Максиму Гавриловичу, съ препровожденіемъ въ даръ изданной Иринеемъ книги: *Толкованіе на посланія св. ап. Павла къ галатамъ,* а вмѣстѣ съ этимъ письмомъ записку, въ видѣ отчета

по поводу описи библіотеки преосв. Иринея. Записка эта, судя по знаку бумаги (1840 г.), сдѣлана въ началѣ 40-хъ годовъ роднымъ дядей І. М., протоіереемъ Павломъ Гавриловичемъ Бодянскимъ.

Вотъ этотъ любопытный документъ:

„Сколько издержанно протоіереемъ Павломъ Бодянскимъ денегъ, по смерти преосв. Иринея при приведенія въ порядокъ его библіотеки и составленіи вновь описи, по приказанію митрополита Евгенія, на пріемъ консисторскихъ и полицейскаго члена и на прочее.

1. Дано намѣстнику Кассіану на пріемъ членовъ	35 р.
2. Писцу за написаніе описи	7 р. 20 к.
3. Полицейскому члену приставу	10 р.
4. Консисторскому секретарю разновременно . .	46 р.
5. Оцѣнщикамъ, дабы не малую полагали книгамъ цѣну и на пріемъ	30 р.
6. Уѣзднаго суда секретарю разновременно . . .	30 р.
7. Того-же суда засѣдателю при повѣркѣ библіотеки и вещей	10 р.
8. При таковой повѣркѣ іеромонаху Петру и благочинному на пріемъ	10 р.
9. На гербовую бумагу на 6 листовъ	6 р.
	Итого 184 р. 20 к."

Такимъ образомъ изъ 184 р. 20 к. только 7 р. 20 к. уплочены за *написаніе* описи, и 6 р. на гербовую бумагу, а 171 р. пошли то на угощеніе, то на поручную подачу разнымъ лицамъ, такъ или иначе прикасавшимся къ составленію описи. Любопытное что духовныя персоны угощались, а свѣтскія брали деньгами. Непонятно, какъ и за что ухитрились стянуть консисторскій секретарь разновременно 46 р. и уѣздный одновременно 30 р.

Преосв. Ириней, какъ оказывается, былъ близкій родственникъ Бодянскимъ (кажется, дѣдъ по матери) и отказалъ имъ послѣ смерти часть своего имущества. Изъ замѣтокъ Бодянскаго видно, что племянникъ составителя описи, родной братъ І. М., Θедоръ, ѣздилъ въ Кіевъ „за полученіемъ Иринеевскихъ денегъ и мѣста надзирателя въ г. Полтавѣ". Одна замѣтка Осипа Максимовича, писанная на клочкѣ къ неизвѣстному лицу, показываетъ, что онъ справлялся

о судьбѣ рукописей Иринея: „узнали-ли о своеручной книгѣ жизнеописанія *) преосв. Иринея Фальковскаго? Напишите мнѣ при случаѣ“.

А. Титовъ.

ВАРІАНТЪ ПѢСНИ О ПРАВДѢ.

Пѣсня о правдѣ записана Л. М. Жемчужниковымъ отъ Вересая. Варіантовъ ея нѣтъ въ сборникахъ. Единственный, болѣе пространный, варіантъ продиктованъ тѣмъ-же Вересаемъ позднѣйшимъ записывателямъ его репертуара. Предлагаемый списокъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ отступающій отъ теста Вересая, записанъ отъ лирника въ роменскомъ уѣздѣ полтавской губерніи.

Нема въ світі правды!.. Правды не зіськати,
А звыкла неправда теперъ правдовати!..

Шо вже теперъ правду ногами топтають,
А тую неправду медомъ-виномъ наповають.

Шо вже теперъ правда слезами рыдае,
А тая неправда зъ панами гуляе.

Шо вже теперъ правда сидить у порога,
А тая неправда сидить конець стола.

Шо тепера правда у темной темниці,
А тая неправда зъ панами въ світлиці.

Чи ты-жъ, свята правда, умерла, чи ты заключена,
А чи ты, мати рідна, одъ насъ отречевна?

Уже-жъ давно правда, уже-жъ давно вмерла,
А тая неправда увесь світъ пожерла!..

Нема въ світі правды! Правды не зіськати!
Тільки въ світі правды, що рідный отець та мати,

---

*) Жизнеописанія, кажется, не было, а остался Дневникъ Иринея, часть котораго принадлежитъ профессору университета св. Владиміра М. Ф. Буданову-Владимірскому.—Ред.

Горе малымъ діткамъ безъ отця, безъ матери, горе ичъ пробути,
Шо завсегда плачуть и рыдають, не могуть забутя!

Колись були дітки—остались сирітки,
А не мають помочи собі ни звідки...

Ой колибъ намъ Богъ давъ орловыи крыла,
Изнялись мы-бъ, полетіли ажъ на тее місто,
Де насъ отець-мати спородили.

Колибъ то намъ Господь давъ соловьини очи,
Изнялись мы-бъ, полетіли до отця-неньки хоть посередъ ночи!

Бо вже-жъ кінець віку и къ намъ приближився.
Хоть рідного брата теперъ стережися.

Бо вінъ хочъ и рідный братъ, то правды не міе,
Вінъ тільки устами якъ перами віе.

Изъ нимъ у судъ стати—правды не зіськати,
Тільки сріблом та злотомъ судью насищати.

Который чоловікъ буде неправду хвалити,
То буде душа пекломъ карана, а тіло горіти;

А который буде чоловікъ святу правду сполняти,
То ему шлеть Господь милосердный що день благодати!

Самъ Господь есть правда,
Сокрушить неправду,
Усмирить гордыню,
Вознесеть святыню!..

Сообщ. **В. Горленко.**

КЛАДЫ ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ *).

(По списку Лещинскаго).

44) Въ Гатномъ подъ корчмою въ углу зарытъ кувшинъ червонцевъ.

45) Въ селѣ Григоровкѣ подъ корчмою въ углу зарытъ казанъ денегъ.

---

*) См. «Кіев. Стар.» 1883 г., м. іюль, стр. 592.

46) Въ селѣ Григоровкѣ подъ горою есть колодезь, въ которомъ разбойники затопили 5-ть звоновъ.

47) Въ Присѣлкахъ подъ корчмою кувшинъ червонцевъ.

48) Въ селѣ Пироговѣ недалеко отъ корчмы есть кленъ, подъ которымъ казанъ червонцевъ.

49) Въ селѣ Гвоздовѣ подъ корчмою, въ углу, зарыто четыре вѣдра червонцевъ и шпага золотомъ обвитая, а по срединѣ корчмы глекъ червонцевъ.

50) На обуховскомъ полѣ есть гай, въ томъ гаю могила, а въ могилѣ по срединѣ казанъ денегъ.

51) Въ мѣстечкѣ Обуховѣ подъ колокольнею зарытъ казанъ съ деньгами.

52) Въ селѣ Конаčевѣ зарытъ глечикъ червонцевъ въ плотинѣ подлѣ мельницы въ углу.

53) По дорогѣ изъ Дубровки въ Брусиловъ старымъ шляхомъ, который идетъ по надъ бродомъ, по лѣвую руку, надъ яромъ, въ 50 саженяхъ отъ дороги, зарытъ большой казанъ золота и серебра и посуды серебряной.

54) По дорогѣ изъ Лазаровки въ Карашинъ, близъ дороги, надъ бродомъ, въ одной изъ тѣхъ могилокъ, которые по срединѣ, разбойники закопали казанъ денегъ—золота и серебра.

55) Въ мѣстечкѣ Фастовѣ, въ старомъ замкѣ, насупротивъ стараго бискупскаго дома, прямо отъ угла, на лѣво въ 6 шагахъ зарыта повозка съ серебромъ.

56) Въ мѣстечкѣ Фастовѣ, во время гайдаматчины, человѣкъ съ села Угаращняго положилъ подъ угломъ церковнымъ, на полночь, саквы червонцевъ и послѣ съ Черноморья писалъ объ этомъ своей сестрѣ, но она не умѣла и не успѣла взять денегъ.

57) Палей съ 7000 человѣкъ шелъ по приказу Мазепы изъ Житоміра въ Богуславъ съ суммою отъ турокъ отнятою, подъ которою было шесть паръ воловъ. Во время ночлега, по причинѣ худой переправы и изъ страха погони, на васильковскихъ поляхъ, пониже села Яхновъ и повыше Половецкой, подъ Яхны вправо, а въ Половецкую влѣво, въ рукавѣ чернаго лѣса и близъ криницы, на разстояніи паденія брошенной палки, вырылъ яму и зарылъ деньги, именно: мѣдь къ лѣсу

на западъ, а отъ мѣди въ 12 шагахъ на востокъ 12 полубочковъ серебра. Примѣты клада суть три дороги: первая на Ставищи, вторая на Романовку, а третья на Кійловку.

58) Въ селѣ Плисецкомъ васильк. уѣзда есть озеро, подлѣ него могила песчаная, а въ могилѣ зарыта польская большая бричка денегъ серебромъ и золотомъ. Это преданіе вѣрное.

59) Подъ Плисецкимъ есть круглое озеро, посреди его бугоръ, а въ бугрѣ воловая кожа денегъ.

60) На васильковскомъ полѣ стоитъ лозовый кустъ, подъ коимъ зарыто гетманомъ въ казанѣ 50,000 червонцевъ.

61) Въ Гребенкахъ подъ церквою казанъ денегъ.

62) На васильковскихъ поляхъ, подлѣ гаю, есть могила, въ которой зарытъ казанъ серебряныхъ денегъ.

63) Въ Бѣлой-Церквѣ подъ церковію Рождества Христова гайдамаки Швачка, Гонта, Початуха сотникъ и Гнида Покотило десятникъ, вырѣзавъ Умань, спрятали три сака денегъ съ примѣтою: въ 3-мъ деревѣ отъ подвалины проверчена дырочка, въ дырочку для знака вложено три червонца и опять она забита колочкомъ. Противъ той дырочки подъ подвалиною не глубоко и деньги.

64) Въ м. Бѣлой-Церквѣ трое сбили ящикъ изъ досокъ, насыпали оные золотомъ и серебромъ и закопали подъ церквою св. Николая каменною, куда св. Николай стоящій до крылоса плечами смотритъ чрезъ окно прямо на это мѣсто, отъ котораго для знака положено три камня, въ пяти шагахъ по правую руку при входѣ въ церковь.

65) Въ Ржищевѣ, подъ горою, близъ дороги лощина, въ лощинѣ береза, отъ которой нынѣ одинъ пень остался, а подъ нпемъ полный котелъ денегъ.

66) Въ селѣ Стайкахъ, не доходя Ржищева, въ крайнемъ домѣ у козака есть великій садъ, огороженый лозовымъ плетнемъ до самаго Днѣпра, въ томъ саду, въ углу, около Днѣпра, казанчикъ червонцевъ.

67) Въ селѣ Гусачовкѣ подъ корчмою, съ лѣвой стороны, въ углу зарыты 4100 рублей серебромъ.

68) Въ Орешковѣ зарытъ колоколъ съ червонцами и перлами и накрытъ камнемъ тамъ, гдѣ была шибиница.

69) Въ селѣ Германовкѣ, въ греблѣ или плотинѣ, возлѣ скрини, по которой вода бѣжитъ, именно на три аршина отъ скрини, зарыто много денегъ.

70) За Германовкою двѣ могилы близняты, между ними фастовскій шляхъ и изъ Германовки на Фастовъ. На перехрестной дорогѣ кладъ.

71) Отъ Богуславля въ пристанищѣ подъ крестомъ два глека червонцевъ подъ огнищемъ.

72) Въ Ведмедицахъ при выходѣ изъ села крестъ и на крестѣ слова вырѣзаны: погребенъ Иванъ козакъ, и тамъ три ведра рублей серебряныхъ.

73) Въ лѣсу Лебединъ есть монастырь, по имена Мокрынъ дѣвичій, около котораго есть могила, на могилѣ верба, въ срединѣ пустая, а въ вербѣ червонцы.

74) Пониже этой могилы стоятъ три граба, подъ среднимъ изъ нихъ лежитъ три пуда намистъ еврейскихъ.

ВЫЗЫВАЮЩЕЕ СООБЩЕНІЕ.

Въ одномъ изъ нумеровъ „Кіевской Старины" былъ отмѣченъ интересный фактъ, что обитатели острова Лети, въ бывшей Задунайской Сѣчи, называютъ себя не иначе, какъ „запорожцами". Однородный фактъ можно встрѣтить и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Украйны, Такъ въ овручскомъ уѣздѣ, волынской губерніи, въ мѣстечкѣ Народичахъ жители не знаютъ себѣ другаго названія, какъ „запорожці".—Что означаетъ этотъ фактъ и нѣтъ-ли другихъ подобныхъ ему?

Кстати, въ томъ-же мѣстечкѣ, еще не далѣе четырехъ лѣтъ. въ ярмарочные дни можно было встрѣтить одного изъ представителей рѣдкаго уже теперь типа „старосвітськихъ кобзарей". То былъ „лірникъ Савка", знавшій очень много старыхъ думъ. Постоянное жительство онъ имѣлъ въ одной сосѣдней слободѣ. Другой-же кобзарь, Иванъ, житель самаго мѣстечка, зналъ, кромѣ думъ, много историческихъ преданій.—Привожу свѣдѣнія о нихъ въ надеждѣ, что, быть можетъ, найдутся любители украинской старины, которые пожелаютъ воспользоваться народическими кобзарями (они вѣроятно, еще живы) для цѣлей историко-этнографическихъ.

Прапорщикъ **Т. Зиньковскій.**

Житоміръ, 11 іюля.

ИЗЪ ОБЛАСТИ НАРОДНЫХЪ ПОВѢРІЙ.

Подобно тому, какъ голубь въ Великороссіи, такъ у насъ, въ Малороссіи аистъ считается священною птицею. Если онъ совьетъ себѣ гнѣздо гдѣ-нибудь на крышѣ, или около жилья, то это у нашихъ поселянъ считается милостью Божіею и никто его оттуда не гонитъ. Деревенскія дѣти, гоняясь за птицами, никогда не затронутъ „черногуза", даже спугнуть его считается грѣхомъ. Такъ почитается крестьянами эта птица. Недавно я узналъ почему. Привелось мнѣ говорить съ крестьяниномъ села Т....а (что въ острожскомъ уѣздѣ, волынской губерніи) и онъ сообщилъ мнѣ объ этомъ слѣдующій разсказъ.

— Когда Богъ сотворилъ гадовъ, Онъ спряталъ ихъ въ мѣшокъ и велѣлъ человѣку отнести (куда?—неизвѣстно), строго-на-строго приказавъ не заглядывать внутрь. „Але що то чоловікъ: не витерпівъ, та й подивився". А какъ увидѣлъ, чѣмъ наполненъ мѣшокъ, то у него отъ ужаса подкосились ноги и мѣшокъ выпалъ изъ рукъ. А гады возьми да и расползись. Что тутъ дѣлать? Идетъ человѣкъ къ Богу: такъ и такъ, говоритъ: не выдержалъ... Богъ ужасно на него разсердился и въ наказаніе за это превратилъ его въ аиста: иди, говоритъ, и собирай гадовъ, которыхъ ты выпустилъ.

По этому повѣрью выходитъ, что аистъ—это человѣкъ превращенный въ птицу. Не удивительно, что въ нашихъ поселянахъ такое къ нему уваженіе. **В. О.**

Библіографическое извѣщеніе.

Вышла книга: *Печерская Лавра и къ ней главнѣйшіе пути чрезъ Кіевъ*, *съ 5 планами* и 3 видами, П. Тарановскаго, составляющая дополненіе къ его-же путеводителю: *Кіевъ и его окрестности*. Ц. 75 к. Продается въ книжныхъ магазинахъ г. Кіева, въ Лаврѣ и на вокзалѣ ю. з. ж. дороги. Разборъ отлагаемъ до слѣдующей книжки.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

примѣчательныхъ личныхъ и географическихъ именъ, встрѣчающихся въ VI томѣ «Кіевской Старины» *).

А.

Б.

---

*) Цифры означаютъ стр. тома.

Л.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ VI. 1883 г.

Май, 1883 г.

Іюнь, 1883 г.

стр.

Іюль, 1883 г.

Августъ 1883 г.

стр.

стр.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ VI.

1883 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Открыта подписка на 1883 годъ на слѣдующіе журналы и газеты:

„СТРАННИКЪ"

(третій годъ изданія подъ новою редакціей).

Журналъ „Странникъ" съ октября 1880 года издается новою редакціей, по утвержденной св. синодомъ новой программѣ, и выходитъ ежемѣсячно книгами отъ 10-ти до 12-ти и болѣе листовъ.

Въ журналѣ помѣщаются:

1) Общедоступныя статьи, изслѣдованія, замѣтки и необнародованные матеріалы по всѣмъ отдѣламъ *русской церковной исторіи.*

2) Общедоступныя статьи по разнымъ отраслямъ богословскаго знанія, преимущественно по *общей церковной исторіи.*

3) Церковныя *слова, поученія,* рѣчи, бесѣды и другія нравоучительныя произведенія.

4) *Разсказы, повѣсти, характеристики, очерки* изъ прошлаго и современнаго быта нашего духовенства.

5) *Бытовые очерки* и характеристики изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего образованнаго общества и простаго народа.

6) Стихотворенія.

7) Ежемѣсячное *внутреннее обозрѣніе.*

8) Отдѣльныя статьи, посвященныя *обсужденію выдающихся дѣлъ и вопросовъ* отечественной церкви, духовенства и нравственной стороны русскаго быта.

9) Наблюденія, записки и дневники приходскихъ священниковъ, сельскихъ учителей и другихъ народныхъ дѣятелей.

10) Хроника важнѣйшихъ правительственныхъ и церковно-административныхъ распоряженій и указовъ.

11) *Иностранное обозрѣніе:* важнѣйшія явленія современной церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокѣ и Западѣ, *особенно у славянъ.*

12) Обзоръ русскихъ *духовныхъ журналовъ* и епархіальныхъ періодическихъ изданій.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ, при годовой подпискѣ. Взносы разсроченной платы могутъ быть или полугодовые по 7 руб. (къ 1 января и 1 іюля), или по четвертямъ года, по 3 руб. 50 коп. (къ 1 января, 1 марта, 11 іюня и 1 сентября), т. е. всегда ЗА МѢСЯЦЪ ВПЕРЕДЪ до наступленія срока разсрочки.

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, а также для лицъ служащихъ въ сихъ учрежденіяхъ, допускается подписка на «Нов. Тел.» въ кредитъ, по письменнымъ офиціальнымъ бумагамъ, чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіи первыхъ 3-хъ мѣсяцевъ 1882 года.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ.

Въ 1883 г., всѣмъ подписчикамъ «Нов. Тел.» будутъ выдаваться ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ безплатныя преміи, состоящія изъ статей преимущественно белетристическаго содержанія. Преміи эти объемомъ не менѣе печатнаго листа большаго формата будутъ вмѣщать, кромѣ романовъ, передовыхъ статей, разсказовъ, смѣси — или рисунки изображеній современныхъ событій, или портреты современныхъ дѣятелей, или карикатуры.

ИЗВѢСТІЯ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА ВЪ КІЕВѢ.

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ въ 1883 году будутъ выходить, въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до двадцати и болѣе печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ ИЗВѢСТІЙ безъ пересылки шесть р. и съ пересылкою шесть рублей пятьдесятъ коп. Въ случаѣ выхода *приложеній* (сочиненій свыше 25 листовъ), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики ИЗВѢСТІЙ, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи правленія университета.

Гг. иногородные могутъ также обращаться съ своими требованіями къ коммиссіонеру университета Н. Я. Оглоблину (С.-Петербургъ, Малая Садовая, № 4 и Кіевъ, Крещатикъ, бывшій книжный магазинъ Лятова).

Каждая книжка ИЗВѢСТІЙ, за исключеніемъ текущихъ оффиціальныхъ свѣдѣній, посвященныхъ университету (до трехъ печатныхъ листовъ), состоитъ изъ сочиненій и статей научнаго содержанія, которыя распредѣляются въ такомъ порядкѣ: отдѣлъ I—*историко-филологическій;* отдѣлъ II—*юридическій;* отдѣлъ III—*физико-математическій;* отдѣлъ IV—*медицинскій;* отдѣлъ V—*научная хроника*, въ которой помѣщаются извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при университетѣ; отдѣлъ VI—*критико-библіографическій.* Послѣдній отдѣлъ, посвященный критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), по разнымъ отраслямъ знанія, состав-

При перемѣнѣ адреса гг. подписчики платятъ 20 коп. При перемѣнѣ адреса городского на иногородный, кромѣ 20 коп., гг. подписчики доплачиваютъ разность цѣнъ по пересылкѣ.

Подписка принимается въ Вильнѣ: въ редакціи «Виленскаго Вѣстника» *(Виленская улица, домъ г. Ленскаго)*, въ конторѣ «Виленскаго Вѣстника», при книжномъ магазинѣ г. Сыркина *(Большая улица, собственный домъ)* и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и другихъ городовъ.

Объявленія для печатанія въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» принимаются: въ Вильнѣ, въ редакціи «Виленскаго Вѣстника» и въ его конторѣ; въ Петербургѣ, въ центральной конторѣ для объявленій Петрика *(уголъ Невскаго и Малой Морской, домъ № 11)*; въ Москвѣ, въ конторѣ объявленій Метцля *(Покровка, домъ Солодовникова)*; въ Варшавѣ, въ конторѣ объявленій Рейхмана и Френдлера *(Сенаторская, домъ № 22)*; въ Парижѣ, у Гаваса *(Agence Havas et Cie Paris, place de la Bourse, 8)*; въ Лондонѣ, у Даубе *(London, 130, Fleet, street, E. C.)*; въ Гамбургѣ, у Адольфа Стейнера *Gänsenmarkt, 58)*.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ",

(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ).

«Историческій Вѣстникъ» будетъ издаваться въ 1883 году по той-же программѣ и на тѣхъ-же условіяхъ, какъ и въ предшествовавшіе три года.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ, со всѣми приложеніями, десять руб. съ пересылкой и доставкой.

Въ 1883 году число гравюръ, помѣщаемыхъ въ текстѣ журнала, будетъ значительно увеличено; съ этой цѣлью редакція уже сдѣлала заказы граверамъ: *Паннемакеру* въ Парижѣ, *Клоссу* въ Штуттартѣ, *Зубчанинову* и *Рашевскому* въ Петербургѣ.

Для первыхъ книжекъ въ распоряженіи редакціи уже находятся слѣдующія статьи:

Министръ-академикъ. *Д. В. Аверкіева.*—Женщины Пугачевскаго возстанія. *А. В. Арсеньева.*—Выгорѣцкіе совратители. *Его-же.*—Генералъ Антоній Езеранскій. *Н. В. Берга.*—Возстаніе поляковъ на кругобайкальской дорогѣ. *Его-же.*—Разсказы бабушки. Изъ воспоминаній вдовы инженеръ-лейтенанта *А. Я. Бутковской.*—Ковно во время польскаго мятежа 1863 года. Воспоминанія *Я. Н. Бутковскаго.*—Одинъ изъ забытыхъ писателей (князь А. А. Шаховской). *Е. М. Гаршина.*—Чума и Пугачевщина въ Шацкой провинціи. *И. И. Дубасова.*—Меньшиковъ и видѣніе монаха Порфирія. Разсказъ изъ дѣлъ Преображенскаго приказа. *Г. В. Есипова.*—Борьба за существованіе мысли. *В. Г.*

Зотова.—Московскіе люди XVII вѣка. (Съ рисунками). *Е. П. Карновича.*—Время Елизаветы Петровны и Людовика XV. *Его же.*—Бытовые очерки изъ русской исторіи. 1. Двѣ торговки. 2. Царскій родичъ. 3. Черви. *Н. И. Костомарова.*—Сербскіе гости въ Бессарабіи. *А. А. Кочубинскаго.*—Шипка въ 1877 году. Отрывокъ изъ воспоминаній генералъ-лейтенанта *В. Д. Кренке.*—Усмиреніе польскаго мятежа въ Кіевской губерніи въ 1863 году. *Его же.*—Женщина древней Греціи. (Съ рисунками). *Д. П. Лебедева.*—Русскіе дѣятели въ Остзейскомъ краѣ. *Н. С. Лѣскова.*—Изъ Кишиневской старины. (Разсказы о Пушкинѣ, архіепископѣ Иринеѣ и др.). *Л. С. Мацѣевича.*—Петръ Великій на сѣверѣ Россіи. (Съ рисунками). *В. Н. Майнова.*—Отрывки изъ воспоминаній. *А. П. Милюкова.*—Заграничныя воспоминанія *В. И. Модестова.*—Семейство Скавронскихъ. Картинка изъ исторіи фаворитизма въ Россіи. *В. О. Михневича.*—Скептическое матеріалистическое направленіе въ литературѣ Екатерининскаго времени. *А. И. Незеленова.*—Очерки изъ современной украинской литературы. *П. И. Петрова.* Исторія моего дяди. Разсказъ изъ семейной хроники. *С. Т. Славутинскаго.*—Отрывки изъ воспоминаній. *П. С. Усова*—Булгаринъ въ послѣдніе десятилѣтіе своей жизни. *Его же.*—Воспоминаніе и замѣтки. *Ѳ. В. Чижова.*—Письма изъ Америки и Австраліи. *С. Б. Чичерина* и др.

Обиліе матеріаловъ, поступившихъ въ редакцію **«Историческаго Вѣстника»**, и необходимость давать преимущество тѣмъ изъ нихъ, которые имѣли текущій интересъ, заставили насъ отложить печатаніе нѣсколькихъ статей, обѣщанныхъ на 1882 годъ (Государственный человѣкъ Екатерининскаго времени. *Е. П. Карновича.*—Екатерина II и Жанъ-Жакъ Руссо. *Д. Ф. Кобеко.*—Во славу Божію. Разсказъ *В. Н. Майнова.*—Плавни. Разсказъ *С. В. Максимова.*—Соціалистъ прошлаго вѣка. Повѣсть *Д. Л. Мордовцева.*—Записки ссыльнаго. *А. Пасляка.*—Александръ I и русская партія въ Польшѣ. *Ѳ. М. Уманца.*—Суевѣрія человѣчества. *М. К. Цебриковой* и др.). Статьи эти будутъ непремѣнно помѣщены въ теченіи 1883 года.

Въ приложеніи къ **«Историческому Вѣстнику»**, съ январьской книжки, начнется печатаніе, въ переводѣ, историческаго романа *Ю. Роденберга* подъ заглавіемъ **«Кромвель»**.

Съ требованіями обращаться въ книжные магазины **«Новаго Времени»**: въ Петербургѣ, Невскій просп., № 58; въ Москвѣ, Кузнецкій мостъ, домъ Третьякова.

ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА

еженедѣльная, иллюстрированная, политическая, литературная и ремесленная

Выходитъ въ 1883 г., безъ предварительной цензуры, по прежней программѣ, съ значительными улучшеніями. Болѣе 400 рисунковъ и моды. Особыми приложеніями—художественные рисунки по русской исторіи, изъ которыхъ составится

особый альбомъ. Въ «газетѣ» будетъ печататься новая повѣсть Н. С. Лѣскова: «Соколій перелетъ».

ПРЕМІИ: «Крестный календарь» 1884 г. на лучшей бумагѣ и олеографическая картина одного изъ важнѣйшихъ событій въ Россіи 1883 года.

Подписная цѣна на годъ безъ пересылки **4** р., съ перес. **5** р.; на ½ г. **3** р.; на 1 мѣс. **75** к.

Адресъ редакціи: Москва, Никитскій бульв., д. Гатцука.

„ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ"

Съ 1882 г. «Церковно-Общественный Вѣстникъ» превращенъ въ **полуежедневное изданіе** и выходитъ аккуратно черезъ день, исключая времени скопленія нѣсколькихъ праздниковъ въ недѣли Св. Пасхи и Рождества Христова.

Задача нашего изданія—отмѣчать по возможности все, такъ или иначе касающееся духовенства и могущее интересовать его въ жизни церковно общественной и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность свѣтскимъ людямъ поближе познакомиться съ духовной средой и ея нуждами и потребностями, содѣйствуя тѣмъ сближенію между обществомъ и духовенствомъ. Но этимъ не ограничивается задача «Церковно-Общественнаго Вѣстника»: рядомъ съ вопросами о духовенствѣ и въ томъ-же объемѣ, мы принимаемъ участіе и въ обсужденіи текущихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, въ смыслѣ упроченія принциповъ правды, законности, свободы и общаго преуспѣянія человѣчества. Откровенно и съ полною *независимостью* сужденія высказываясь по тѣмъ или инымъ, выдвигаемымъ жизнью вопросамъ, существеннымъ образомъ затрогивающимъ интересы духовенства и общества, мы вмѣстѣ съ тѣмъ всегда охотно даемъ мѣсто всякому честному голосу изъ среды духовенства и общества, особенно-же заявленіямъ и запросамъ людей опыта, стараясь содѣйствовать постоянному обмѣну мыслей между читателями газеты, ея редакціей и постоянными сотрудниками. Постоянная и горячая нравственная поддержка со стороны нашихъ многочисленныхъ читателей въ теченіе 9-ти лѣтняго существованія газеты и сочувствіе къ ней въ большинствѣ органовъ какъ духовной, такъ и свѣтской прессы, даетъ намъ увѣренность, что и на будущее время они не откажутъ намъ въ этой поддержкѣ и сочувствіи.

Для лицъ, незнакомыхъ съ нашихъ изданіемъ, считаемъ нужнымъ замѣтить, что «Церковно-Общественный Вѣстникъ» наравнѣ съ другими газетами выходитъ безъ предварительной цензуры и не имѣетъ никакого отношенія къ духовному вѣдомству. Просимъ также не смѣшивать наше изданіе съ журналомъ «Церковный Вѣстникъ», издающимся при здѣшней духовной академіи.

По примѣру прежнихъ лѣтъ при «Церк.-Общ. Вѣстникѣ» въ 1883 г. будетъ изданъ въ видѣ безплатнаго приложенія «Календарь для духовенства», въ которомъ, кромѣ необходимыхъ календарныхъ свѣдѣній, будутъ помѣщены практическія ука-

занія и справочныя свѣдѣнія на разнаго рода случая общественной жизни духовенства.

Условія подписки на «Церк.-Общ. Вѣстн.» на годъ **8** руб., на полгода **4** руб. **50** коп., на три мѣсяца **2** руб. **50** коп., на мѣсяцъ **1** р. Годовая цѣна за границей **10** руб. Отдѣльные №№ по **10** коп.

Требованія на газету слѣдуетъ адресовать: въ редакцію «Церковно-Обществ. Вѣстника», въ С.-Петербургѣ, Троицкій пер., домъ № 3, кварт. № 5.

Редакторъ-издатель А. И. Поповицкій.

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ"

(еженедѣльное изданіе отъ 2-хъ до 4-хъ печ. листовъ въ №; въ годъ до 142 печ. лист. больш. формата)

И

„ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ"

(двухмѣсячное—отъ 18 до 24 печ. листовъ въ каждой книжкѣ; въ годъ около 124 л.).

«Церковный Вѣстникъ» въ офиціальной своей части, составляющей офиціальный органъ св. синода, печатаетъ *сполна* и раньше всѣхъ другихъ изданій всѣ узаконенія, распоряженія и списки наградъ по духовному вѣдомству, въ неофиціальной-же части даетъ возможно полный обзоръ движеній религіозной мысли и жизни какъ у насъ въ Россіи, такъ и заграницей (на правосл. востокѣ, славянскихъ земляхъ, въ римскомъ католицизмѣ и протестантствѣ), и имѣетъ слѣдующіе *постоянные отдѣлы* (кромѣ передовыхъ статей): 1) мнѣнія печати свѣтской и духовной по церковнымъ вопросамъ; 2) иностранное обозрѣніе—восточное и западное; 3) обозрѣніе духовной журналистики; 4) библіографическое обозрѣніе; 5) лѣтопись церковную; 6) лѣтопись общественной жизни за прошлую недѣлю въ Россіи и заграницей; наконецъ 7) разныя извѣстія и замѣтки. Кромѣ этихъ постоянныхъ отдѣловъ, печатаются статьи и кореспонденціи различнаго рода.

При журналѣ «Христіанское чтеніе», составляющемъ прибавленіе къ «Церк. Вѣстн.» и помѣщающемъ разнообразныя статьи по всѣмъ отраслямъ богословскихъ знаній, съ 1879 г. печатаются сверхъ того «*Толкованія на ветхій завѣтъ*» съ особымъ счетомъ страницъ (въ 1883 г. будетъ продолжаться печатаніе «*Толкованія на книгу Псалмовъ*», и вмѣстѣ съ тѣмъ начато будетъ печатаніе «*Толкованія на книгу пророка Исаіи*», такъ что къ концу 1883 г. выйдетъ *особою книжкою* четвертый выпускъ «Толкованій»).

Годовая цѣна въ Россіи за оба журнала съ «Толкованіями на Ветхій Завѣтъ»—семь руб. съ перес., отдѣльно за «Церк. Вѣстн.»—пять руб., за «Христ.

ПОДПИСКА НА 1883 ГОДЪ.

„ЗАПИСКИ“

КІЕВСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ТЕХНИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПО СВЕКЛОСАХАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Програма „**Записокъ**“: протоколы общихъ собраній Отдѣленія, засѣданій Совѣта Отдѣленія и назначаемыхъ Отдѣл. коммиссій, правительственныя распоряженія, оригинальныя изслѣдованія, разныя статьи, замѣтки, извѣстія и корреспонденціи, касающіяся разныхъ сторонъ свеклосахарной промышленности; обзоръ литературы по тому же предмету. Кромѣ того, въ „Запискахъ“ будутъ печататься **статистическія свѣдѣнія** о свеклосахарной промышленности въ Россіи, составляемыя по отчетамъ, обязательно доставляемымъ въ Департаментъ неокладныхъ сборовъ.

„Записки“ выходятъ по **два раза въ мѣсяцъ, 24 выпуска въ годъ.**

Подписная цѣна „Записокъ“ для подписчиковъ внутри и внѣ Россіи **8 рублей въ годъ**, съ приложеніемъ „Трудовъ“ Кіевскаго Вспомогательнаго Комитета по Московской Выставкѣ 1882 г.—**10 р. 50 к.**

Подписка принимается въ Бюро Кіевскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества (*Кіевъ, Верхне-Владимірская улица, домъ Тамары, вблизи опернаго театра*), *а также: въ С.-Петербургѣ, въ центральной конторѣ объявленій (Невскій пр., Мал. Морская, № 11.); въ Варшавѣ: въ конторѣ Райхманъ и Френдлеръ (Сенаторская, д. № 22.) и въ Гамбургѣ, у Адольфа Стейнеръ.*

Объявленія принимаются исключительно въ Бюро Отдѣленія на слѣдующихъ условіяхъ.

	За каждую строку или ея мѣсто до 16 строкъ	более 16 строкъ.
За одинъ разъ.	15 коп. . . .	10 коп.
За каждый разъ свыше одного .	7½ „ . . .	5 „

За разсылку при „**Запискахъ**“ печатныхъ объявленій, реклямъ и т. п., которыя будутъ доставлены въ Бюро, взимается, за одинъ разъ, съ каждаго лота по 6 руб.

Гг. подписчики и члены Отдѣленія, извѣщая Бюро о своихъ адресахъ, благоволятъ обозначать точно: имя, отчество и фамилію, также то почтовое мѣсто (съ указаніемъ губерніи и уѣзда), чрезъ которое желаютъ получать „Записки“.

О несвоевременной высылкѣ „**Записокъ**“ просятъ заявлять по слѣдующему адрессу: **Т. И. Лоначевскому** (Кіевъ, зданіе Университета).

„СЛОВО“

Вступая въ XXIII годъ своего изданія, наша газета останется вѣрною своей программѣ: честно и бодро стоять до конца за права русскаго народа въ Австро-Венгріи и защищать правду, о сколько то сегодня намъ возможно.

Газета наша, какъ до теперь, такъ и въ 1883 году, будетъ выходить три раза въ недѣлю: по *Вторникамъ*, *Четвергамъ* и *Субботамъ*, за исключеніемъ праздничныхъ и послѣпраздничныхъ дней.

Подписная цѣна на „Слово“ остается прежняя.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

без почтовой пересылки

На цѣлый годъ:	На полъ года:	На одинъ кварталъ:	На одинъ мѣс.
12 зр. — кр.	6 зр. — кр.	3 зр. — кр.	1 зр. — кр.

Въ журналѣ будутъ участвовать: Я. В. Абрамовъ (Өедосѣевецъ). М. Н. Альбовъ, Алкандровъ, К. Баранцевичъ, Максимъ Бѣлинскій, С. А. Венгеровъ, В. В., Алексѣй Ник. Веселовскій, О. О. Воронововъ, В. М. Гаршинъ, Н. Н. Иванюковъ, проф. В. О. Ключевскій, проф. Н. А. Костычевъ, С. Н. Кривенко, Н. В Максимовъ, Н М. Минскій, Д. Л. Мордовцевъ, Н. Морозовъ (М. А. Протопоповъ), С. Я. Надсонъ, Н. П. Пауловъ, В. И. Орловъ, А. Н, Плещеевъ, А. В. Погожевъ, Г. Н. Потанинъ, Н. С. Русановъ, В. И. Семевскій, Л. З. Слонимскій, проф. Н. И. Стороженко, проф. К. А Тимирязевъ, Гл. И. Успенскій, О. А. Щербина, О. Ө. Эрисманъ, проф. И. И. Янжулъ, П. В. Якубовичъ и др.

Подписка принимается: въ конторѣ журнала, С.-Петербургъ, Пушкинская ул., д. № 10, кв. № 45, и въ книжномъ магазинѣ Цинзерлинга, Невскій проспектъ противъ Гостинаго двора № 46.

Подписная цѣна: на годъ безъ доставки—10 р., съ доставкою въ Петербургѣ.—11 р., съ пересылкою въ другіе города—12 р.; на полгода: безъ доставки—5 р. 50 к., съ доставкою въ Петербургѣ—6 р., съ пересылкою въ другіе города—7 р.

Редакція проситъ гг. подписчиковъ, живущихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ ближайшее почтовое мѣсто, въ которое можно было бы адресовать книги журнала, а также въ случаѣ неисправной высылки журнала заявлять объ этомъ не позже выхода слѣдующей книги. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ вѣдомствомъ правилъ, Газетная Экспедиція къ своему разсмотрѣнію жалобъ не принимаетъ. Жалобы и извѣстія о перемѣнѣ адресовъ адресуются исключительно въ контору „УСТОЕВЪ.“

Новый журналъ съ 1-го января 1883 г.

„ИСКУССТВО.“

Еженедѣльный художественно-литературный органъ поэзіи, музыки, театра, живописи, скульптуры, декоративнаго искусства, хореографіи, архитектуры и пр.

Задача новаго журнала—служить выразителемъ художественно-артистической жизни Европы и Россіи.

Каждый № журнала будетъ заключать: 1) Руководящія статьи по всѣмъ отраслямъ искусствъ. 2) Статьи по теоріи искусства, по худож. археологіи, по эстетикѣ. 3) Критическіе обзоры петерб. и москов. театровъ и выставокъ 4) Театр.-музыкальн. корреспонденціи и извѣсія изъ всѣхъ провинціальн. городовъ Россіи. 5) Худож.-литературн. новости изъ заграницы. 6) Театрально-музыкальн. письма изъ Парижа, Лондона, Вѣны, Берлина, Рима, Милана, Мадрида. 7. Хроника текущихъ событій по всѣмъ отд. искусства. 8) Худож. и литер. фельетонъ. 9) Біографіи, мемуары, воспоминанія артистовъ, музыкантовъ и художниковъ, какъ русск., такъ и европейск. Кромѣ того, „справочный отдѣлъ“ со всѣми необход. свѣдѣніями и указаніями для артистовъ, художниковъ и антрепренеровъ. Два раза въ мѣсяцъ (25 въ годъ) при журналѣ прилагаются портреты крупныхъ дѣятелей въ области искусства. Каждый нумеръ журнала отъ 1½ до 2-хъ листовъ, въ форматѣ приб. „Вс. Иллюст.“

Подписка прин. въ конторѣ редакціи: уг. Ивановской и Николаевской, д. № 14, кв № 9.

Журналъ „Москва" будетъ выходить въ 1883 году въ значительно увеличенной противъ прежняго программѣ, въ форматѣ большихъ иллюстрацій, всего, 50 №№ въ годъ, печатанныхъ на роскошной глазированной бумагѣ и кромѣ **пятнадцати художественныхъ премій**, въ теченіе года будетъ помѣщено множество виньетокъ, портретовъ выдающихся дѣятелей и болѣе 200 оригинальныхъ рисунковъ, исполненныхъ красками.

Вотъ тѣ сюжеты, которые уже пріобрѣтены редакціей:

Смотрины въ купеческомъ домѣ, Катя, бѣлолицая (поэма изъ народнаго быта), Оправданный, Типы темнаго царства (10 рисунковъ), Ванька Ключникъ, Не гулялъ съ кистенемъ я въ дремучемъ лѣсу, Домовой на купеческой свадьбѣ (15 рисунковъ), Сѣнокосъ, Лысая гора (нѣсколько фантастическихъ картинокъ), „Пьяная ночь" (Некрасова), Охотничьи сцены, „Самъ имянинникъ", Потокъ богатырь, Кабатчикъ (поэма 15 рисунковъ), Рыболовы, Маленькій поръ, Вылазка, Въ ссудной кассѣ, Прекрасный полъ, Кладъ, Проповѣдь, У желѣзной дороги, Ванька отчаянный, Пименъ и Григорій Отрепьевъ, Съ яблоками, Въ ученьѣ, Весна, Русскіе богатыри (нѣсколько рисунковъ), Колдунъ Ѳома, На далекой окраинѣ и многіе другіе.

Кромѣ этого въ теченіе года предполагается дать нѣсколько роскошныхъ иллюстрацій къ произведеніямъ *Д. В. Григоровича*, „Рыбаки", *И. С. Тургенева* „Записки Охотника", *Гончарова*, „Обрывъ", *Гоголя*, Вчера на хуторѣ близъ Диканьки, *Графа А. Толстаго*, „Князь Серебряный" и стихотвор. *Н. А. Некрасова* и друг.

Надъ исполненіемъ этихъ рисунковъ заняты художники журнала Москва.

Въ 1883 году будетъ особенно подробно описано и иллюстрированно красками предстоящее въ Москвѣ Коронованіе

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.

Всѣ годовые подписчики на 1883 годъ получаютъ главную годовую премію:

РОСКОШНУЮ, ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСПОЛНЕННУЮ И ЛАКИРОВАННУЮ ОЛЕОГРАФІЮ

БОЛЬШУЮ ИСТОРИЧЕСКУЮ КАРТИНУ ХУДОЖНИКА К. В. ЛЕБЕДЕВА.

Русская свадьба въ XVI столѣтіи.

ПРОВОДЫ МОЛОДЫХЪ ВЪ ОПОЧИВАЛЬНЮ ВЪ ДОМѢ БОЯРИНА.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Къ участію въ журналѣ приглашены лучшія литературныя силы.

Въ теченіи года журналъ „Москва" составитъ два объемистыхъ тома, около 1200 столбцовъ убористаго текста, въ который войдутъ; 1) Иллюстрированные историческіе романы и повѣсти 2) Очерки и разсказы изъ русской жизни 3) Большіе переводные романы знаменитыхъ иностранныхъ писателей 4) Статьи по вопросамъ искусства 5) Иллюстрированныя поэмы и стихотворенія 6) Фельетонъ, хроника общественной жизни 7) Сцены и описанія рисунковъ 8) Юмористическіе наброски на злобы дня 9) Разнообразный отдѣлъ Смѣси: остроты, анекдоты, курьезы, замѣчательныя открытія и изобрѣтенія, полезные совѣты и т. п.

Въ портфелѣ редакціи уже находятся слѣдующія литературныя произведенія: „Поволжская вольница", повѣсть, **„Очень любила"**, разказъ, **„Вася Блаженный"**, повѣсть, **„Цезарь Борджія"** переводъ, **„Степной домикъ"** очеркъ, **„Царица грезъ"** разсказъ, **„Послѣдняя воля"** повѣсть и многіе другіе.

Съ 1-го января начнется печатаніе **большаго иллюстрирваннаго историческаго романа изъ XIV вѣка: „НА РУБЕЖѢ ЯЗЫЧЕСТВА".**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ безъ доставки	7 р. — к.	На годъ съ дост. и перес.	8 р. — к.
На полъ года	4 р. — к.	На полъ года	5 р. — к.
На 1 мѣс. безъ гл. прем.	1 р. — к.	На одинъ мѣсяцъ	1 р. — к.

Для Гг. служащихъ какъ въ частныхъ, такъ и казенныхъ учрежденіяхъ (въ С.-Петербургѣ Москвѣ и другихъ городахъ) допускается разсрочка за ручательствомъ Гг. казначеевъ и управляющихъ

ПРИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

будутъ издаваться по прежде утвержденнымъ программамъ:

1) Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости.

Церковная, по преимуществу мѣстная, *газета*. Программа ея въ общемъ слѣдующая: **Отдѣлъ оффиціальный**: Высочайшіе манифесты и повелѣнія, синодальные указы и правительственныя распоряженія, относящіяся къ кіевской епархіи, мѣстныя административныя распоряженія и извѣстія и проч. **Отдѣлъ неоффиціальный**: мѣстныя церковныя историко-статистическія извѣстія и достопримѣчательные письменные памятники, хроника мѣстная и общецерковная, извѣстія о замѣчательныхъ событіяхъ церковной жизни въ церкви русской, восточной, западной и проч.

2) Воскресное Чтеніе.

Журналъ *религіозно-нравственнаго* содержанія и характера въ общедоступномъ и общеназидательномъ изложеніи и въ томъ духѣ, направленіи и видѣ, какъ онъ издавался *первоначально* Въ немъ будутъ помѣщаемы общепонятныя статьи, служащія къ уразумѣнію слова Божія, богослуженія и обрядовъ православной церкви, къ утвержденію въ сердцѣ любви, вѣры и упованія христіанскаго, краткія житія святыхъ и тому под.

3) Труды Кіевской Духовной Академіи.

Журналъ *научнаго* содержанія и характера. Въ немъ будутъ помѣщаемы научныя статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной академіи, по предметамъ общезанимательныя, по изложенію доступныя большинству читателей. При журналѣ **будутъ продолжаться переводы твореній блаженнаго Іеронима** и **Августина**.—Изъ твореній бл. Іеронима въ 1883 г. будутъ издаваться его **толкованія на ветхозавѣтныя книги**; изъ твореній бл. Августина—его твореніе **о градѣ Божіемъ**.

Такимъ образомъ изданія кіевской духовной академіи имѣютъ въ виду удовлетвореніе потребностей: 1) своевременнаго знакомства съ текущими церковными событіями (*газетное* чтеніе,- „Епархіальныя Вѣдомости"), 2) *религіозно-нравственнаго*, общеназидательнаго и общепонятнаго чтенія („Воскресное Чтеніе") и 3) научнаго образованія, богословскаго („Труды Кіевской Духовной Академіи").

„Епархіальныя Вѣдомости" выходятъ *два раза* въ мѣсяцъ, въ 4-ю д. л., *не менье двухъ листовъ*, „Воскресное Чтеніе"—*еженедѣльно*, въ прежнемъ форматѣ, въ четвертку, *не менье одного листа въ недѣлю*, „Труды Кіевской Духовной Академіи" будутъ выходить *ежемѣсячно* книжками *отъ 10 до 12* листовъ.

Цѣна за годъ съ пересылкою: Епархіальныхъ Вѣдомостей 4 р.; Воскреснаго Чтенія—4 р.; Трудовъ Кіевской Духовной Академіи—7 р Цѣна Епархіальныхъ Вѣдомостей вмѣстѣ съ Воскреснымъ Чтеніемъ—7 р.; Епарх. Вѣдомостей съ Трудами—10 р.; Воскреснаго Чтенія съ Трудами—10 р.; Епархіальныхъ Вѣдомостей съ Воскреснымъ Чтеніемъ и Трудами—12 р. с.

Адресъ: въ редакцію Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, или Воскреснаго Чтенія, или Трудовъ, при кіевской духовной академіи, въ Кіевѣ.

Можно также подписываться въ книжныхъ магазинахъ: 1) Н. Я. Оглоблина въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, 2) Ив. Л. Тузова—въ С.-Петербургѣ, 3) А. И. Ферапонтова—въ Москвѣ.

Въ редакціи можно получать „Воскресное Чтеніе" за слѣдующіе годы существованія журнала при академіи: I (1837—38), II 1838—39), V (1841—42), X (1846—47), XI (1847—48) XII (1848—49), XV (1851—52), XVII (1853—54), XVIII (1854—55), XIX (1855—56), XX (1856—57), XXI (1857—58), XXIII (1859—60), XXIV (1860—61), XXV (1861—62), XXVII (1863—64),

XXVIII (1864—65), XXIX (1865—66), XXX (1866—67), XXXI (1867—68), XXXII (1868—69), XXXIII (1869—70), XXXIV (1870—71). Цѣна 2 руб. 60 к. за годъ съ пересылкою. В. Чтеніе за 1879—1881 г.г. по 4 р. за экземпляръ съ перес.

Епарх. Вѣдомости за 1880 и 1881 г.г. (въ сброшюрованномъ видѣ) по 3 руб. 50 коп. за экземпл. съ перес.

«Труды Кіевской духовной Академіи» продаются *по уменьшенной цѣнѣ:* 1860—1866, 1868 годы по 2 р. 60 к.; за 1869—1873 годы по 4 р; за 1874—1878 г.г. по 5 руб. съ пересылкою, за 1879, 1880 1881 г.г. по 6 руб. съ пересылкою.

Выписывающимъ единовременно не менѣе 10 годовыхъ экземпляровъ «Трудовъ» и «Воскреснаго Чтенія» дѣлается уступка по 25% съ номинальной цѣны; выписывающіе «Воскресное Чтеніе» получаютъ сверхъ того указатель къ первымъ 25 годамъ этого журнала.

Мѣсячныя книжки «Трудовъ» 1860—1873 гг. отдѣльно продаются по 65 коп., съ пересылкою 75 коп.

„МОСКОВСКАЯ ГАЗЕТА"

(ЕЖЕДНЕВНОЕ, БЕЗЦЕНЗУРНОЕ ИЗДАНІЕ).

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Газета поставила себѣ задачею служить исключительно русскимъ интересамъ и будетъ содержать въ себѣ:

1) Политическое обозрѣніе: Обзоръ иностранной и русской жизни. 2) Телеграммы внутреннія и иностранныя. 3) Внутреннее обозрѣніе: обзоръ столичной и провинціальной жизни. Случаи, происшествія, корреспонденціи. 4) Мѣстный дневникъ: случаи и происшествія московской жизни. 5) Театральная хроника. 6) Биржевыя и торговыя свѣдѣнія. 7) Судебная хроника: судебныя новости и отчеты. 8) Заграничная хроника: извѣстія о жизни иностранныхъ государствъ.—Корреспонденціи. 9) Мануфактурныя и торговыя свѣдѣнія. 10) Фабричная и промышленная дѣятельность. 11) Науки, искусства и художества. 12) Фельетонъ: романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, драматическія произведенія, разборъ журналовъ и книгъ. 13) Почтовый ящикъ. 14) Московскій справочный календарь. 15) Рекламы и объявленія.

Въ будущемъ, второмъ году своего существованія, «Московская газета» будетъ издаваться по той-же программѣ (программѣ всѣхъ большихъ газетъ), подъ редакціею и при участіи какъ нынѣшнихъ, постоянныхъ, такъ и нѣсколькихъ новыхъ сотрудниковъ и корреспондентовъ.

Помимо обстоятельной и полной картины общественной жизни древней русской столицы, «Московская газета» представляетъ о каждомъ болѣе или менѣе выдающемся событіи свое мнѣніе, въ руководящихъ статьяхъ, написанныхъ живымъ языкомъ, чуждымъ такъ называемой газетной рутины; кромѣ того, въ ней отведено видное мѣсто взглядамъ и мнѣніямъ другихъ органовъ печати какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ съ критической оцѣнкой этихъ мнѣній и взглядовъ; такимъ образомъ, подписчики «Московской газеты» могутъ составить себѣ самый широкій и безпристрастный взглядъ на всякое событіе.

Подписка на газету и продажа ея отдѣльными №№ производятся въ конторѣ редакціи: Москва, Софійская набережная, д. Котельниковой, и въ отдѣленіяхъ конторы: на станціи конно-желѣзной дороги, у Иверскихъ воротъ; въ книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова, Моховая, противъ университета; С. И. Леухина у Иверскихъ воротъ и Андронова, на Петровкѣ, д. Хомяковыхъ; Прѣснова и Земскаго на Никольской улицѣ; Васильева на Страстномъ бульварѣ; Вольфа на Кузнецкомъ мосту и въ Охотномъ ряду, въ газетной торговлѣ Девяткина.

Кромѣ того, подписка принимается также: въ С.-Петербургѣ, Литейная № 48 и въ Казани, въ книжномъ магазинѣ, «Восточная Лира».

Подписная цѣна съ пересылкой и доставкой:

За годъ	9 р.	—	к.
„ полгода	5 „	—	„
„ три мѣсяца	3 „	—	„
„ одинъ мѣсяцъ	1 „	—	„

БЕЗЪ ДОСТАВКИ:

За годъ	8 р.	—	к.
„ полгода	4 „	50	„
„ три мѣсяна	2 „	50	„
„ мѣсяцъ	— „	90	„

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться исключительно въ главную контору редакціи: въ Москву, у Большаго Каменнаго моста, домъ Котельниковой.

Примѣчаніе. Столбцы нашей газеты постоянно будутъ открыты для гг. иногороднихъ корреспондентовъ, которые могутъ быть вполнѣ гарантированы, что ихъ имена будутъ сохранены въ полной тайнѣ.

Для личныхъ объясненій редакція открыта отъ 2 до 3 часовъ дня, кромѣ праздниковъ.

ПРОГРАММА

ЖУРНАЛА

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“.

Самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ докуметовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ, характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южно-русской древности—въ зданіяхъ, архивахъ и всякаго рода предметахъ древняго быта, и, наконецъ, замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы: неизслѣдованные обычаи—религіозные, правовые и т. п., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и пр. Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и заграницею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

Къ изданію отъ времени до времени прилагаются портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южно-русскаго народа и снимки со всякаго рода памятниковъ южно-русской старины.

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“, по однородности ея цѣлей съ задачами мѣстнаго историческаго общества пр. Нестора лѣтописца, будетъ, согласно избранію этого общества, постояннымъ его органомъ, помѣщая у себя рефераты его членовъ, отвѣчающіе программѣ и характеру журнала, равно протоколы и отчеты общества.

*Въ изданіи „**КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ**“ принимаютъ участіе слѣдующія лица: Антоновичъ В. Б., Багалѣй Д. И., Будановъ М. Ф., Бѣлозерскій Н. М., Веселовскій А. Н., Викторовъ А. Е., Воронинъ А. Ѳ., Галаганъ Г. П., Ганицкій М. А., Головацкій Я. Ѳ., Голубинскій Е. Е., Голубевъ С. Т., Горленко В., Дашкевичъ Н. П., Ефименко П. С., Житецкій П. И., Иконниковъ В. С., Кистяковскій А. Ѳ., Костомаровъ Н. И., Каманинъ И. М., Крыжановскій Е. М., Кондратовичъ Ѳ. К., Лазаревскій А. М., Лебединцевъ А. Г., Лебединцевъ П. Г., Левицкій Н. С., Левицкій О. И., Лѣсковъ Н. С., Малышевскій И. И., Мацѣевичъ Л. С., Мордовцевъ Д. Л., Новицкій И. П., Петровъ Н. И., Пономаревъ С. И., Потебня А. А., Праховъ А. В., Скальковскій А. А., Смоктій А. И., Терновскій Ф. А., Шимановъ А. Л., Ханенко А. Н., Чалый М. К. и другіе.*
